

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 60

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19*

МОСКВА, САМИЗДАТ, 1980

ПЕРЕИЗДАНО :
НЬЮ-ЙОРК, ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА", 1981

**БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

Х Р О Н И К А Т Е К У Щ И Х С О Б Ы Т И Й

Выпуск 60

31 декабря 1980 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Суд над Лавутом — Суд над Мейлановым — Преследования Рабочей комиссии; Арест Гривниной, Суд над Терновским — Дело № 50611-14/79; Суд над Сорокиным — Преследования Инициативной группы защиты прав инвалидов — Аресты — Обыски — Дело Осиповой — Преследования крымских татар — События на Украине; Суды над Сас-Жураковским, Крайником, Мазуром, Хмарой; В. Шевченко и А. Шевченко — События в Эстонии — события в Литве: Суд над Янулисом и Бузасом; Навицкайте и Виткаускайте; Абрутисом; Скуодисом, Ешмантасом и Печелюнасом; Станелите — Преследования верующих: Суды над Звягиным; В. Рытиковым и Вильчинской — Право на выезд — В тюрьмах и лагерях — В ссылке — В психиатрических больницах — После освобождения — Внесудебные преследования — Разные сообщения — Письма и заявления — Новости Самиздата — Поправки и дополнения — Примечания

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Суд над Лавутом	7
Суд над Мейлановым	21
Преследования Рабочей комиссии	22
Арест Гривниной	22
Суд над Терновским	24
Дело № 50611-14/79	27
Дело о журнале "Поиски"	27
Суд над Сорокиным	27
Разное	29
Вокруг клуба "Беллетрист"	30
Поиски романа "Эныч"	31
Обыск у Кирилла Попова	31
Преследования Инициативной группы защиты прав инвалидов	32
Аресты	34
Арест Мясникова	34
Аресты Лазаревой и Мальцевой	36
Арест Браиловского	36
Аресты Боголюбова и Еременко	38
Арест Азадовского	40
Обыски	40
Дело Осиповой	41
Преследования крымских татар	51
События на Украине	52
Суд над Сас-Жураковским	52
Суд над Крайником	53
Суд над Мазуром	54
Суд над Хмарой, В. Шевченко и А. Шевченко	54
Арест Мешко	61
Арест Владимира Сичко	62
Аресты Зинченко и Алтуняна	62
Разное	63
События в Эстонии	63

События в Литве	64
Суд над Янулисом и Бузасом	64
Суд над Навицкайте и Виткаускайте	65
Суд над Абрутисом	66
Суд над Скуодисом, Ешмантасом и Печелюнасом	66
Суд над Станелите	68
Разное	69
Преследования верующих	70
Католики в Литве	70
Документы Католического комитета защиты прав верующих	71
Адвентисты	72
Суд над Звягиным	72
Баптисты	72
Суд над В. Рытиковым и Вильчинской	72
Арест Румачика	73
Православные	73
Право на выезд	74
Десятая годовщина приговора "самолетчикам"	74
Москва	74
Киев	77
Львов	79
Армения	79
Уехали	80
В тюрьмах и лагерях	80
Чистопольская тюрьма	80
Мордовские лагеря	81
Пермские лагеря	82
В других тюрьмах и лагерях	83
Письма и заявления политзаключенных	85
В защиту политзаключенных	87
Освобождения	87
В ссылке	88
Освобождения	88
В психиатрических больницах	89
Освобождения	89
После освобождения	89

Внесудебные преследования	90
Разные сообщения	92
День прав человека в Москве	95
Разгон неофициальных семинаров	96
Пена	97
Письма и заявления	98
Письма А.Д. Сахарова	100
После суда над Сокирко	106
Документы Московской группы "Хельсинки"	116
Новости Самиздата	117
Поправки и дополнения	119
Дело Горбала	119
Дело Черновола	121
Примечания	126

СУД НАД ЛАВУТОМ

С 24 по 26 декабря Московский городской суд под председательством В.В. Богданова (он же судил Гримма – Хр. 58) рассматривал дело Александра Павловича Лавута (1929 г.р.; арестован 29 апреля – Хр. 56), обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинитель – прокурор Т.П. Праздникова (она обвиняла также Вячеслава Бахмина, Сокирко и Гримма – Хр. 58), защитник – адвокат Е.А. Резникова (Хр. 53; она же защищала Терновского – см. ниже).

Процесс проходил в помещении народного суда Бабушкинского района г. Москвы. В зал суда, кроме "спецпублики", пустили только родственников подсудимого. Его друзья, прошедшие в зал задолго до начала заседания, были выведены. Вечером 24 декабря Е. Алексееву, вышедшую из здания суда, пытались не пустить обратно. 25 декабря в зал суда удалось попасть И. Браиловской. В перерыве ее вывели из зала и увели в милицию "для выяснения личности" (у нее не было с собой паспорта). 26 декабря при попытке пройти в зал суда был задержан и уведен в милицию П.А. Подрабинек.

В начале процесса Лавут заявил ходатайства

– обеспечить гласность, пустить в зал его друзей, пришедших к зданию суда (в этой связи Лавут рассказал суду, что 3 ноября, на допросе по делу Осиповой, майор Губинский из КГБ СССР сказал ему: "Мы пускаем людей, способных объективно воспринимать информацию");

– вызвать в суд в качестве свидетелей П. Якира ("Обвинение часто ссылается на его показания, которые он давал, будучи подсудимым. По моему делу он не допрашивался. В своих показаниях он назвал все предъявленные ему документы клеветническими. Сейчас он, может быть, так не думает, а может быть, так не считал и в то время"), Энвера Аметова, Эскандера Разулова, Гулизар Абдулаеву, Мустафу Джемилева и Фуата Аблямитова ("В ходе следствия по моему делу все они допрашивались в связи с крымско-татарскими документами"), Л. Бойцову, С. Каллистратову и председателя Московской городской коллегии адвокатов К. Апраксина ("Для доказательства отсутствия клеветы или заведомо ложных измышлений в инкриминируемом мне документе "О праве на защиту"), И. Валитову (в связи с документом "Суд над профессором Орловым"), Ю. Шихановича, Н. Константинова и Ю. Киселева, а также эксперта Гаркавенко, проводившего научно-идеологическую экспертизу ("Заключение эксперта недобросовестно, некомпетентно. Имеются клеветнические высказывания обо мне и о других людях");

– приобщить к делу около 70 писем, заявлений и жалоб, направленных крымскими татарами в различные советские инстанции (по постановлению следователя Жданова в октябре эти документы были изъяты из дела и направлены в КГБ), три "Информационных бюллетеня" Инициативы

тивной группы защиты прав инвалидов в СССР и машинописную заметку "Результаты приема на мехмат МГУ";

– запросить распоряжения об отключении моего телефона 284-36-93 в марте 1978 г. и в январе 1980 г., перечень документов, необходимых для подачи заявления на выезд ("Из этого перечня будет видно, что ограничения при выезде существуют, что и говорится в инкриминируемом мне документе"), справку о количестве евреев, подавших заявления и принятых на мехмат и физфак МГУ в 1975-80 гг., указание МВД Уз. ССР о выписке лиц крымскотатарской национальности, уезжающих в Крым, и копию письма подполковника Цапенко от 28 декабря 1977 г., в котором прямо говорится, что прописка крымских татар в Крыму запрещена (Хр. 47, 48).

Адвокат Резникова поддержала все ходатайства Лавута и просила вызвать в суд допрошенных на предварительном следствии начальника ЦГЭ А.С. Кашика и начальника одной из партий ЦГЭ Е.А. Соколинского.

Прокурор предложила отложить все ходатайства, что суд и сделал.

Обвинительное заключение

Лавут с 1968 г. по 1980 г. подписал 21 документ (письма и заявления), содержащий "заведомо ложные измышления, порочащие...", принимал участие в составлении некоторых из них, занимался их распространением. Эти письма и заявления, будучи переданными за границу, активно использовались зарубежными радиостанциями и антисоветскими издательствами. Клеветнический характер документов, подписанных Лавутом, факты распространения их подтверждаются показаниями Якира и Красина; Якир и Красин подтвердили также, что этими выступлениями наносился ущерб престижу Советского Союза. Факты подписания некоторых писем подтверждаются показаниями Мостинского, Дедюлина, Шемьи-Заде.

Подпись Лавута стоит под обращениями так называемой Инициативной группы защиты прав человека в СССР. Свидетели Урицкий, Фридман и Кожаринов подтвердили принадлежность Лавута к Инициативной группе. Принадлежность Лавута к Инициативной группе подтверждает и магнитопись с голосом Лавута на пленке, изъятой на обыске у Тольца (Хр. 56). Свидетели Мостинский, Урицкий и Тертицкий подтвердили, что голос этой записи похож на голос Лавута.

Лавуту инкриминируется также распространение книг "Архипелаг ГУЛаг" ("Калужским областным судом книга признана антисоветской и клеветнической, написанной с враждебных позиций и извращающей сущность социалистического гуманизма") и "Ленин в Цюрихе" Солженицына, книги "История болезни Леснида Площа" Т. Ходорович и статьи "Об отмене смертной казни" А. Сахарова. В 1976 г. Ковальский и Антиди по просьбе Бекирова зашли к Лавуту, который дал им книги "Ленин в Цюрихе" и "История болезни Леонида Площа", а также фотопленки книги "Архипелаг ГУЛаг". В 1978 г. Лавут дал "Архипелаг ГУЛаг" Ефрой-

кину; ему же он дал статью "Об отмене смертной казни". "Архипелаг ГУЛаг" он дал также Чистикову.

В 1978 г. Лавут сказал Ефройкину: "Настоящее правительство долго не продержится, так как есть люди, готовые жертвовать собой для изменения порядка".

Изъятая у Лавута записка Терновскому (эта записка была изъята в Бутырской тюрьме – Хр. 57) подтверждает, что Лавут имел отношение к "Хронике текущих событий".

О противоправительственной деятельности с Лавутом проводились профилактические беседы, в частности, 15 февраля состоялась беседа начальника ЦГЭ Кашика с Лавутом.

Очевидно стремление Лавута нанести вред Советскому государству.

Лавут виновным в клеветнических измышлениях себя не признал, давать показания на предварительном следствии отказался.

Судебное следствие

На вопрос судьи "Признаете ли вы себя виновным?" Лавут ответил отрицательно.

Судья объявил, что из 11 человек, вызванных в суд в качестве свидетелей, не явились пятеро: Чистиков находится в заграничной командировке, Ефройкин отдыхает в Пятигорске, Кожаринов болен, имеет бюллетень; Бекиров и Фридман отсутствуют по неизвестной причине. Ходатайство Лавута отложить суд ("Обвинение построено, в основном, на показаниях Ефройкина, Кожаринова и Бекирова. Ефройкин дал ложные показания; в суде он поведет себя, быть может, лучше. С Бекировым связаны нетривиальные обстоятельства"), поддержанное защитником, было отклонено.

Всю вторую половину первого дня процесса и первую половину второго дня Лавут давал объяснения по обвинительному заключению. Он указал, что в ходе предварительного следствия следователь Жданов никогда не касался содержания инкриминируемых документов, заранее считая их все клеветническими. Разбирая по очереди все инкриминируемые ему документы, Лавут показал правдивость изложенных в них фактов. Он указал, что два из перечисленных в обвинительном заключении документов отличаются только названиями, а под одним из них он не подписывался.

...

Лавут. Можно ли ставить мне в вину, что письмо было направлено в Комитет прав человека при ООН?!

Судья. Вам вменяется не адресат, а клевета, содержащаяся в письме.

Лавут. Рад, что по мнению суда обращение в международный адрес не возбраняется.

Судья. Это мнение председателя суда, а не судейской коллегии. Все мы ходим по одной грешной земле, дышим одним воздухом и суд получает информацию не только из знакомства с Вашим делом, Лавут.

...

Лавут. Принято упрекать тех, кто обращается за рубеж. Престиж государства, с моей точки зрения, подрывается не обращением в международные организации, а делами, которые приходится разоблачать. ...В качестве доказательства моей принадлежности к Инициативной группе, которую я, кстати, не отрицаю, следствие приводит показания трех свидетелей, которые на самом деле об этом ничего не говорили. Подчеркиваю недобросовестность следствия.

...

Судья. Согласен с Вами, что карцер – это жестокое наказание, но он существует в соответствии с ИТК.

Лавут. Тогда скажу о резиновой камере, которая имеется в Бутырской тюрьме. Человека помещают туда голым.

Прокурор. Клевета! Не слышала ни разу за 30 лет работы!

Лавут. Говорю, что слышал, – резиновой камерой часто угрожают.

...

Судья. Подписывая все эти документы, Вы заботились о благе государства? Или собирались действовать во вред ему?

Лавут. Для блага государства. Не вижу никаких путей, кроме гласности.

Судья. Значит, Вы заботились о благе государства. А нанесение ущерба международному престижу?

Лавут. Считаю, что не было.

...

Лавут. С Ефройкиным я познакомился где-то осенью 1976 года. Он пришел ко мне домой и сказал, что приехал из Омска с письмом от Дворянского... (Дворянский допрашивался по делу Мустафы Джемилева, суд над которым проходил в Омске.) ...Поскольку дело Дворянского (Хр. 40 – Хр.) меня интересовало, я выслушал Ефройкина. ...Некоторое время я занимался Дворянским, и Ефройкин был у меня еще несколько раз. ... Он часто уговаривал меня написать Дворянскому. При этом он говорил, что может научить меня писать тайнописи, т.е. можно будет написать что-то, что не заметит цензура. Я говорил, что напишу Дворянскому, если мне удастся что-нибудь узнать для него, но мне не нужна тайнопись, так как все, что касается медицинских дел Дворянского, пропустит любая цензура. Очень скоро я решил для себя, что Ефройкин ко мне подослан, но в силу своего характера я не мог указать ему на дверь, да и судьба Дворянского меня интересовала. Затем как-то, опять долго напрашиваясь зайти, Ефройкин пришел ко мне и попросил что-нибудь почитать. У нас и раньше были разговоры о диссидентском движении. Ефройкин говорил, что он наслышан о таких делах, его это очень интересует и интересовало бы пошире. Я говорил, что имею к этому некоторое отношение. Он просил что-нибудь почитать, например, "Архипелаг ГУЛаг". Книга была свободна и я дал ее Ефройкину: I том – точно, II том – не помню. Виделись мы редко. Приблизительно зимой 1977 г. Ефройкин довольно настойчиво попросил меня помочь ему получить вызов... В своих показаниях Ефройкин говорит, что я произнес такую фразу: "Настоящее правительство долго не продержится, так как есть люди, готовые жертвовать собой для изменения порядка". По своему характеру я не мог

произнести такой фразы и нигде и никому ничего подобного не говорил. В деле имеется документ — заявление Ефройкина. Он пишет: "Я вскоре понял, что Лавут враждебен нашему обществу, и решил порвать с ним отношения. Я отнес это заявление в КГБ". Заявление кончается просьбой принять к Лавуту меры.

На суде были зачитаны показания Ефройкина на предварительном следствии:

Я познакомился с Лавутом приблизительно осенью 1976 г. около синагоги. Я хотел тогда уехать из СССР на постоянное жительство в Израиль. Кто-то мне указал Лавута как человека, могущего помочь. Я стал заходить к нему. ...Александр Павлович рассказал мне о существовании демократического движения диссидентов, с гордостью заявив, что сам имеет к нему отношение. Что-то подписывает, составляет и через иностранных корреспондентов переправляет за границу различные статьи, документы, письма протеста. Мы много беседовали на общественно-политические темы. Где-то в октябре 1978 г. он сказал: "Настоящее правительство долго не продержится, т.к. есть люди, готовые жертвовать собой для изменения порядка". Вскоре мы отметили двухлетие нашего знакомства, посидев в кафе на Сретенке. Я как-то сказал, что интересуюсь этими вопросами, и попросил Александра Павловича дать мне что-нибудь почитать. Он дал мне "Архипелаг ГУЛаг" Солженицына — фотокопию I тома и ксерокопию II тома. "Архипелаг ГУЛаг" мне не понравился. Мы беседовали об этой книге, когда я ее возвращал. Александр Павлович сказал, что ему, наоборот, книга нравится, так как в ней отражена правда. У Александра Павловича я прочитал статью Сахарова "Об отмене смертной казни". Через некоторое время я понял, что Александр Павлович — враждебный нам человек, и решил, что такой товарищ мне не нужен. Я отнес в КГБ письмо, прося применить к Александру Павловичу меры.

Из показаний Чистикова:

На столе в проходной комнате я увидел книгу "Архипелаг ГУЛаг". Спросил, можно ли почитать. Александр Павлович разрешил. Я взял и прочитал I и II том.

Лавут. Сергей Чистиков — первый муж моей дочери, жил с нами. Отношения были нормальные, хорошие. У нас в доме не принято спрашивать разрешения взять ту или иную книгу. По отношению к книге "Архипелаг ГУЛаг" такой вопрос имел смысл: не занята ли она; может быть, кто-то ее читает или я обещал кому-то ее дать. Сережа спросил — я разрешил ее взять.

...

Прокурор. Откуда в показаниях Вашего первого зятя фраза: Летом 1978 г. я услышал от матери, что Лавут является редактором крымскотатарского отдела "Хроники текущих событий"?

Лавут. Это мне неизвестно.

...

Прокурор. На обысках у Вас изъяты три машинки. Кто и что на них печатал?

Лавут. Я отказываюсь участвовать в расследовании: кто-куда-когда-кому.

Прокурор. Знали ли Вы о публикации на Западе Ваших посланий?

Лавут. Постфактум знал о некоторых. О других узнал только, читая мое дело. О многих и сейчас не знаю. Но, узнавая, всегда радовался, так как это все-таки гласность. "Хронику защиты прав в СССР" считаю просто нашим изданием, так как ее редактор Чалидзе, живущий в Америке, с моей точки зрения, не стал американцем: он — наш человек.

...

Адвокат. Какую работу для ЦГЭ Вы проводили, находясь под стражей?

Лавут. Я заканчивал программу, работу над которой начал до ареста. Работал над ней, находясь в следственном изоляторе, в течение месяца. Законченную работу отдал следователю для передачи в ЦГЭ. При ознакомлении с делом увидел, что законченная программа передана начальнику ЦГЭ.

В то время как Лавут давал объяснения, к его дочери подошел комендант суда и предупредил ее, чтобы она не записывала. Заметив это, Лавут упомянул об очерке Феофанова в "Известиях", в котором автор указывает на незаконность замечания судьи по поводу его записей во время открытого судебного заседания. Богданов на все это никак не реагировал.

* * *

Сообщение ТАСС о первом дне суда выглядит так:

В Московском городском суде проходит начавшийся сегодня утром открытый процесс по уголовному делу Александра Павловича Лавута, 51-летнего московского геофизика.

В обвинительном заключении, оглашенном на суде, подсудимому инкриминируется многолетняя антизаконная деятельность с умышленным стремлением нанести ущерб интересам и престижу СССР. Преступление, которое вменяется в вину Александру Лавуту, подпадает под статью 190-1 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

После оглашения обвинительного заключения суд допросил Лавута в качестве подсудимого. В ходе допроса Лавут признал изложенные в обвинительном заключении факты, которые вменяются ему в вину. Он показал, что в течение 1968-1980 годов он действительно систематически изготовлял и распространял материалы, перечисленные в обвинительном заключении и представленные суду в качестве вещественных доказательств. Он признал также, что знакомил со сфабрикованными им "письмами", "обращениями" и "заявлениями" определенный круг лиц в СССР. Подсудимый не отрицал и того, что через аккредитованных в Москве корреспондентов буржуазных средств массовой информации и по другим ка-

налам он переправлял свои фальшивки на Запад. Лавут показал, что ему было известно об использовании его материалов антисоветскими подрывными радиостанциями "Свобода", "Свободная Европа", журналом "Посев" – органом фашиствующего "Народно-трудового Союза", клеветническими изданиями "Хроника защиты прав в СССР", "Хроника текущих событий" и другими.

Радиостанция "Свобода", сославшись на это сообщение, передала в эфир, что Лавут признал себя виновным.

* * *

В середине дня 24 декабря И. Ковалев, Е. Боннэр, В. Тольц, Е. Алексеева, М. Петренко и Т. Герус подали судье Богданову заявление:

Как нам известно, среди инкриминируемых А. Лавуту материалов имеется заявление, в котором, в частности, утверждается, что гласность судопроизводства на "политических" процессах (например, ст.ст. 190-1 и 70 УК РСФСР) систематически нарушается.

Нам известно, что ходатайство Лавута о том, чтобы нас допустили в зал суда, было отклонено.

Сейчас милицейский кордон не пускает нас дальше фойе здания суда. Тем самым гласность судопроизводства в данном процессе нарушена. Ссылки на отсутствие свободных мест безосновательны: перед началом процесса несколько друзей Лавута было выведено из зала, сейчас в зале также есть по крайней мере несколько свободных мест.

Мы просим вызвать нас свидетелями для дачи показаний в судебном заседании о том, правда ли, что гласность судопроизводства на подобных процессах систематически нарушается. Некоторые из нас могут дать аналогичные показания и о других процессах.

Разумеется, в любом случае мы просим допустить нас в зал суда.

Заявление с просьбой пустить их в зал суда подали также сослуживцы Лавута. Ответа не было.

Допрос свидетелей

Лавут. В декабре 1976 г. я действительно передал некоему человеку пленки книги "Архипелаг ГУЛаг" и книги "Ленин в Цюрихе" и "История болезни Леонида Плюща". Он (может быть, это был Ковальский) пришел ко мне рано утром... Я передал ему то, что сейчас назвал. Предварительного звонка мне никакого не было и выходить к поезду я не собирался. Что касается Антиды, то его я увидел впервые на очной ставке, в которой участвовать отказался. В справках и записках, связанных с этим эпизодом, ошибки в датах, а может быть, и не ошибки...

Ковальский (директор вагона-ресторана поезда "Москва – Новороссийск"). Осенью 1976 г. я заходил к нему домой. Поезд приходит в Москву рано утром. Мне было сказано, что Лавут придет к поезду. Мы, я и Антиди, подождали с полчаса, он не пришел и мы пошли. Мой знакомый Бекиров просил взять для него у Лавута посылку. ...Такие поручения мы часто выполняем – возим посылки в Москву и из Москвы.

Судья. Говорил ли Вам Бекиров, кто такой Лавут и что за посылка?

Ковальский. Он сказал, что Лавут – хороший человек, делает много хорошего и для нас, крымских татар. Про посылку сказал только, что книги.

Судья. Что же оказалось?

Ковальский. Оказался маленький сверточек. Я попросил что-нибудь почитать для себя. Лавут дал мне книгу "Ленин в Цюрихе", сказав, что книга интересная.

Судья. Что дальше?

Ковальский. Дальше поезд пришел в Новороссийск, меня задержали по подозрению в спекуляции, обыскали, факта спекуляции не обнаружили, но нашли эту посылку. Пришлось писать объяснение в Новороссийском ГБ.

Адвокат. Когда это объяснение писалось?

Ковальский. На следующий день после того, как поезд вернулся из Москвы, т.е. 10 декабря 1976 г.

...

Адвокат. Как получилось, что Вы дали еще одно объяснение 6 декабря, т.е. до поездки в Москву?

Ковальский. Перепутал (Смех в зале.)

...

Адвокат. А "Ленин в Цюрихе" Вы прочитали?

Ковальский. Пролистал, не читая. Зачем? Я про Ленина и так все знаю.

Прокурор. Не понимаю, зачем мы копаемся в деталях. Мы ведь установили, что факт передачи книг имел место, остальное неважно. Кстати, Лавут, почему Вы отказываетесь отвечать на многие вопросы, касающиеся деталей этого эпизода? Бойтесь чего-то?

Лавут. Нет. Я просто считаю, что книги не должны быть предметом судебного расследования. Не хочу участвовать в таких расследованиях. А книги Солженицына считаю не только не вредными, но полезными.

Судья. Ну, оценка книги – это наше дело. Суд решит. Важно, что факт передачи установлен. Вы признаете это?

Лавут. Признают вину, а я не считаю себя виноватым. Что касается эпизода, я его описал.

...

Антиди (в 1976 г. был официантом в вагоне-ресторане). Я приходил к нему домой вместе с Ковальским за посылкой. ...

Судья. Что было дальше?

Антиди. Когда поезд пришел в Новороссийск, Ковальский послал меня к Бекирову сказать, чтобы он пришел за посылкой. Тот ответил, что занят и придет потом. А немного позднее нас задержали, пришлось давать объяснения в ГБ.

Лавут. Вы давали обещание не разглашать Вашу беседу с сотрудниками КГБ по возвращении в Новороссийск?

Антиди. Да, давал подписку.

* * *

Тертицкий (сослуживец Лавута). Знаю Лавута очень хорошо. Он прекрасный работник, высококвалифицированный математик, чуткий, правдивый и справедливый человек. ...

...

Судья. Вы подписали письмо в защиту Лавута. При каких обстоятельствах? Кто составлял письмо?

Тертицкий. Кто составлял, не знаю. Зашел как-то в 403 комнату, увидел письмо, прочел. Я согласен с тем, что говорится в письме, — ну и подписал его.

Судья. А вот в защиту Осиповой Вы не подписали.

Тертицкий. Я ее мало знал и не подписал.

...

Судья. На предварительном следствии Вам предъявлялась пленка с магнитозаписью. Вы узнали голос Лавута?

Тертицкий. Да, но я сказал и сейчас повторяю, что голос *похож* на голос Александра Павловича. Вот мне когда-то говорили, что мой голос похож на голос Высоцкого.

Судья. Ну, что Вы ершитесь? Молодой ведь еще. Чего-то боитесь?

Тертицкий. Я не боюсь. Показания свои подтверждаю.

Лавут. Спрашивали ли Вас на следствии про деньги, которые собирали для моей семьи?

Судья. Зачем про это?

Тертицкий. Да, спрашивали. Спрашивали, кто собирал, по сколько, кто передал семье.

Лавут. Спасибо.

(В каком-то месте допроса Тертицкого судья сказал: "И зачем только Вас вызвали в суд!".)

Урицкий (сослуживец Лавута). Знаю Лавута хорошо. Могу характеризовать как прекрасного человека, прямого, правдивого, отзывчивого, и как хорошего специалиста.

Судья. Знали ли Вы что-нибудь о его деятельности?

Урицкий. Когда я поступал на работу, то мне говорили, что Александр Павлович подписывал какие-то письма протеста. Кое-что я слышал по зарубежному радио.

Судья. Вел ли Лавут с Вами разговоры политического характера?

Урицкий. Конечно, наши разговоры иногда касались политики, например военных действий в разных районах мира.

Судья. На предварительном следствии Вам предъявлялась пленка с магнитоизписью. Кто говорил в ней?

Урицкий. Я тогда сказал и сейчас повторю: голос не очень похож, но интонации, покашливания Александра Павловича.

* * *

Шемьи-Заде. Летом 1978 г. мне позвонил мой друг Решат Джемилев и пригласил зайти в дом, в котором он остановился. Это оказалась квартира Лавута. ...

Судья. Ваш разговор касался профессиональных тем или других вопросов?

Шемьи-Заде. ...Безусловно, мы коснулись и положения крымских татар.

...

Лавут. Вильдан, можете ли Вы рассказать о положении крымских татар сейчас в Крыму? Знаете ли какие-то конкретные случаи дискриминации?

Шемьи-Заде. Да, конечно. Полгода назад один мой родственник, крымский татарин, проживающий в пос. Грушевка, женился. Жена – преподаватель английского языка, по национальности – крымская татарка. Оба они прописаны в Крыму. В школе поселка нет учителя английского языка. Она пыталась устроиться. Директор школы сначала обрадовался, но, узнав национальность, отказал. Жители поселка ходили просить, даже написали какую-то письменную просьбу. Мужу директор объяснил: "Я бы взял, но не имею права. Попробуйте добиться разрешения вышших инстанций. Получите – возьму". А в школе полгода нет учителя английского языка.

Прокурор. Так английский же язык, а не крымскотатарский.

Лавут. А что-нибудь о выселениях, арестах...

Шемьи-Заде. Да-да, конечно.

Судья. Достаточно, свидетель.

* * *

Мостинский (брат жены Лавута). Саша – очень добрый, отзывчивый, честный, порядочный человек.

Судья. Все одно и то же.

...

Судья. Знали ли Вы о его деятельности?

Мостинский. Догадывался. Когда-то давно сестра говорила мне о каких-то подписях и очень беспокоилась за него.

Судья. Давал ли Вам Лавут что-нибудь почитать? Например, "Архипелаг ГУЛАГ".

Мостинский. Нет, никогда.

25 декабря А. Марченко и Л. Богораз написали открытое письмо:

Идет суд над Александром Лавутом.

То, что происходит на этом суде, как и на многих таких же, не имеет ровно никакого значения. Что показывают свидетели, что говорит прокурор, какие ходатайства отклонены, сколько раз нарушен закон — все это пустопорожние мелочи, ни на что не оказывающие влияния и потому не стоящие внимания. Для суда несущественно и то, что говорит сам подсудимый: если бы в этом процессе что-то значила правовая защита, то наилучшей позицией защиты явилась бы жизненная, гражданская позиция Александра Лавута, известная всем заинтересованным сторонам задолго до суда и до ареста; но она-то как раз и является причиной ареста.

Так что имеет значение только финал процесса — предрешенный приговор: сколько дали? лагерь или ссылка? Да и то еще не решает судьбу, потому что, как известно, теперь возобновлена практика "добавок" — новых сроков по новым обвинениям в лагере и ссылке. Кажется, в эти же дни судят в якутской ссылке Александра Подрабиника — судят для того, чтобы добавить срок, дать вместо ссылки лагерь.

Цель этих двух судебных процессов, и всех недавно прошедших, и предстоящих, и внесудебной расправы над Андреем Сахаровым — заветная цель отечественных властей — состоит в том, чтобы прекратилась общественная активность, уничтожилось Движение нравственного сопротивления в нашей стране. Еще одного изъять, еще одного унять, а другого купить — и восстановится вожделенная монолитность советского общества, тогда им можно будет манипулировать без помех. Мечта, достойная Угрюм-Бурчеева, и такая же недостижимая, как угрюм-бурчеевская мечта остановить течение реки.

Движение нравственного сопротивления — это не организация, которую можно разгромить; Лавут и Подрабинек, как и все другие, в том числе и Сахаров, — не ее руководители, идейные вдохновители или исполнители, чью деятельность можно пресечь. Нравственное сопротивление — это совокупность разных форм существования нашего начинающего жить общества — открытых и подпольных, активных и пассивных, публичных и внутренних, коллективных и индивидуальных. Всех форм, кроме одной: марионеточной, которая, к сожалению, одна только и признается властями.

Александр Лавут — не марионетка; и форму своего гражданского, общественного существования определит он сам, сообразуясь со своими внешними обстоятельствами. Для нас — его близких, его друзей, сослуживцев, для всех, кто его знает, — он остается примером гражданской нравственности в силу своих внутренних качеств. Этому его влиянию на общество, перманентному вкладу в фонд Движения нравственного сопротивления не станут препятствием ни ссылка, ни лагерь.

Прения сторон

Прокурор. В нашем социалистическом государстве все делается для соблюдения законности и правопорядка. (Затем Праздниковая пересказала обвинительное заключение.) Один из дважды вмененных документов из обвинения надо исключить. Это ошибка следователя, которая случилась по молодости последнего. Следует также исключить из обвинения неподписанный Лавутом документ. ...Лавут получил хорошее образование, имел квартиру, хорошо оплачиваемую работу. Несмотря на все это, Лавут встал на неправильный путь распространения ложной информации, чем наносил ущерб престижу Советского Союза.

Прокурор потребовала приговорить Лавута к трем годам лагерей.

Адвокат. (Резникова начала с профессиональной характеристики Лавута.) Все свидетели характеризовали Лавута как отличного специалиста, скромного, отзывчивого и доброго человека. Приведенные данные заставляют задуматься: а способен ли такой человек на ложь, на клевету? Прокурор требует для подсудимого строгой меры наказания. Приведенная мною характеристика давала бы защите основание просить значительного смятения наказания, но я бы не выполнила свой профессиональный долг, встав на такую точку зрения. Я имею основания полагать, что в действиях Лавута нет состава преступления по ст. 190-1 УК, так как ставлю под сомнение доказательства, выдвинутые обвинением.

Любое доказательство, каким бы оно ни казалось убедительным, должно подвергнуться проверке здесь, в суде, так как наш процесс устный, непосредственный.

...

Лавуту вменяется в вину передача Ефройкину статьи Сахарова "Об отмене смертной казни". Статьи этой в деле нет. Так как участники процесса и состав суда не имели возможности ознакомиться со статьей и не могут вынести суждения о ее характере, необходимо из обвинения ее исключить. У следствия не было оснований для включения ее в обвинение Лавуту. ...

Подсудимому вменяется в вину "Московское обращение" (о ссылке Солженицына — Хр. 32), отмеченное следователем Ждановым как "идеологически вредное". Так как органы следствия не усмотрели здесь клеветы или заведомо ложных измышлений, этот документ также следует из обвинения исключить как не подпадающий под действие ст. 190-1 УК РСФСР.

В своих доказательствах обвинение ссылается на недопрошенного в ходе следствия Якира. Считаю, что этого делать нельзя.

Обвинение представило ряд доказательств того, что Лавут принимал участие в составлении документов, вменяемых ему в вину. Но обвинение не доказало субъективной стороны преступления, т.е. что в действиях Лавута была заведомая ложь, что Лавут знал о ложности сведений и фа-

ктов, освещаемых в документах. Наоборот, факты, освещаемые в письмах, протестах и обращениях, Лавут считает правдивыми. Для некоторых из них он имел подтверждающие письма, которые, несмотря на наши ходатайства, не были приобщены к делу.

По ряду документов проведены экспертизы, а ни один эксперт в судебное заседание не вызван. Как же проверить заключение эксперта, если он отсутствует?

...

Вот, например, документ "О праве на защиту". Здесь Лавут был просто действующим лицом. ...Таким образом, сведения, приводимые в этом документе, Лавут не мог считать ложными.

По вопросу о крымских татарах Лавут располагал многочисленными письмами, жалобами, просьбами и опять-таки искренне верил им. У Лавута сложилось субъективное впечатление о правильности фактов, освещаемых в документах о крымских татарах.

Лавут обвиняется еще в том, что дал прочитать ряду лиц "Архипелаг ГУЛаг" и "Ленин в Цюрихе" Солженицына. Эти произведения судом признаны клеветническими, что отмечено в приговоре по делам Якира-Красина, Ковалева, Великановой. Приговор – закон, устанавливающий тот или иной факт. По вопросу же субъективного отношения к этим произведениям других лиц приговор не может явиться законом. Высказывание же ошибочной оценки не содержит состава преступления по ст. 190-1 УК РСФСР.

В ходе процесса возникли сомнения в обоснованности доказательств, выдвинутых обвинением, а этого уже достаточно для постановки вопроса об оправдании подсудимого.

Последнее слово Лавута

Мне очень понравилось то, с чего начал свою речь обвинитель – с необходимости соблюдения законности и правопорядка. Я думаю, что если бы это было так, то о сегодняшнем процессе просто не могло быть и речи.

В моем деле с самого его начала не было ни одного этапа, в ходе которого не нарушались статьи УПК. Тем не менее прокурор счел возможным ссылаться на сомнительные доказательства, такие как протокол обыска, в котором даже не перечислено, что изъято. В деле нет фактических материалов по существу обвинения.

Исходя из фактов, изложенных во вмененных мне материалах, суд может понять, что я хорошо осведомлен о делах, подобных моему. Это действительно так. Я наблюдал, как экспертизы, особенно переносимые из процесса в процесс ... , использовались, вместо того, чтобы вызывать свидетелей... Я вижу также, что свидетелей становится все меньше. На моем процессе их вовсе нет.

Но остается еще право обвиняемого представлять суду материалы, которые могут подтвердить правдивость изложенных фактов. Я пытался

воспользоваться этой последней возможностью, сам старался приводить известные мне факты, на основе которых писались письма, инкриминируемые мне, но встречал в этих попытках со стороны суда все большее сопротивление.

Небрежно поступают и с фактическими материалами. Приведу пример не из своего дела. Следствие по делу Решата Джемилева сознательно уничтожило огромное количество документов, фактических материалов, изъятых у него на обысках, подтверждающих правдивость изложенных им фактов и являющихся вещественными доказательствами. В моем деле то же самое сделано культурнее: подборка большого числа писем, заявлений и жалоб в различные инстанции отправлена ст. следователем Ждановым для проверки в КГБ.

...

Я хочу ответить, быть может запоздало, на вопрос, заданный мне председателем. Он спросил меня, неужели я не вижу ничего хорошего в стране, в которой живу, неужели мне ничего не нравится... Раньше я не ответил на этот вопрос по моральным соображениям, а теперь отвечаю. Мне нравится моя страна. Мне нравятся люди. Все.

Из приговора

(“Продублированный” и неподписанный документы, а также статья Сахарова не вошли в приговор.)

Виновность Лавута подтверждается показаниями Ковальского, Антиди, Чистикова, Ефройкина, Кожаринова...

Тертицкий и Урицкий пояснили в суде, что на следствии они прослушали часть магнитофонной записи и один голос чем-то напоминает голос Лавута.

Шемьи-Заде показал, что от третьих лиц ему известно об участии Лавута в диссидентском движении.

Мостинский показал, что при разговоре с сестрой та высказала опасения о возможных неприятностях мужу в связи с его деятельностью в правозащитном движении.

Урицкий показал, что от сотрудников экспедиции он слышал о членстве Лавута в Инициативной группе. Об этом же он слышал в передачах зарубежных радиостанций.

...

Принадлежность Лавута к Инициативной группе подтверждается магнитофонной записью, библиографической справкой Дедюлина.

...

* * *

Суд приговорил Лавута к 3 годам лагерей общего режима.

СУД НАД МЕЙЛАНОВЫМ

С 25 ноября по 2 декабря Верховный суд Дагестанской АССР рассматривал дело Вазифа Мейланова (1938 г.р., арестован 25 января – Хр. 56), обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР. (Сначала Мейланова обвиняли по ст. 190-1 УК РСФСР и дело его вела прокуратура, затем статью изменили и дело передали в КГБ.)

Мейланову инкриминировались

– демонстрация протеста против высылки Сахарова: 17 минут Мейланов простоял с плакатом

Протестую против преследования академика Сахарова. С идеями надо бороться идеями, а не милицией. Сахаровы нужны нашему обществу, так как они осуществляют истинный, неформальный надзор за государственными органами. ...

Боритесь за свободу слова для оппонентов коммунизма.

на восемнадцатой – его арестовали;

– составление и распространение книги "На полях советских газет" (эта книга в машинописном виде была изъята 12 февраля на обыске у Лавута);

– распространение книг Солженицына "Архипелаг ГУЛаг" и "Бодался теленок с дубом" (этот эпизод подтвердил один свидетель);

– подстрекательство заключенных к протесту против условий содержания в следственном изоляторе.

Суд приговорил Мейланова к 7 годам лагерей строгого режима и 2 годам ссылки.

* * *

12 декабря Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 150 "Осуждение Вазифа Мейланова". Документ кончается словами:

Из самого содержания приговора видно, что столь суровому наказанию Мейланов подвергнут за слово, за выраженную устно или письменно мысль.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ РАБОЧЕЙ КОМИССИИ

Арест Гривниной

12 сентября следователь прокуратуры Дзержинского р-на Москвы Жабин по поручению ст. следователя Московской прокуратуры Г.В. Пономарева провел обыск по делу Терновского № 49609/15-80 у члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Ирины Гривниной (Хр. 56, 57). Были изъяты два магнитофона и кассеты к ним, пишущая машинка (счетную машинку Гривнина и ее муж Владимир Неплехович отстояли), фотоаппарат, фотовспышка, экспонометр, фотографии, две Библии, ксерокопии статей из западных газет и журналов о психиатрии и правозащитной деятельности, несколько писем в защиту заключенных, черновые материалы Рабочей комиссии и Всеобщая декларация прав человека (издание ООН). В конце обыска в гости к Гривниной пришел брат Вячеслава Бахмина Виктор (Хр. 58). У него изъяли подборку бюллетеней "Вести из СССР" (издаются в Мюнхене К. Любарским – Хр. 47) и начатую по ним картотеку, книгу К. Воннегута "Колыбель для кошки" на английском, несколько экспертиз консультанта Рабочей комиссии психиатра из Харькова А. Корягина, две магнитофонные кассеты с материалами Рабочей комиссии, письма, фотографии и записные книжки. Гривнина отметила в протоколе, что материалы, изъятые у Виктора Бахмина, принадлежат Рабочей комиссии и были принесены Бахминым по ее просьбе.

16 сентября ст. следователь прокуратуры Дзержинского р-на г. Москвы И.А. Кудрявцев провел обыск у Гривниной по делу № 49622/41-80. Изъяли несколько старых "Информационных бюллетеней" Рабочей комиссии, письмо А. Хромовой, жены А. Подрабинека, в Комитет защиты братьев Подрабинеков, разрозненные бумаги. Обыск продолжался около часа. После обыска Гривнина была увезена и помещена в Бутырскую тюрьму. Пономарев сказал Неплеховичу, что он передал ее дело в прокуратуру Дзержинского р-на. Гривниной предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР.

После ареста Гривниной на свободе, не считая консультанта-психиатра, остался один член Рабочей комиссии – Феликс Серебров.

В конце октября Гривнина была переведена в Лефортовскую тюрьму и дело ее было передано в КГБ.

* * *

1 декабря следователь Московского УКГБ В.П. Попов допросил мать Ирины Филатовой Марию Петровну Филатову (Хр. 57). Вопросы, в основном, касались дочери: На какие деньги Ирина ездила в Усть-Неру?

(Копила 2 года, влезла в долги, до сих пор не расплатилась.) Куда еще ездила? (В Ленинград.) С кем? (С каким-то мальчиком.) и т.п.

На 2 декабря Попов вызвал на допрос Ирину Филатову, но она не пошла.

* * *

1 декабря Марина Румшицкая (Хр. 57) отказалась идти на допрос без повестки – по телефонному звонку следователя. На следующий день за ней на работу приехала машина с двумя сотрудниками КГБ. Один из них – “Анатолий Александрович” (возможно, А.А. Левченко – Хр.) – по дороге расспрашивал Румшицкую, не тяжело ли ей ухаживать за детьми (у нее двое детей), говорил, что жалко их будет, если они останутся одни, ведь с Румшицкой может что-нибудь случиться: на улице машины...

Допрос вел ст. следователь Московского УКГБ капитан Капаев (Хр. 54, 56): Какие у Румшицкой отношения с Гривниной? (Дружеские.) Подписывала ли она “клеветническое” письмо (Хр. 56) в защиту Бахмина? (Да, но клеветническим я его не считаю, т.к. сама была свидетелем на суде над Бахминым /Хр. 58/ и убеждена, что он осужден несправедливо.) Кто давал ей подписывать это письмо? (Не помню.) Знает ли она кого-нибудь из тех, кто подписал его? (Не знаю.) Капаев сказал, что всех диссидентов, подписавших это письмо, скоро посадят. Капаев спросил также, бывала ли Румшицкая у Гривниной дома (Была.), кто еще там бывал (Больше никого не видела.) и знает ли Румшицкая, что Гривнина – член так называемой Рабочей комиссии по психиатрии (Впервые слышу от следователя.). Многие вопросы Капаев задавал в утвердительной форме – например, предлагал подтвердить факт знакомства. Капаев не дал Румшицкой внести в протокол свои замечания – тогда она отказалась его подписать. После того, как Румшицкая отказалась расписаться в получении повестки с вызовом на допрос ее мужа, Капаев не выписал ей справку на работу.

* * *

16 декабря Попов допросил Георгия Шепелева (Хр. 53). Он спросил, знает ли Шепелев Гривнину, Сереброва и Вячеслава Бахмина, передавал ли он в Рабочую комиссию какие-нибудь документы. На все вопросы Шепелев ответил отрицательно.

* * *

В середине декабря Попов допросил Батшеву Елистратову (Хр. 50, 53, 56): Что ей известно о Рабочей комиссии? (Ничего.) Какие у нее отношения с Гривниной (Дружат семьями.) Где познакомились? (Кажется, у синагоги.) Известны ли ей конкретные случаи злоупотребления психиатрией? (Известны: Григоренко, с которым я знакома лично, Плющ, Горбаневская.) Знакома ли она с Вячеславом Бахминым, А. Подрабинеком,

Серебровым? (Знаю Бахмина и Подрабинека, люблю их.) Попов спросил также Елистратову о подписанном ею письме в защиту Бахмина. Вне протокола Попов спросил, знает ли Елистратова о существовании Солженицынского фонда. Она ответила, что знает и что цель Фонда – помогать семьям политзаключенных. Протокол допроса Елистратова не подписала. На повторном допросе Капаев предъявил Елистратовой письмо в защиту Бахмина – она отказалась от дальнейших показаний.

22 декабря Попов вызвал на допрос мужа Батшевы Виктора Елистратова (Хр. 50, 52-56), но тот отказался от дачи показаний, сказав, что “не видит смысла объясняться по данному делу”.

* * *

29 декабря Капаев допросил Аллу Крейдлину (Хр. 58). Капаев спросил, не печатала ли Крейдлина и “общественное” письмо в защиту Бахмина (на обыске 13 августа Крейдлина, пытаясь отстоять свою пишущую машинку, сказала, что она печатала на ней только письмо в защиту Бахмина, написанное его соучениками по МФТИ). Ознакомившись с предъявленной ей первой страницей “общественного” письма, она ответила отрицательно. О “своем” письме Крейдлина сказала, что его принес ее друг и сосед Вьюков и она помогла его перепечатать.

* * *

6 декабря 17 человек обратились к Мадридскому совещанию, к Международной психиатрической ассоциации, в Международный Красный Крест и ко “всем медицинским профессиональным ассоциациям” с письмом о репрессиях против членов Рабочей комиссии А. Подрабинека (арест – Хр. 57), Вячеслава Бахмина (суд – Хр. 58), Терновского (суд – ниже) и Гривниной. Письмо заканчивается так:

Способствовать уменьшению человеческих страданий – этот основной этический принцип медицины ...является главным движущим мотивом деятельности этих людей.

Сегодня страдают они сами. ПОМОГИТЕ ИМ.

Суд над Терновским

30 декабря Московский городской суд под председательством Н.А. Байковой (она же судила Вячеслава Бахмина и Сокирко – Хр. 58), рассматривал дело Леонарда Борисовича Терновского (1933 г.р.; арестован 10 апреля – Хр. 56), обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинитель – прокурор Жеребко, защитник – адвокат Е.А. Резникова.

Терновскому инкриминировались

– составление некоторых материалов, помещенных в выпусках 10-14, 16-20 “Информационного бюллетеня” Рабочей комиссии;

- составление выпусков 9, 15, 21, 22 "Информационного бюллетеня";
- распространение выпусков 9-22 "Информационного бюллетеня";
- составление и распространение его письма в защиту Т. Великановой и коллективного заявления "К аресту Татьяны Великановой" (Хр. 54);
- распространение двух сборников "В защиту экономических свобод".

На суд в качестве свидетеля был вызван составитель этих сборников Виктор Сокирко (на 30 декабря у В. Сокирко был бюллетень по уходу за ребенком; накануне его жену вызвали в канцелярию суда и попросили, чтобы в день процесса она подменила мужа). Он подтвердил, что составлял и распространял сборники, но, как они попали к Терновскому, ему неизвестно. Сокирко заявил также, что до ареста он не считал эти сборники клеветническими; в сущности его мнение не изменилось, но, поскольку суд (Хр. 58) признал их клеветническими, он вынужден с этим считаться.

Сослуживцы Терновского врачи И.Э. Софиева (ее допрашивали по делу Терновского 24 ноября – это первый известный допрос по этому делу) и А.В. Недоступ на суде отозвались о нем хорошо. Софиева подтвердила, что она подписала письмо в защиту Великановой. Недоступ сказал, что знал о том, что Терновский состоит в Рабочей комиссии, но на эти темы они не разговаривали.

Вызванный в качестве свидетеля Девятедь (он получил по почте письмо в защиту Великановой, направленное ранее проживавшему по этому адресу Быкову) в суд не явился.

В судебном заседании были зачитаны показания Соколова, в которых он подтвердил, что Терновский давал ему сборники "В защиту экономических свобод".

Терновский отметил, что Рабочая комиссия действовала открыто и гласно, а свои Бюллетени посылала и в советские инстанции.

Прокурор потребовал для Терновского 3 лет лагерей, адвокат – оправдания.

В последнем слове Терновский сказал:

Когда закончится суд, поздно будет объяснять, почему я сам выбрал этот путь, который привел меня на скамью подсудимых.

А мне хотелось бы быть понятым людьми. Да и суду не должны быть безразличны мотивы действий подсудимого.

Что же привело меня в ряды тех, кого одни называют правозащитниками, а другие – отщепенцами?

Убеждение в пагубности молчания, когда видишь несправедливость, сложилось у меня во многом под влиянием документов XX съезда КПСС. 56-й год стал годом моего гражданского пробуждения. Я понял, что какой бы крохотной песчинкой я ни был в масштабе моей страны, я все равно ответствен за все, что в ней происходит. Но это был еще только образ мыслей. Принципиально отвергая любой сопряженный с насилием путь, я вместе с тем не видел никакой возможности для осмысленного протеста.

В конце 60-х годов я узнал людей, которые стали открыто выступать против того, что считали несправедливым. То, что они избрали своим оружием слово и только слово, как и смелость их выступлений, вызвало у меня симпатию и уважение. Я увидел, что несправедливости можно противопоставить мужество и открытое слово.

Сегодня мне вменяется в вину моя общественная деятельность, которую я называю правозащитной, а обвинение именуется распространением клеветнических измышлений. Я участвовал в деятельности Комиссии по психиатрии, подписывал многочисленные документы и заявления.

Я уже говорил, что убежден в их справедливости. Но для чего я это делал? Надеялся ли я таким путем исправить то, против чего я выступал, помочь тем, за кого я заступался? Конечно, я желал, чтобы к моим словам прислушались, и бывал рад, когда удавалось облегчить чью-то судьбу.

Но в жизни все сложней. И многолетний опыт говорит, что устранить конкретное зло нашими протестами чаще всего не удается. И все же я не считаю эти обращения и протесты вовсе бесплодными. Я думаю, что, даже не принося видимой пользы, протест против несправедливости оздоравливает общество. Ведь должны же найтись в нашей стране люди, готовые постоять за справедливость. А если надо — и посидеть за нее.

Как врач я ощущал особую ответственность за то, что делается от имени медицины. Я был убежден, что злоупотребления психиатрией действительно существуют и что с такими злоупотреблениями необходимо бороться. Поэтому вслед за арестом Александра Подрабиника, когда из ее членов на свободе оставался только Вячеслав Бахмин, я вошел в состав этой Комиссии.

Я предпочел бы, чтобы не было надобности в моих действиях и выступлениях. Защищать право и закон призваны в первую очередь прокуратура и органы юстиции. Делай они это всегда и последовательно — не было бы нужды в правозащитниках.

Я предвидел свой арест и этот суд. Это, конечно, не значит, что я сам стремился попасть в тюрьму. Мне не 15, а почти 50 лет и мне не нужна такая "романтика". Я предпочел бы избежать годов заключения. Но поступиться для этого тем, что я считаю своим долгом, я полагаю недостойным.

Сейчас я выслушаю ваше решение. Что ж! Приговор — это и невольное признание значимости того, что я делал и говорил. А в будущем моя реабилитация также неизбежна, как и сегодняшнее осуждение.

В соответствии со своими убеждениями я стремился бороться с несправедливостью, помогать людям, делать им добро. Этим обьясняются и все мои действия и выступления.

И я пойду в неволю с чистой совестью.

* * *

Суд приговорил Терновского к 3 годам лагерей общего режима. (Эпизод, связанный с распространением сборников "В защиту экономических свобод", в приговор не вошел.)

* * *

В мае 1978 г., через 10 дней после ареста Александра Подрабиника, Терновский стал членом Рабочей комиссии (Хр. 50), в ноябре 1979 г., после ареста Т. Великановой (Хр. 54), — членом Комитета защиты Татьяны Великановой (Хр. 55), в марте 1980 г., после осуждения Мальвы Ланды, — членом Московской группы "Хельсинки" (Хр. 56).

ДЕЛО № 50611-14/79

ДЕЛО О ЖУРНАЛЕ "ПОИСКИ" (Хр. 52-58)

Суд над Сорокиным

4 ноября ст. следователь Московской городской прокуратуры Ю.А. Бурцев вынес постановление о привлечении Виктора Сорокина в качестве обвиняемого по ч. 1 ст. 181 УК РСФСР ("Заведомо ложное показание", срок — до 1 года лагерей). При этом Бурцев сослался на определение от 30 сентября коллегии по уголовным делам Московского городского суда, рассматривавшей дело Сокирко, о возбуждении против Сорокина уголовного дела по ч. 1 ст. 181 УК РСФСР. Согласно Бурцеву, в этом определении сказано:

...на допросе в суде 29.09.80 Сорокин показал, что журналов "Поиски" дома у него не было, что № 4 и № 5 этого журнала у него не изымали, что журнал "Поиски" № 5 в его квартире не размножали, а на предварительном следствии 26.01.79 он показал: что журнал "Поиски" № 5 печатали в его квартире, а затем раскладывали отпечатанный текст этого журнала, что во время обыска в его квартире были изъяты журналы "Поиски" № 4 и № 5.

(30 сентября был провозглашен приговор по делу Сокирко — Хр. 58; в этот день в суде никакое определение ни оглашено, ни упомянуто не было. Более того, в ходе суда над Сокирко прокурор Праздникова потребовала возбудить против Сорокина уголовное дело *за отказ от дачи показаний*; когда на суде над Абрамкиным прокурор Острецова потребовала возбудить против Сорокина уголовное дело *за отказ от дачи показаний*, судья Евстигнеева сказала, что это уже сделано решением суда по делу Сокирко; на суде над Гриммом прокурор Праздникова заявила: "По-

сколько против Сорокина уже возбуждено уголовное дело за отказ от дачи показаний, я требую такого же дела против Яковлева”).)

В постановлении Бурцева от 4 ноября обвинение сформулировано несколько иначе:

...на предварительном следствии 26.01.79 Сорокин В.М. подтвердил факт изъятия на обыске в его квартире 25.01.79 самиздатского журнала "Поиски" № 4 и машинописных материалов к № 5 того же журнала – "Некоторые актуальные проблемы демократического движения в нашей стране" П. Абовина-Егидеса, "Социальное обеспечение или запрограммированная необеспеченность" В. Кувакина, "Хартия-77", "Ради России" В. Сокирко, "Послеловие" К. Буржуадемова; в судебном заседании Сорокин отрицал указанные обстоятельства.

(Еще 23 октября Бурцев послал начальнику милиции г. Пушкино Мишанинцеву запрос:

прошу сообщить, имеются ли какие-нибудь компрометирующие Сорокина В.М. материалы, и при наличии таковых представить их в прокуратуру г. Москвы для приобщения к уголовному делу.)

Допрос 26 января 1979 г. (Хр. 52) проходил по делу № 46012/18-76. Следующий допрос был 15 мая 1979 г. по делу № 50611/14-79 (делу о журнале "Поиски"); на этом допросе Сорокин записал в протокол, что отказывается от своих показаний на обоих допросах, ввиду нарушений УПК, допущенных следователем, и "многократного сжатия информации", исказившего ее смысл (Хр. 58); этот протокол не был подшит к делу Сорокина, нет упоминания о заявлении Сорокина об отказе от прежних показаний и его мотивировки, однако в приговоре Сокирко сказано, что "от прежних показаний Сорокин отказался безмотивно".

Сорокин и его защитник Фамянт заявили ходатайство о прекращении дела производством, в котором указали, что обвинение по первым двум пунктам (об изъятии на обыске 25 января 1979 г. "Поисков" № 4 и материалов к № 5) опровергается материалами дела, а эпизод, связанный с печатанием в его квартире "Поисков" № 5 не имеет отношения к Сокирко, поскольку относится к январю 1979 г., а, как сказано в приговоре по делу Сокирко, Сокирко "изготовил и распространил 5-й номер журнала" в феврале того же года.

Бурцев в удовлетворении ходатайства отказал.

* * *

16 декабря в г. Пушкино Московской области состоялось слушание дела. Председатель – Туркин, обвинитель – Т.П. Праздникова, защитник – Фамянт.

Сорокин виновным себя не признал. Его аргументация:

1. На процессе Сокирко он отрицал, что № 4 был изъят у него, Сорокина. Это не противоречит его показаниям 26 января 1979 г., что жур-

нал был изъят из сумки у пришедшей во время обыска в его квартиру Майковой (Хр. 58). Это подтверждается также протоколом обыска.

2. На процессе Сокирко он сказал: "Я не помню, был ли обнаружен у меня материал "Хартия-77". Я не помню, что изымалось у меня во время обыска", т.е. не отрицал факта изъятия у него материалов № 5, а на допросе 26 января 1979 г. не подтверждал этого факта.

3. Сказав на процессе Сокирко, что он не давал показаний о том, что у него в квартире печатался № 5, он имел в виду размножение журнала, а говоря на допросе "5-й номер печатался в моей квартире", имел в виду издание, т.е. составление этого номера, что подтверждается протоколом допроса от 26 января 1979 г.: "Мое участие выразилось в предоставлении квартиры, пишущих машинок и создании условий для работы по изданию журнала и отдыха".

Сорокин обратил внимание суда на то, что ни одно из инкриминируемых ему показаний не имеет отношения к делу Сокирко и что он ни разу не допрашивался по делу Сокирко.

Прокурор Праздников потребовала для Сорокина 1 года лагерей, мотивировав максимальную меру наказания тем, что Сорокин социально опасен – участвовал в изготовлении клеветнического журнала. Адвокат потребовал оправдания за отсутствием состава преступления.

В последнем слове Сорокин отметил, что на самом деле его судят не за ложные показания, отсутствие которых доказал адвокат, а за участие в журнале.

Приговор – 1 год лагерей общего режима. В приговор вошли все пункты обвинения. В нем сказано, что преступление было совершено с умыслом облегчить участь Сокирко.

Сорокина взяли под стражу в зале суда. Он находится в Бутырской тюрьме (Москва).

Р а з н о е

23 декабря Верховный суд РСФСР, рассмотрев в кассационном порядке приговор по делу Абрамкина (Хр. 58), оставил его без изменения. Жену Абрамкина Екатерину Гайдамачук и жену Сорокина Сеитхан Сорокину не пустили на кассационное рассмотрение, "поскольку они были свидетелями на процессе" (УПК ничего подобного не предусматривает).

* * *

В конце декабря Бурцев вызвал Глеба Павловского (Хр. 56-58), чтобы вернуть часть изъятых на обыске (вернул портфель со вспоротой подкладкой). Бурцев сообщил Павловскому, что "посадки будут продолжаться", но "до сталинских репрессий дело не дойдет". Он заявил, что дела на Р. Лерт и В. Гершуни закрыты "по старости" и "по болезни" и поэтому в ответчиках остается Павловский. Бурцев сказал также, что Яковлев зря "пропадает" (против него возбуждено дело по ст. 181 УК РСФСР – Хр. 58 – и он не живет дома), т.к. с ним хотели "договориться полюбовно".

Вокруг клуба "Беллетрист"

В середине ноября Филипп Берман, Евгений Клементович, Евгений Козловский, Владимир Кормер (Хр. 56), Евгений Попов (Хр. 52, 54, 56), Дмитрий Пригов и Владимир Харитонов послали в Моссовет заявление с предложением создать при отделе культуры Моссовета для молодых, еще не печатавшихся литераторов клуб "Беллетрист". Податели заявления составили для первого обсуждения в клубе сборник произведений молодых авторов.

18 ноября Берман, Клементович и Козловский были задержаны по подозрению в совершении грабежа с убийством. Их обыскали, изъяли упомянутый сборник, сказали, что передадут его в Главлит на проверку, а потом, поскольку "подозрения не подтвердились", отпустили.

19 ноября по постановлению Бурцева было проведено 6 обысков по делу № 50611/14-79 – у Бермана, Козловского, Кормера, Харитонова, Федота Сучкова и Леонида Новака.

Обыск у Сучкова проводил ст. следователь Московской городской прокуратуры В.В. Крылов. Федот Федотович Сучков (1915 г.р.) – скульптор и литератор, 10 лет отсидел в сталинских лагерях и 3 года провел в "бессрочной" ссылке. На обыске изъяли его неопубликованные литературные произведения, стихи Волошина, Мандельштама, Бродского, повести Романовского, Булгакова, Паламарчука, Ерофеева, магнитофонную запись рассказа о собрании Московской писательской организации, на котором обсуждался альманах "Метрополь" (Хр. 52). По тому же постановлению с указанием того, что ордер выдан на обыск всего помещения, произвели обыск у временно живущего в мастерской Сучкова Евгения Попова. Изъяли большой литературный архив.

Сучков и Попов направили в прокуратуру заявления, в которых требуют вернуть изъятое как не имеющее отношения к журналу "Поиски".

У искусствоведа Худфонда СССР Новака изъяли его рукопись и 7 книг, изданных за границей. Один из проводивших обыск спросил у Новака, как поживает Егидес (он уехал из СССР в январе – Хр. 56); в ответ на удивление Новака он сам удивился и пояснил, что Новак неоднократно встречался с ним в доме Егидеса.

Вторично подвергся личному обыску приехавший к Новаку Евгений Попов.

1 декабря Крылов допросил Сучкова. Вопросы касались знакомства Сучкова с Егидесом и Поповым, журнала "Поиски" и клуба "Беллетрист".

В этот же день был допрошен Кормер.

Учредители клуба "Беллетрист" получили из Моссовета ответ – им рекомендовали обратиться в группкомы литераторов.

Поиски романа "Эныч"

10 декабря "сам" Бурцев провел обыск по делу № 50611/14-79 у братьев Георгия и Владимира Шепелевых (Хр. 53). Обыскивающие простукивали стены и половицы – искали рукопись романа "Эныч", написанного Г. Шепелевым, Евгением Комарницким (Хр. 53) и Сергеем Нехотиным (экземпляр романа был отобран на таможне у иностранцев). Изъяли документы эмиграционного движения, дневники Георгия, записные книжки.

После обыска братьев Шепелевых отвезли в отделение милиции, где Бурцев допросил их. Вопросы, в основном, касались "Поисков" и романа "Эныч". Бурцев показал Г. Шепелеву фотографию отобранного экземпляра и спросил, где находятся другие экземпляры романа, на что Г. Шепелев ответил: "В надежном месте, все равно не найдете".

В. Шепелев сказал, что о романе "Эныч" ничего не знает и написал в протоколе, что отказывается от дачи дальнейших показаний.

В тот же день были проведены обыски

– у родителей жены Г. Шепелева (искали даже в банках с вареньем, но ничего не нашли);

– у Нехотина (изъяли 2 экземпляра романа "Эныч" – один рукописный, другой машинописный, литературный архив и Библию);

– у Комарницкого в г. Лисичанске (Комарницкого при этом не было).

11 декабря Бурцев допросил в прокуратуре Г. Шепелева и Нехотина. Оба отказались давать показания против самих себя. Бурцев сообщил им, что дело передано в КГБ и вручил Г. Шепелеву повестку на 16 декабря к следователю Московского УКГБ Попову.

Обыск у Кирилла Попова

23 декабря следователь Московской городской прокуратуры Титов (Хр. 57) провел обыск у Кирилла Попова. На обыске присутствовала лишь престарелая бабушка Попова. Обыск продолжался два часа. Изъяли документ Московской группы "Хельсинки" № 113 (Хр. 55), статью И. Ковалева "Некоторые размышления о помощи политзаключенным", "Заявление для печати" Сокирко и "Открытое письмо Сокирко В.В. (К. Буржуадемову)" Каллистратовой (см. "После суда над Сокирко" в разделе "Письма и заявления"), перепечатку книги "Русские святые" и другие материалы религиозного содержания, фотошленки с переснятым журналом "Посев", фотографии, слайд "с изображением женщин в непристойных позах". После обыска Титов сказал: "Ну, вот, опять мы здесь почистили" (у Попова уже был обыск – 13 августа).

Бурцев сказал по телефону матери Попова, что "чистить" будут периодически.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ

1 августа милиция задержала и обыскала члена Инициативной группы Ольгу Зайцеву (Хр. 57). Задержали Зайцеву "по подозрению в ограблении аптеки и вывозе наркотиков", когда она ехала на попутной машине из Юрьев-Польского в Кольчугино. У Зайцевой отобрали 4 фотографии ее мужа, члена Инициативной группы В. Фефелова (Хр. 57), его статью "Что я хочу" и записную книжку; кроме того, были переписаны адреса с нескольких личных писем. Участник обыска сотрудник ГАИ Семушин заявил: "Об этом обыске вы, наверное, будете сообщать на Запад – не забудьте вспомнить и мою фамилию, прославиться хочу!" В ответ на требование Зайцевой дать ей копию протокола обыска ст. лейтенант Новожилов демонстративно разорвал протокол и бросил обрывки в мусорное ведро. Возвращая Зайцевой через несколько дней записную книжку, зам. начальника Юрьев-Польской милиции Шовылин вырезал номера телефонов западных корреспондентов. На жалобу Фефелова прокурор Юрьев-Польского района Б. Артамонов ответил:

Как установлено проверкой, привод и досмотр гр. Зайцевой О. 1.08.80 г. был произведен работниками милиции и народными дружинниками в связи с ее намерением вывезти политически вредные документы, литературу и другое за пределы Юрьев-Польского района.

При досмотре у нее такие документы действительно были изъяты. ...

* * *

20 сентября по делу № 50611/14-79 (постановления выписаны Ю.А. Бурцевым) были проведены обыски у члена Инициативной группы Юрия Киселева – в Коктебеле (Хр. 52) и в московской квартире.

Сам Киселев был в это время в Коктебеле. Обыском руководил следователь Судакской прокуратуры Шутков. У гостей Киселева отобрали записные книжки.

24 сентября Шутков пришел к Киселеву и потребовал, чтобы тот ехал в милицию на допрос. Киселев возразил, что он не получал повестки. Шутков тут же выписал повестку. Поскольку в ней не было указано, в качестве кого и по какому делу он вызывается, Киселев снова отказался ехать. Тогда Шутков вызвал наряд милиции для осуществления привода. Пока Киселева заталкивали в машину (у него ампутированы обе ноги в верхней трети бедра), его дважды уронили и разорвали рубашку.

ку. В милиции Киселева пытались допросить – по просьбе прокуратуры Москвы по материалам обыска в Москве – сотрудник Крымской прокуратуры Змейкина. Киселев отказался отвечать на какие-либо вопросы.

* * *

26 сентября обыск по тому же делу № 50611/14-79 был проведен у В. Фефелова. Командовал обыском следователь Владимирской областной прокуратуры Ганцев. Изъяли копии незаполненных анкет опроса инвалидов и вопросник, по которому опрашиваются инвалиды, живущие в домах инвалидов, черновик статьи "Кто мы?" и письмо в "Правду" под заглавием "Как инвалиду пройти ВТЭК?", очерк В. Некипелова "Стертые с фасада" (Хр. 52, 57) и документы Инициативной группы №№ 13-15 (Хр. 53, 56, 57).

* * *

В октябре Фефелову вернули часть ценной бандероли, посланной им инвалиду I группы Валентине Васильевой в Новгородскую область, – письмо и 2 фотографии. Остальное: статью "Что я хочу", письмо в газету "Франкфуртер Альгемайне" и на радиостанцию "Немецкая волна" (Хр. 55) и "Бюллетень" № 9 (Хр. 57) – новгородская почта отправила в органы внутренних дел. В акте сказано, что бандероль "...выпала из сортировочного шкафа на обогреватель..., воспламенилась..., оболочка с адресной стороны обгорела полностью", после чего ее "согласно ст. 55 п. В Устава связи СССР" вскрыли.

* * *

29 ноября в г. Кольчугино в 7 часов вечера на людной, освещенной улице трое мужчин вырвали у Зайцевой фотоаппарат и скрылись.

* * *

10 декабря в машине Киселева выдрали фары и закоротили аккумулятор (ср. Хр. 53, 57).

23 декабря "сам" Бурцев снова провел обыск в московской квартире Киселева. Изъяты письма Инициативной группы в официальные инстанции, черновые материалы к Информационным бюллетеням, машинописная копия принятого ООН постановления о правах инвалидов, очерк В. Некипелова "Стертые с фасада", две статьи Г. Померанца о Достоевском, фотографии, меморандумы Европейского Совета инвалидов и "Положение" о его статусе, письма инвалидов (в том числе зарубежные).

На следующий день, когда Киселев выходил из дома, один из двух мужчин, стоявших в подъезде, ударил его сзади. Киселев упал. Второй удар пришелся в плечо. В это время наверху хлопнула дверь – вышел кто-то из соседей. Один из нападавших выругался и оба быстро ушли.

АРЕСТЫ

Арест Мясникова

19 августа в Москве был арестован сотрудник Центральной научно-исследовательской лаборатории Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам кандидат философских наук Александр Мясников (1944 г.р.). Он – социолог, у него около 100 печатных работ. Ему у предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР. Дело ведет ст. следователь прокуратуры Дзержинского р-на Москвы И.А. Кудрявцев.

* * *

В сентябре-октябре товарищ Мясникова кандидат физико-математических наук Олег Попов (Хр. 54) направил Кудрявцеву несколько писем с просьбой допросить его по делу Мясникова.

13 декабря Кудрявцев вызвал О. Попова на допрос. Перед началом допроса О. Попов попросил Кудрявцева предъявить служебное удостоверение. Тот отказался: "Вы находитесь в здании прокуратуры – здесь посторонних не бывает. Не хотите давать показания – можете уходить". Расписавшись под анкетной частью протокола, Попов попросил разъяснить ему предупреждение об ответственности за отказ от дачи показаний и за заведомо ложные показания. Кудрявцев раздраженно протянул Попову Уголовный кодекс, раскрытый на соответствующей странице.

– Что такое исправительные работы?

– Я читал Ваши показания на предыдущем допросе (6 августа ст. следователь Московской городской прокуратуры Г.В. Пономарев допросил Попова – фактически по делу Мясникова – Хр.). Вы там все время говорили "Не имеет отношения к делу". Так вот это тоже не имеет отношения к делу.

– Вы не правы. Это имеет прямое отношение к Вашим обязанностям. Вы – следователь и, в соответствии с УПК, обязаны разъяснить свидетелю содержание статей 181 и 182.

– Нет, я этого не буду делать. И мы не будем об этом спорить. Вы, Попов, отказываетесь от допроса. Вы свободны. Уходите.

– Нет, я пришел на допрос и намерен быть допрошенным. Ваш отказ разъяснить свидетелю ст. 182 УК РСФСР я занесу в протокол допроса (Попов стал записывать слова следователя).

– Что Вы пишете?

– Это не для Вас, а чтобы не забыть то, что потом в протокол войдет.

– Пишете не для меня, а УК мой используете.

– Возьмите его назад, ради Бога. У меня свой есть (достал УК).

– Все говорите, что законов не знаете, а сами с собой Уголовный кодекс носите.

— Потому и ношу, что не помню, т.е. не знаю. У меня здесь, кстати, и УПК имеется.

Попов, сославшись на УПК, заявил, что подпишет предупреждение только в том случае, если ему будет предоставлена возможность записать в протокол свои ответы собственноручно.

— Нет. Я этого Вам не позволю. С Вами все ясно, Попов. Вы не хотите давать показания. Вы отказываетесь от их дачи, и я оформлю Ваш отказ. Все. Уходите. Вы свободны, Попов.

— Нет, я не уйду. Я не только не отказываюсь от дачи показаний, я настаиваю на них. А вот Вы делаете все, чтобы не было допроса. Вы не хотите, чтобы я собственноручно записывал свои показания, потому что боитесь, что я буду давать показания, которые Вас не устраивают. Вы делаете все, чтобы этого не произошло.

Кудрявцев заявил, что допрос окончен, и предложил Попову дать образцы его подписи, сказав, что на обыске у Мясникова под одним из экземпляров брошюры "173 свидетельства национального позора или о чем умалчивает Конституция" была подпись "Николай Аркадьев", и Попов должен 15-20 раз написать эти слова. Попов категорически отказался, заявив, что это нарушение УПК и что следователь оказывает на него давление.

— Жалуйтесь, куда хотите. Да, я на Вас давлю. Уходите. Ваш отказ от дачи показаний я оформлю соответствующим образом.

— Где же это Вы оформите?

— А вот здесь, в протоколе допроса.

— Так Вам не удастся это сделать!

Попов выхватил из рук Кудрявцева протокол, порвал его и обрывки бросил на стол. Кудрявцев крикнул: "Уходите, Попов!" и добавил тише: "В другом месте я бы поговорил с Вами по-другому". Попов вернулся и забрал обрывки протокола, сказав, что забирает их как вещественное доказательство.

* * *

19 декабря Кудрявцев допросил жену Мясникова Н. Омельченко. На вопрос, на каких машинках она печатала статью мужа "173 свидетельства..." и в скольких экземплярах, Омельченко ответила, что печатала на машинке Чикиных и на работе в 4-х экземплярах. Кудрявцев предъявил Омельченко акт экспертизы, где было сказано, что статья печаталась в 5 экземплярах и не на этих машинках. Омельченко повторила свой ответ. Она записала также в протокол, что статью эту печатала механически и поэтому не может ее квалифицировать. После окончания допроса Кудрявцев заявил Омельченко, что она сама обвиняется по ст. 190-1 УК РСФСР через ст. 17 УК РСФСР ("Соучастие") и стал допрашивать ее как обвиняемую — Омельченко повторила свои показания. Кудрявцев взял с нее подписку о невыезде.

30 декабря уголовное дело против Омельченко было прекращено и дело было передано в товарищеский суд (ст. 51 УК РСФСР).

* * *

Социолог из Перми кандидат философских наук Михаил Гуревич на допросе показал, что читал у Мясникова "173 свидетельства...".

Аресты Лазаревой и Мальцевой

26 сентября в Ленинграде была арестована "феминистка" (Хр. 55, 57) Наталья Лазарева (1947 г.р.). Ей предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР.

16 декабря в Ленинграде по ее делу – делу № 36 – были проведены обыски у Натальи Мальцевой, Виктора Кривулина (Хр. 43, 56) и Татьяны Бегичевой.

Мальцева (1951 г.р.) после обыска была арестована. Ей предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР. В день ареста у нее была температура 39⁰ (у нее туберкулез). Она – один из редакторов альманаха "Женщина и Россия".

У Кривулина изъяли пишущую машинку, детскую Библию с картинками, первый том американского издания Мандельштама, примерно 15 магнитофонных кассет с записью обсуждения № 20 журнала "37" и с музыкой, стихи (всего в протоколе обыска около 70 пунктов).

У Бегичевой (1946 г.р.; окончила философский ф-т ЛГУ) изъяли рукописи Лазаревой и Н. Малаховской.

Арест Браиловского

13 ноября в Москве был арестован кибернетик кандидат физико-математических наук Виктор Браиловский. Он обвиняется по ст. 190-1 УК РСФСР (в апреле его уже арестовывали по ст. 190-1 – Хр. 56).

До середины декабря дело Браиловского вел ст. следователь Московской городской прокуратуры Г.В. Пономарев, затем – ст. следователь Воробьев (Хр. 54, 56).

Браиловский – один из редакторов журнала "Евреи в СССР" (последний, 20-й номер вышел летом 1979 г.), один из руководителей научно-го семинара отказников (см. "Разгон неофициальных семинаров" в разделе "Разные сообщения").

* * *

18 ноября письмо "Всем" в защиту Браиловского подписали 82 человека. Позднее число подписавших дошло до 136.

* * *

26 ноября жена Виктора Ирина Браиловская беседовала с Пономаревым. На вопрос, за что арестован ее муж, Пономарев ответил: "Факт пре-

ступления — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих...”.

- За какие измышления? За что конкретно?
- Сами знаете. За все вместе.
- Что значит “все”?
- Сами знаете.

Браиловская подала Пономареву заявление:

13 ноября 1980 г. мой муж, Браиловский Виктор Львович, был арестован. Между тем, в 1972 г. мы подали на выезд в Израиль, а в 1976 г. с мужа были сняты режимные ограничения на выезд из страны.

Однако выездной визы ему не дали, несмотря на наши неоднократные просьбы и ходатайства. В 1977 г. муж подал все документы заново, на этот раз с вызовом от своего родного брата, проживающего в Израиле, там же проживает отец Браиловского В.Л. И после этого выездную визу не дали.

Что касается меня, то ректор Московского государственного университета академик А.А. Логунов сообщил мне в 1978 году, что я никогда не занималась секретными работами и МГУ не возражает против моего выезда из страны. (МГУ был моим единственным местом работы и, работая там, я никаких закрытых организаций не посещала.)

Прошу объяснить мне, почему Московская прокуратура вынесла в 1980 г. решение об аресте моего мужа, вместо того, чтобы за несколько лет до этого ходатайствовать перед соответствующими инстанциями о выдаче ему выездной визы, что более соответствует духу советского законодательства в части, касающейся статьи 190-1, которая предъявлена моему мужу. Прошу приобщить настоящее заявление к делу Виктора Львовича Браиловского.

Пономарев очень разволновался, раскричался и заявил, что это не он “арестовывал Браиловского” и что это дело он получил после ареста последнего (ордер на обыск у Браиловских в апреле 1980 г., проведенный Ю. Бурцевым, был выписан Пономаревым — Хр.). Затем он зачеркнул свою фамилию в заявлении и попросил обратиться с ним к прокурору Москвы.

Браиловская написала прокурору Москвы жалобу на действия Пономарева.

* * *

5 декабря А. Сахаров написал письмо “В защиту Виктора Браиловского”:

...

Жестокая, не оправданная никакими законными основаниями акция в отношении Виктора Браиловского проведена в первые дни Мадридской конференции. Я думаю, это — не случайность, а вызывающая демонстрация. Мир должен воспротивиться попыткам от-

бросить принципы международной защиты прав человека и поставить его перед фактом полной бесконтрольности действий советских властей – как в деле Браилловского, так и в отношении других репрессий.

Арест Браилловского – это удар по свободе научного общения, по свободе информации.

Я обращаюсь к ученым и деятелям культуры, ко всем, кому дороги эти принципы, дорога справедливость, – с призывом добиваться освобождения Виктора Браилловского.

* * *

15 декабря Браилловская принесла в Бутырскую тюрьму лекарства для мужа (у него воспаление желчных протоков печени). Несмотря на справку о его заболевании, напечатанную по ее просьбе Пономаревым, лекарства у нее не приняли. Начальник тюрьмы письменно заявил Браилловской, что "в тюрьме есть все необходимые медикаменты". Через несколько недель Браилловской все-таки удалось передать мужу лекарства.

Аресты Боголюбова и Еременко

19 или 20 ноября в Москве был арестован житель Магадана Геннадий Боголюбов (Хр. 49). После ареста его отправили в Магадан.

Незадолго до ареста к его матери, живущей в г. Орехово-Зуево Московской области, дважды приходили милиционеры – искали сына. В первый раз они сказали, что Боголюбов нарушил подписку о невыезде из Магадана, во второй – что он участвовал в драке.

Жене Боголюбова сказали, что он обвиняется в незаконном использовании удостоверения инвалида (инвалидность 2 группы, полученная Боголюбовым во время прохождения воинской службы, была снята в 1978 г.).

После ареста стало известно заявление Боголюбова от 10 ноября в ПВС СССР и участникам Мадридского совещания о выходе из гражданства. Боголюбов ходатайствует "о выходе из советского гражданства с целью последующего выезда за пределы СССР". Мотивируя свое желание, он приводит факты преследования со стороны властей:

В 1973 году, после моего отказа сотрудничать с органами КГБ, я подвергся нападению группы хулиганов, зверски избивших меня. В результате этого я 8 месяцев пролежал в больнице.

...

В начале 1977 года против меня было сфабриковано уголовное дело по ст. 224, ч. 2 УК РСФСР. Суд инкриминировал мне распространение наркотических средств в виде таблеток ноксирона, которые я, получая от лечащего врача, отдавал якобы наркоману Зиновьеву. Однако было совершенно очевидно, что как тяжело больной человек я сам остро нуждался в медикаментозном лечении и никому не отдавал выписанные мне для облегчения состояния лекарства.

...суд, руководствуясь показаниями лжесвидетлей, вынес мне меру наказания в виде одного года лишения свободы.

...

Вслед за этим в магаданской печати и по телевидению против меня была предпринята кампания клеветы...

...большинство приведенных фактов даже на судебном процессе были отвергнуты обвинением как не соответствующие действительности...

...

Однако и этого показалось органам КГБ недостаточным, и вот уже вскоре началась гнусная травля моего одиннадцатилетнего сына. Его начали запугивать и избивать учащиеся школы (недаром до этого в одной из телепередач было как бы невзначай упомянуто о той школе, где учится мой сын). В результате сын в течение двух месяцев не посещал школу, опасаясь новых избиений.

...

После отбытия срока наказания меня ожидала новая волна преследований. Для начала я был лишен инвалидности: вдруг выяснилось, что я, оказывается, получал ее ошибочно.

В тяжелом состоянии обращался я к невропатологам Магаданской клиники с просьбой оказать мне медицинскую помощь, но даже и здесь получил отказ.

...

В июле 1979 года группа бандитов, вооруженных булыжниками, пыталась ворваться в мою квартиру; узнав, что меня нет дома, разъяренные хулиганы разбили все окна в квартире.

...

Впоследствии я узнал, что незадолго до этого нападения бандитов посетил некий "следователь", сообщивший им, что я будто бы заявил в "органы" об их антиобщественном образе жизни.

Боголюбов считает, что отношение к нему КГБ окончательно испортилось после открытого письма лидеру профсоюза американских портовых рабочих Г. Бриджесу, в котором Боголюбов дал "резкую оценку" утверждению Бриджеса, что "советские диссиденты являются платными агентами ЦРУ" и "на примере своей жизни рассказал, каким преследованиям подвергаются инакомыслящие в СССР со стороны органов КГБ".

* * *

12 декабря в Магадане арестовали по ст. 190-1 УК РСФСР учителя вечерней школы Арнольда Еременко. После того, как его жена написала в областную прокуратуру о злоупотреблениях КГБ в деле ее мужа, ее вызвали в КГБ и пригрозили, если она не перестанет жаловаться, возбудить против нее дело о клевете.

* * *

22 декабря сотрудник следственного отдела Московского УКГБ ст. лейтенант Жмачкин по санкции прокурора Магаданской области

провел обыск у Розы (Рушани) Федякиной, сестры отбывающего ссылку в Магаданской области Бориса (Гантобари) Мухаметшина (Хр. 55). В протоколе обыска 23 пункта. Один из них: "246 листов, в том числе открытки, письма и письма из-за границы". Среди изъятого – список 19 детей, 8 заготовок (на кальке) плакатов, в том числе с портретом Солженицына, 20 библиотечных книг, 34 листа машинописного текста "pornoграфического содержания" ("Ветка персика"), 3 иностранных журнала того же содержания ("Плейбой"), ксерокопия книги Гумилева, книга Фрейда, воспоминания Н.Я. Мандельштам, книга Ю. Жукова "Из боя в бой" с пометками "идеологически вредного содержания", 3 приготовленные к отправке бандероли (в Ивано-Франковск на имя Крайник, в Ульяновскую область на имя Капоян и в г. Кулаутува на имя Плумпы), пишущая машинка. В протоколе сказано, что "по заявлению Федякиной, бандероли – из средств Фонда Солженицына".

В тот же день и на следующий Федякину допрашивали о ее магаданских знакомых, в частности – о Боголюбове и Еременко. Спрашивали, передавали ли они деньги в Фонд, что Федякиной вообще известно о Фонде, кто ей дал адреса для отправки бандеролей. Федякина ответила, что бандероли она отправляла по просьбе Н.Я. Шатуновской (эмигрировала в 1978 г. – Хр. 51), потом Ю. Закс (эмигрировала в 1979 г. – Хр. 52), теперь – С. Ходоровича (объявленный распорядитель Фонда).

Арест Азадовского

19 декабря после обыска арестовали кандидата филологических наук Константина Азадовского (Хр. 10). Накануне обыскали и арестовали его невесту Светлану Лепилину.

Азадовский – литературовед и переводчик, биограф Клюева, исследователь Цветаевой и Рильке.

У Азадовского изъяли коллекцию фотопортретов русских писателей XX века и пакет с 5 граммами героина. По словам Азадовского героин был подброшен во время обыска.

В неофициальной беседе следователи, представившиеся "сотрудниками 15 отделения милиции, связанного с Интерполлом", заявили, что Азадовский и его невеста арестованы за наркотики, коммерческие сделки и печатание за границей (Азадовский печатался за границей исключительно через ВААП).

О Б Ы С К И

12 сентября следователь Московской городской прокуратуры Титов (Хр. 57) провел обыск у Юрия Шихановича. Формально обыск проводился по делу Терновского.

В протоколе обыска около 200 пунктов, однако ничего относящегося к делу Терновского или к "Хронике текущих событий" (см. "Дело

Лавута" в Хр. 57) найдено не было. В протоколе обыска есть такие пункты: "Листок с буквами", "Материалы на английском языке"; весь протокол составлен на таком уровне.

* * *

15 декабря в Таллине провели обыск в доме Островских (Хр. 54) — бывших хозяев дома в Усть-Нере, в котором жил А.Подрабинец (Хр. 57). Обыск проводился по постановлению прокуратуры Якутской АССР — по подозрению в изготовлении и испытании взрывного устройства. Обыск проводили зам. начальника угрозыска МВД ЯАССР майор Попов, ст. Инспектор угрозыска УВД Таллина ст. лейтенант О.Я. Филонов и неназванный человек.

После обыска Островских допросили.

Леонида Островского допрашивал — в качестве подозреваемого — Попов. В начале допроса он сказал, что вина Островского полностью доказана показаниями свидетелей (никаких показаний Попов не предъявил) и отпечатками пальцев (отпечатки пальцев у Островского никогда не брали). Попов потребовал, чтобы Островский написал заявление о том, что в Таллине он взрывов производить не будет. Островский отказался.

Наталью Островскую допрашивал следователь Ладошкин. Он сказал, что допрашивает ее в качестве свидетеля, но скоро она перейдет на положение обвиняемой. Ладошкин обвинил Островскую в связи с террористами и в спекуляции домами (Островские, переезжая в Таллин, продали свой дом А. Подрабинеку). Ладошкин сказал, что, работая в библиотеке, Островская не производит материальных благ, и выразил сожаление, что все это происходит не в сталинские времена.

Островских спрашивали также о знакомстве с А. Подрабинеком.

* * *

В декабре на работе у Н.П. Лисовской (Хр. 54) в ее отсутствие провели обыск.

23 декабря в Москве провели обыск у Веры Лашковой (Хр. 1).

23 декабря в Ленинграде на обыске у Николая Симакова (1949 г.р.; окончил юридический факультет ЛГУ) была изъята религиозная литература.

29 декабря в Ленинграде провели обыски у матери Владимира Борисова (Хр. 57) Е.П. Борисовой (в протоколе более 30 пунктов) и Галины Григорьевой (1948 г.р.; окончила факультет психологии ЛГУ).

ДЕЛО ОСИПОВОЙ

12 ноября следователь Л.В. Коробейников допросил по делу члена Московской группы "Хельсинки" Татьяны Осиповой (арестована 27 мая — Хр. 57) Всеволода Кувакина (Хр. 57).

Кувакин сказал, что с Осиповой знаком около трех лет, познакомил-

ся у А. Подрабиника; отношения дружеские. О том, что Осипова летом 1978 г. вступила в группу "Хельсинки", узнал из передач западных радиостанций, а также в связи с тем, что на документах Группы стала появляться ее подпись.

— Как именно Вы относитесь к деятельности группы "Хельсинки"? Вы не расцениваете, что эта деятельность носит антисоветский характер?

— Ни в коем случае. Я считаю, что группа "Хельсинки", как и любая другая группа правозащитной направленности, объективно осуществляет просоветскую деятельность. Ведь информируя советские государственные органы и общественность о фактах нарушений советских законов и международных договоров и призывая к устранению этих нарушений, группа "Хельсинки" способствует повышению авторитета советского государства...

— Но ведь все эти обращения... направляются не в советские учреждения, а на Запад?

— ...В 1977 году группа "Хельсинки" все свои документы направляла в первую очередь в советские правительственные органы, но так как на эти обращения ответов не последовало, то документы Группы в советские органы посылать перестали. Группа по расследованию злоупотреблений психиатрией все свои информационные бюллетени направляла в Прокуратуру СССР, но, насколько мне известно, и в этом случае никакого ответа не последовало.

Кувакин сказал, что с большинством документов Группы он знаком, но Осипова их ему не давала и у нее дома он их не видел. Коробейников пытался выяснить, как готовятся документы Группы, кто является ее руководителем, какие функции в Группе выполняла Осипова, как документы попадают на Запад и кто из членов Группы осуществляет связь с иностранными корреспондентами, работающими в Москве.

— Вы видели когда-нибудь членов группы "Хельсинки", беседующих с западными корреспондентами?

— Да, раза два присутствовал при беседе с корреспондентами Юрия Ярым-Агаева (эмигрировал в июле 1980 г. — Хр. 57).

— Не было ли случаев, чтобы кто-то из корреспондентов задавал Вам вопросы, касающиеся Татьяны Осиповой?

— Как-то один раз корреспондент "Би-Би-Си" Кэвин Руэйн спросил у меня, выздоровела ли Осипова (она в то время болела). Других случаев не помню.

— То есть Осипова была знакома с этим корреспондентом?

— Точнее, это он знал о ее существовании. Если бы он был знаком с Татьяной, то, наверно, поинтересовался бы ее здоровьем непосредственно у нее.

Затем Коробейников стал рассуждать о "Хронике": "Вот раньше мы любой выпуск "Хроники" расценивали как криминальный. А теперь — только отдельные. Вы ведь знаете, что Великановой инкриминировали лишь несколько выпусков из трех десятков, в изготовлении которых она принимала участие. Правда, при обысках мы "Хронику" изымаем, но как идеологически порочную литературу. А сажать — не сажаем". После этого он спросил Кувакина, какое отношение имела Осипова к "Хронике" и

давала ли ему ее читать. "Не знаю, не давала", – ответил Кувакин. Поинтересовавшись отношением Осиповой к терроризму ("Отрицательное", – сказал Кувакин.), Коробейников достал из письменного стола 7 машинописных документов (открытое письмо в ПВС СССР по поводу захвата в Иране американских дипломатов, письмо по поводу ареста Александра Подрабиника, письмо по поводу ареста Виктора Некипелова, письмо в ПВС СССР об отказе принять участие в выборах в Верховный Совет СССР, письмо в защиту В. Сквирского, документ СМОТа по поводу суда над Н. Никитиным, обращение Комитета борьбы за право на свободный выезд из СССР) и предъявил их Кувакину со словами: "Вам эти материалы знакомы?"

– Я подписывал в разное время каждый из этих документов. Но три из предъявленных мне документов никакого отношения к Татьяне Осиповой не имеют.

...

– ...Там, где стоит фамилия Осиповой, означает, что она подписала эти документы?

– Да, обычно фамилия ставится только тогда, когда человек подписал или выразил согласие подписать документ.

...

– Как происходит обычно сбор подписей под документом?

– По-разному, какой-то регламентированной процедуры не установлено.

...

– Вы допускаете, что подпись Осиповой ...поставлена без ее ведома и согласия?

– Я не встречался и не слышал до сих пор о таких прецедентах... Но категорически утверждать, что такое полностью исключено, разумеется нельзя.

В ходе допроса Коробейников также спрашивал о СМОТе и Комитете по эмиграции.

Все вопросы и ответы записывались Коробейниковым достаточно точно и без каких-либо искажений. Однако после прочтения протокола Кувакин увидел, что некоторые вопросы и ответы на них в протокол не внесены (о взрыве в метро, о СМОТе, о Комитете по эмиграции, о знании Осиповой иностранного языка). В процессе допроса Коробейников несколько раз принимался рассуждать на "отвлеченные" темы: о различии между демократическим и правозащитным движением, о журнале "Поски", о том, знаком ли Кувакин с А. Сахаровым. Допрос длился шесть с половиной часов.

При выходе из здания Коробейников сказал: "Надеюсь, что больше не встретимся. А впрочем, кто знает?" На вопрос Кувакина "Где встретимся? Здесь в Москве или и в Перми тоже?" Коробейников заявил: "И там, и здесь".

* * *

16 ноября Коробейников допросил Елену Сиротенко (Хр. 39, 40, 47, 48, 51, 52).

Во внепротокольной части допроса Коробейников сказал, что "они" знают, что Сиротенко – просто подруга Осиповой и не участвовала в составлении и подписании документов. Он предложил Сиротенко сказать доброе слово, которое поможет Осиповой во время суда. Коробейников также сказал, что "старшие товарищи" во-время не подсказали Осиповой, как следует себя вести, чтобы ее деятельность не преследовалась законом (сами они, по его словам, умеют придерживаться такой линии поведения), а теперь не хотят даже прийти на допрос, например Мейман и Каллистратова. Коробейников сказал, что Осиповой нужно помочь. На вопрос Сиротенко "Если следствие желает Осиповой добра, зачем же ее арестовали?" Коробейников ответил, что она нарушила закон: изготовляла, хранила и распространяла антисоветский журнал "Хронику" и другие документы, найденные у нее на обыске, а также документы НТС, в которых есть программа свержения советской власти. Следователь отметил семейное положение Осиповой – недавно создалась семья и теперь Иван (Ковалев – Хр.) потерял жену, а до этого отца. Сиротенко и сама должна это понимать, ведь она находится в таком же положении – много лет ждет жениха (Айрикяна – Хр.). Коробейников отметил мужество Сиротенко (по-видимому, имелась в виду анонимка с угрозами, полученные Сиротенко в 1976 и 1979 гг. – Хр. 53).

На вопрос, будет ли Сиротенко давать показания, она ответила, что не будет, и пояснила, что не хочет иметь никаких дел с КГБ. Коробейников записал в протокол вопрос о знакомстве Сиротенко с Осиповой и длинный текст, кончавшийся тем, что Сиротенко отказывается от дачи показаний, поскольку давно знакома с органами КГБ и относится к ним отрицательно. Сиротенко повторила, что отказывается давать показания. Она отказалась подписать протокол, заявив, что, что все, кроме мотивов отказа, сочинил сам следователь. Допрос длился менее часа.

* * *

17 ноября Коробейников допросил Бэлу Коваль (Хр. 48, 49, 53).

Следователь спросил, привлекалась ли Коваль в качестве свидетеля. В протоколе он записал: "Да, в 1961 году по делу "самолетчика" Кузнецова, осужденного в 1970 г., с которым мы решили пожениться в 1956 г." Коваль указала на неточности в записи ее показаний, на что Коробейников сказал, что это несущественно, и исправлений не внес. На вопрос о знакомстве с Осиповой Коваль ответила, что они виделись не более трех раз. В протокол Коробейников записал, что знакомство состоялось три года назад у Ирины Гинзбург, жены особо опасного государственного преступника. В ответ на возражения Коваль Коробейников пояснил: "Мы так называем, такое правило", а неточности в записи вновь назвал несущественными. На вопрос, знает ли Коваль и если да, то откуда, о членстве Осиповой в группе "Хельсинки", та ответила, что знает, вероятно, от Кузнецова. "Кого еще знаете из Группы?" – "Вроде никого, слышала от него же о Т. Великановой и Т. Ходорович". Следователь пояснил, что это другая группа "Хельсинки", а теперь ее состав полностью обновил-

ся. Он напомнил о Боннэр, которая, по его словам, из-за чувства безнаказанности ведет себя нагло (Коваль давно знакома с Е. Боннэр, помогавшей семье Кузнецова — Хр.). В протоколе ответ выглядел так: со слов Кузнецова знаю о членстве Осиповой, Ходорович, Боннэр (с которой я знакома лично). Коваль рассказала Коробейникову о том, что перед ее поездкой на свидание к Кузнецову Осипова помогла ей раздобыть чаю и колбасы. Запись в протоколе: члены группы "Хельсинки" обязаны оказывать моральную и материальную поддержку семьям особо опасных государственных преступников. По настоянию Коваль в протокол были внесены исправления: не "обязаны" и не "особо опасные...", а политзаключенные. После разговора о том, откуда, по мнению Коваль, у Осиповой были эти продукты, не требовала ли Осипова за них деньги, о Фонде помощи политзаключенным в протокол вошла фраза о том, что Осипова не требовала никакого возмещения за продукты. На вопросы о том, не вела ли Осипова антисоветской агитации, не давали ли она Коваль что-нибудь читать, не рассказывала ли ей о своей деятельности, Коваль ответила отрицательно. На вопрос, откуда она узнала об аресте Осиповой, Коваль ответила, что услышала об этом по "Голосу Америки". В дополнение к протоколу Коваль записала, что считает Татьяну Осипову человеком, достойным глубокого уважения, благодарна ей за душевную доброту и отчаянную смелость.

Во время допроса Коробейников вел многочисленные "непротокольные" разговоры: о Н. Меймане (он, как сказал следователь, толкает молодежь на ответственные поступки, а сам хочет оставаться в тени — например, не подписал документ Группы об Афганистане, а Осипова подписала); евреи, по словам Коробейникова, вообще умные, но хитрые, сплоченные, знают границы, которые опасно переступать); о группе "Хельсинки" (следователь сказал, что у нее есть свои бланки, а ее документы бывают подсудные и неподсудные); о других отечественных и зарубежных группах, особенно о "Международной Амнистии"; о дне рождения Ивана Ковалева, на котором была Коваль (о сервировке, о гостях, чем занимались); о появлении Осиповой в Москве, об их любви с Ковалевым (которая, по словам Коробейникова, чувствуется и сейчас, когда Осипова находится под следствием) и о первом муже Осиповой. На вопрос Коваль, пустят ли ее на суд, Коробейников ответил, что вряд ли, ведь она знает, какими были недавние суды, — вот и этот будет такой же.

* * *

23 ноября Коваль направила Коробейникову заявление, в котором потребовала исключить из ее ответов выражения "особо опасный государственный преступник" и "выдворен". Коваль потребовала исправить фактические неточности: она познакомилась с Кузнецовым в 1956 г., в 1961 г. проходила по его первому делу как невеста, по делу 1970 г. не вызывалась. Хотя Коваль заявила на допросе, что не знакомилась с Осиповой у И. Гинзбург (с последней она познакомилась лишь в момент ее отъезда), соответствующая запись вошла в протокол. Коваль потребовала исключения из протокола этого пункта. Кроме того, она потребовала

внести в протокол ее мнение о том, что "Татьяна могла помочь... из личных побуждений...". Свое заявление Коваль потребовала приобщить к делу Осиповой.

* * *

29 ноября Коробейников повторно допросил Коваль. Он сказал, что из-за ее заявления у него были неприятности. Коваль потребовала дать ей вновь ознакомиться с первым протоколом (это было сделано лишь после третьей ее просьбы). В новый протокол Коваль внесла полный текст своего заявления от 23 ноября, а следователь с ее слов записал, что она ездила к Кузнецову до 1965 г. и 3-4 раза с его матерью после 1974 г. По поводу Хельсинкской группы Кузнецов ей ничего не говорил.

О знакомстве с Осиповой: "На квартире у Ирины Гинзбург не знакомилась, а сам факт знакомства мог произойти при обстоятельствах, мне не запомнившихся". О продуктах: "Таня мне не звонила; скорее всего, я ей звонила. Чай и колбасу дала из личных мотивов, как нуждающейся, ведь у меня семья, а у матери Кузнецова личный доход составлял 5 рублей в месяц".

Коробейников спросил, что знает Коваль о членах Хельсинкской группы, затем дал ей прослушать магнитофонную пленку с записью голоса Осиповой (он пояснил, что это Тольц берет у нее интервью), называл длинный список фамилий, выяснял, кого знает Коваль (Тольц, Подрабинек, Даниэль, Синявский и др.). Коваль сказала, что знает только Бонэр, а на другие вопросы, в том числе о пленке, отвечать отказалась.

* * *

19 ноября подполковник В.А. Колчин допросил Илью Бурмистрови-ча (повестка была подписана Коробейниковым). В анкетной части протокола Бурмистрович предложил вопрос о его судимостях (в 1968-1971 гг. он отсидел три года по статье 190-1 УК РСФСР – Хр. 8, 20) выяснять по официальным каналам. По поводу первого запроотоколированного вопроса Бурмистрович заявил, что он неточен: на допросе 6 ноября он не отказался отвечать на вопросы, а сообщил, что будет на них отвечать после возвращения материалов, незаконно изъятых на обыске 19 сентября (в этот день у него провели обыск, формально – по делу Гривниной), а в дальнейшем (кроме последнего вопроса) ссылался на свой ответ на второй вопрос. На второй вопрос Бурмистрович ответил кратким изложением своей позиции: будет давать показания только после возврата изъятых. В ответ на напоминание об ответственности за отказ от дачи показаний Бурмистрович, в виде дополнения к протоколу, изложил свою позицию более подробно, после чего поставил свою подпись под дополнением, отказавшись подписывать протокол в других местах.

* * *

20 ноября Колчин допросил дочь Александра Лавута Татьяну. Несмотря на просьбу Лавут вести допрос в форме вопросов и ответов,

Колчин провел с ней длительную "внепротокольную" беседу о группе "Хельсинки". На протокольный вопрос об обстоятельствах знакомства с Осиповой Лавут ответила, что знает ее с 1977 г., когда та поступила работать в ЦГЭ оператором. Свои отношения с Осиповой она охарактеризовала как дружеские. На вопрос о политических взглядах Осиповой Лавут отвечать отказалась. Лавут сказала, что цель группы "Хельсинки" — содействовать выполнению всех пунктов соглашений в Хельсинки. На другие вопросы о деятельности Группы и роли Осиповой в ней Лавут отвечать отказалась. Она также отказалась ответить на вопрос, подписывала ли она документ Группы № 58 "Десять лет спустя" (о Чехословакии — Хр. 57).

* * *

В тот же день майор В.Г. Самойлов пытался допросить члена Московской группы "Хельсинки" С.В. Каллистратову.

От внепротокольной беседы со следователем Каллистратову отказалась. На предложение рассказать все, что известно Каллистратовой по делу Осиповой, просьбу охарактеризовать Осипову и вопросы Каллистратова отвечать отказалась, сославшись на свое заявление, отправленное по почте.

* * *

21 ноября в г. Юрьев-Польский на работу к Ольге Зайцевой (см. "Преследования Инициативной группы защиты прав инвалидов") приехал следователь А.Г. Губинский. Зайцева отказалась с ним разговаривать. Через полтора часа ее вызвали повесткой в милицию. Там ее пытались допросить Губинский и сотрудник Кольчугинского райотдела Владимирского УКГБ Перепелкин. Зайцева отказалась давать показания, заявив, что не хочет участвовать в преступлении, совершаемом КГБ. Один из заданных вопросов касался подписей Осиповой и Зайцевой под документом о международном разбое и методах расправы с мыслью.

После допроса Губинский отправился домой к Зайцевой, чтобы допросить ее мужа Валерия Фефелова. Фефелов дверь не открыл и заявил, что отказывается давать показания.

* * *

В тот же день один из следователей позвонил другу Осиповой и Ковалева Валентину Мицкевичу и спросил, получил ли Мицкевич повестку на допрос; узнав, что нет, он пытался уговорить прийти без повестки. Мицкевич отказался.

На 21 ноября был вызван на допрос член Московской группы "Хельсинки" Н.Н. Мейман — он не пошел (это была уже третья повестка).

Не пошли также вызванные Е. Арманд и Ю. Гольфанд.

* * *

25 ноября Коробейников допросил М.З. Новикова (Хр. 51, 52, 56).

* * *

В тот же день Коробейников допросил Юрия Гастева.

Гастев подтвердил свое знакомство с Осиповой и дал высокую характеристику ей и группе "Хельсинки" в целом. На вопросы о структуре группы, распределении обязанностей между ее членами, "технике" составления и подписания документов Гастев ответил, что задачи, которые ставит перед собой Группа, отражены в ее документах, а за дальнейшими объяснениями посоветовал обратиться к ее членам. Гастев подтвердил свою подпись под документами в защиту А. Подрабиника и А. Лавута и "Десять лет спустя". На вопрос, какими путями члены Группы передавали на Запад "клеветническую информацию", Гастев отвечать отказался, добавив, что известные ему документы Группы такой информации не содержат, хотя сама Группа неоднократно становилась объектом клеветы в закрытых материалах следствий и отчетах в советской печати. Гастев также сказал, что никогда не слышал от Осиповой "клеветнических заявлений" и убежден, что она на них не способна. Аналогичный вопрос об "антисоветских заявлениях" Коробейников снял, т.к. не сумел объяснить Гастеву, что именно он имел в виду. На вопрос, не давала ли ему Осипова читать "Архипелаг ГУЛаг" или "Технологию власти", Гастев ответил отрицательно.

Гастев с уважением и восхищением отозвался о Ю. Орлове, А. Лавуте, С. Ковалеве, Т. Великановой и А. Подрабинике. На просьбу Коробейникова высказаться "как специалисту по женской части" о женщинах-диссидентах вообще и об Осиповой в частности – Гастев ответил отказом.

* * *

В г. Коломне дважды допрашивали мать Осиповой.

На первом допросе она рассказала о близком знакомстве дочери с ее бывшим преподавателем на подготовительных курсах в МГУ Олегом Петровичем Смолой.

На втором допросе матери дали прослушать магнитофонную пленку с рассказом Татьяны о себе и попросили подтвердить, что голос принадлежит действительно ее дочери, что допрашиваемая и сделала. (Пленка была изъята 29 апреля на обыске у Владимира Тольца – Хр. 56.)

* * *

В те же дни Самойлов допросил в Нахабино (Московская область) тетку Осиповой. Он расспрашивал о первом браке Татьяны и о Смоле.

О первом браке Осиповой тетка сказала, что была у нее два раза. Осиповой было очень некогда: училась, работала, ухаживала за больным, престарелым мужем. В протоколе записано, что брак был "по расчету".

О Смоле тетка сказала, что Осипова высоко расценивала его как преподавателя, ценила и его личные качества. На вопрос, была ли Осипова любовницей Смолы, тетка ответила, что, по ее мнению, – нет. В протокол следователь записал, что Осипова была влюблена в Смолу.

Смолу несколько раз подолгу допрашивали по делу Осиповой.

26 ноября Коробейников допрашивал Владимира Тольца.

Тольц подтвердил знакомство с Осиповой, свои отношения с ней охарактеризовал как дружеские. На вопросы: не высказывала ли Осипова в его присутствии отрицательные суждения о советской действительности или "антисоветские" и клеветнические измышления, не распространяла ли она материалы, содержащие такие измышления, внутри страны и за рубежом, не давала ли ему читать "Архипелаг ГУЛаг", "Технологию власти" или "Хронику текущих событий" — Тольц ответил отрицательно.

Коробейников предъявил Тольцу изъятую у него магнитофонную пленку и задал несколько вопросов, связанных с этой пленкой. Тольц отвечать отказался. На вопрос, не был ли вызван интерес Тольца к Осиповой ее "антисоветской деятельностью", Тольц ответил, что ее судьба представляется ему уникальной, как, впрочем, и судьба многих других людей, например, юного баяниста из Перми Коробейникова, ставшего следователем КГБ и ведущего дела в самой Москве. (Эти сведения Тольц почерпнул из обширной внепротокольной беседы со следователем.)

Во время беседы Тольц расспросил Коробейникова об обстоятельствах допроса писателя Георгия Владимова, который проводил Коробейников. (Через несколько дней после допроса у Владимова произошел инфаркт миокарда.) Свою вину и ответственность Коробейников отрицал. Он сказал, что Владимов произвел на него впечатление спокойного и очень интересного человека. Инфаркт у него, по мнению Коробейникова, случился после того, как он понервничал уже после допроса, в результате звонков Софьи Васильевны Каллистратовой и некоторых других знакомых, которые расспрашивали его о допросе.

В тот же день следователь И.С. Филатов допросил в г. Орехово-Зуево В.С. Тюлькова (Хр. 56).

Филатов сказал, что по его сведениям Осипова "бегала" к Тюлькову, когда училась в Орехово-Зуево. Тюльков выразил недоумение, сказав, что об Осиповой знает только из радиопередач. Тут удивился Филатов: как же Тюльков отрицает знакомство с Осиповой, если во время ареста Лавута у зашедшего к нему Тюлькова был изъят тот же 54-й выпуск "Хроники", что и у Осиповой. Тюльков вновь повторил, что с Осиповой он не знаком, а о выпуске "Хроники" сказал, что изготовил его сам (то же самое он говорил на допросе по делу Лавута).

На вопросы о знакомстве с членами группы "Хельсинки", ее документами и А.Д. Сахаровым Тюльков ответил отрицательно. В протоколе записано, что Тюльков приехал к Лавуту в первый раз, чтобы поближе познакомиться с человеком, близким к Хельсинкской группе. Тюльков отметил, что он сказал "Пришел по личным делам", но не стал настаивать на исправлении.

В конце допроса Филатов сказал: "Ну, я до Вас еще доберусь!" Тюльков ответил, что он в этом не сомневается.

* * *

28 ноября Колчин допросил сослуживицу Осиповой Инну Соколинскую.

Соколинская сказала, что познакомилась с Осиповой, когда та пришла к ним работать. Отношения были хорошими, дружескими. Дома у Осиповой и Ковалева была только один раз, после ареста Осиповой на 15 суток (Хр. 56). О группе "Хельсинки" Соколинская узнала от мужа, а он узнал по "Голосу Америки" (Соколинский – непосредственный начальник Осиповой по работе – Хр. 57). О Группе и о своей работе в ней Татьяна никогда не рассказывала, а Соколинская ее об этом не спрашивала, поскольку муж запретил ей это делать.

Соколинская рассказала, что Осипова очень заботилась о своем первом муже: ездила в обед домой, чтобы его накормить, возила передачи, когда он лежал в больнице, и очень тяжело переживала его смерть.

Соколинская предложила судить Осипову выездным судом по месту ее работы, т.к. никто там не верит, что она такая "опасная". Следователь сказал, что после суда они, возможно, пошлют своего сотрудника на место работы Осиповой и он им все объяснит. Соколинская предложила взять Осипову на поруки. Колчин ответил, что дело зашло очень далеко и Осипову надо наказать серьезно. В чем конкретно обвиняется Осипова, он сообщить отказался: "Если я стану об этом рассказывать, то получится, что я буду распространителем антисоветских идей".

* * *

2 декабря Мария Петренко направила Андропову письмо, в котором сообщила, что на допросе по делу Осиповой 12 ноября она просила следователя Четечкина приобщить к делу свое заявление об отказе от участия в делах, связанных с уголовным преследованием за убеждения. Петренко пишет, что, пережив массовые репрессии сталинских лет, научилась "очень осторожно относиться к свидетельским показаниям, данным на следствии, когда объектом разбирательства являются взгляды, а не фактические преступления".

* * *

5 декабря Губинский допросил члена Московской группы "Хельсинки" Ивана Ковалева.

На вопросы об изъятых на обыске у него и у Осиповой деньгах, продуктах и вещах (Хр. 54) Ковалев отвечать отказался. Он также отказался прокомментировать документ Хельсинкской группы № 104 (Хр. 54), где сказано, что изъятые деньги, продукты и вещи принадлежат Фонду помощи политзаключенным.

Во внепротокольной беседе Губинский и Ковалев обсудили обстоятельства гибели Андрея Амальрика, образование Губинского и его прежние отзывы на стихи Мандельштама, находящиеся в деле Суперфина (Хр. 36).

Губинский сказал, что Осипова выглядит в тюрьме лучше, чем до ареста: никаких забот с магазинами, уборкой, готовкой. Он посоветовал Ковалеву "кончать" и тоже поступить на полный пансион. Договорились, что, пока у Ковалева есть деньги, он помучается с очередями и прочим, а когда кончатся – придет "сдаваться".

Вне протокола Губинский спрашивал об изъятой у Тольца пленке, а также сказал, что статья Ковалева "О моей Тане" (Хр. 57) дала следствию обширный материал, хотя Ковалев отказывается давать показания.

Губинский вернул Ковалеву 6 магнитофонных кассет, изъятых в день ареста Осиповой, а также словари и книги на английском языке, ранее принятые для передачи Осиповой. Ответить на вопрос Ковалева о причине возврата книг Губинский отказался.

11 декабря Ковалева допросил Самойлов. Единственный вопрос касался паспорта Осиповой. Ковалев сказал, что он тщательно осмотрел комнату, но паспорта не нашел, и пообещал привезти его, если найдет.

Содержание внепротокольной беседы сводилось к тому, что "молодые садятся", а "старые остаются в тени". По мнению Самойлова, все "разумные" люди относятся к возрастной группе 20-40 лет. Другие – либо дурят по молодости, либо впали в старческий маразм. Самойлов сказал, что ему самому 35 лет.

* * *

В середине декабря Филатов вызвал Ю. Величкина (Хр. 52, 56). На допрос пошла его жена (он – инвалид). В ответ на вопросы следователя она сказала, что Осипову не знает, а документов группы "Хельсинки" (изъятых у Величкина на обыске) не видела.

* * *

15 декабря предварительное следствие закончилось. Татьяна Осипова и ее адвокат Владимир Яковлевич Швейский приступили к чтению дела.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

В ноябре – начале декабря выселены семьи Мамута Джеляева (с. Суворово), Факри Мисчанова (г. Старый Крым) и Юсуфа Сейтаблаева. Мисчанов после выселения вернулся и поселился во времянке.

* * *

3 декабря в дом, где с 1976 г. проживала семья Хурдаде (г. Старый Крым), в 6 часов утра ворвались милиционеры. Едва дав обитателям одеться, их выгнали на улицу, а вещи стали грузить в машину. Гульнару Хурдаде и ее мужа повезли в Керчь, чтобы этапировать в Узбекистан.

Дочь Гульнары Айше Хурдаде была в это время на работе. Вернувшись, она увидела, что дом заколочен. После этого Айше ютилась у соседей, не могла ходить на работу.

Гульнаре и ее мужу удалось убежать и они вернулись в Старый Крым. На следующий день Гульнару схватили и увезли на милицейской машине. Ни в милиции, ни в других городских организациях Айше не удалось узнать о судьбе матери.

Из письма Айше Хурдаде (1962 г.р.) Брежневу:

Моя мать – дочь расстрелянного немецкими фашистами партизана-коммуниста. Она многократно обращалась в вышестоящие партийные и советские организации с просьбами о прописке членов нашей семьи в нашем доме в Старом Крыму, но она так и не могла добиться для себя и для своих детей самых простых прав. Например, ей уже 4 года не меняют просроченный паспорт, а я, как получила в 16 лет паспорт, так до сих пор не могу получить штамп о прописке. И это несмотря на то, что у нас есть жилплощадь, я училась здесь в школе и потом работала.

Неужели мне суждено всю жизнь прожить бесправной? Прошу ответить мне: не имею ли я гражданских прав на всей территории СССР или только в Крыму? В школе мы проходили, что в СССР нет дискриминации по национальному признаку. Я же в реальности вижу ужасную дискриминацию крымских татар, причем проводники этой дискриминации всем известны и не несут никакой ответственности.

Прошу вас помочь мне найти мою маму. Я хочу, как и мои русские подруги, спокойно жить с мамой и папой в своем доме.

Прошу вас помочь мне получить прописку в своем доме в г. Старый Крым, ул. Октябрьская 56.

СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ

Суд над Сас-Жураковским

21 мая народный суд г. Коломыя Ивано-Франковской области приговорил священника Мирона Сас-Жураковского (1934 г.р.; арестован 27 февраля – Хр. 56) по ст. 196 УК УССР ("Нарушение паспортных правил") к 2 годам лагерей строгого режима (это максимум по ст. 196; в соответствии ст. 198 УК РСФСР максимум – 1 год) за отказ взять советский паспорт.

Родители Мирона в 1939 г. жили в Варшаве и имели польское гражданство. После раздела Польши вся семья приобрела германское гражданство. В мае 1942 г. отец Мирона Николай Сас-Жураковский был призван в гитлеровскую армию и до 1945 г. воевал против СССР. В апреле 1945 г. он был взят в плен. Его семья была перевезена советскими властями в Коломыю (там жили его родители). В 1949 г., перед освобождением из плена, Николаю Сас-Жураковскому было сказано, что, если он не подаст заявление о том, что в 1939 г. жил в Коломые (а тогда по со-

ветским законам он считается гражданином СССР), его по освобождении вышлют в Германию и он будет разлучен с семьей. Он подал такое заявление. По его просьбе его жена подтвердила это. В 1975 г. Н. Сас-Жураковский и Мирон написали в ПВС СССР заявление с просьбой о возврате германского гражданства. Такие заявления они потом посылали еще несколько раз, но ответа не получили.

Суд отказался вызвать в качестве свидетеля мать Мирона (отец его уже умер) и отказался затребовать из архива документы о гражданстве Сас-Жураковских.

М. Сас-Жураковский отбывает наказание в Винницкой области: с. Стрижавка, учр. ИВ-301/81.

Суд над Крайником

С 12 по 21 августа Ивано-Франковский областной суд под председательством Г.Д. Василенко рассматривал дело Николая Михайловича Крайника (1935 г.р.; арестован 28 сентября 1979 г. – Хр. 56), обвинявшегося по ст. 62 УК УССР (=ст. 70 УК РСФСР), ст. 64 УК УССР ("Организационная деятельность..., а равно участие в антисоветской организации") и ст. 208 УК УССР ("Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность"). Обвинитель – прокурор Городько, защитник – адвокат Кабицкий.

В 1967 г. Крайник заочно окончил исторический факультет Черновицкого университета. Был членом КПСС, работал директором восьмилетней школы в родном селе Солуково Долинского р-на Ивано-Франковской области.

В поле зрения КГБ Крайник попал после доноса Марии Винтовой, которой он помогал готовиться к вступительным экзаменам в вуз и иногда давал трактовку исторических фактов, расходящуюся с официальной.

В 1971 г. Крайника исключили из КПСС и уволили. С 1978 г. до ареста Крайник работал мотористом в Туркмении.

Крайник участвовал в создании организации "Украинский национальный фронт". Ее члены занимались изготовлением и распространением неподцензурной литературы. Была сделана попытка издавать журнал "Украинский вестник" и альманах "Прозрение" (вышло 2 номера).

28 сентября 1979 г. Крайника арестовали в г. Мары Туркменской ССР. 8 октября он уже был в Ивано-Франковске. 9 октября в шести домах села Солуково провели обыски. 20 ноября на окраине села нашли бидон с материалами УНФ.

В тюрьме Крайник заболел: язва желудка, заболевание печени, атеросклероз. В июне 1980 г. его поместили в Львовскую тюремную больницу.

Родных Крайника о начале суда не оповестили. 14 августа они приехали в Ивано-Франковск – их в зал суда не пустили; им было сказано, что заседание началось 5 минут назад и зал уже полон свидетелями (!). На следующий день родные пришли в зал суда за 2 часа до начала, но в 9 ч.

45 мин. их силой вывели из зала. Упивавшуюся жену Крайника Дарью толкнули так, что вылетело стекло в дверях; ее увезли в милицию и оштрафовали на 20 рублей. В зал суда родных пустили только 21 августа – на зачитание приговора.

Суд приговорил Крайника к 7 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки.

С 21 ноября Крайник находится в 3 мордовском лагере.

Суд над Мазуром

В декабре Житомирский областной суд приговорил Дмитрия Мазура (арестован 30 июля – Хр. 57) по ст. 62 УК УССР (=ст. 70 УК РСФСР) к 6 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки. Суд длился 5 дней.

Суд над Хмарой, В. Шевченко и А. Шевченко

С 15 по 24 декабря Львовский областной суд под председательством Е.И. Крючкова-Дворецкого рассматривал дело Степана Ильича Хмары (1937 г.р.; арестован, вероятно, 31 марта), обвинявшегося по ст. 62 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР) и ст. 150 УК УССР ("Частнопредпринимательская деятельность..."), Виталия Никифоровича Шевченко (1934 г.р.; арестован 14 апреля – Хр. 56), обвинявшегося по ст. 62 УК УССР и ст. 70 УК РСФСР, и Александра Евгеньевича Шевченко (1940 г.р.; арестован 31 марта – в Хр. 56 неточность), обвинявшегося по ст. 62 УК УССР. Обвинитель – прокурор В. Дорош. Защитники – адвокаты Степаненко (у Хмары), Брусенцов (у В. Шевченко) и М.М. Липкус (у А. Шевченко).

* * *

Хмара работал стоматологом в поселке Порнык Львовской обл. Он был членом горкома профсоюзов, пытался добиться улучшения условий труда для своих коллег. Первичная парторганизация приняла его в партию, но вышестоящая организация это решение не утвердила. После этого Хмару отстранили от профсоюзной деятельности.

В. Шевченко окончил факультет журналистики Киевского университета, после чего служил в войсках КГБ, был офицером запаса КГБ и членом партии. В конце 50-х годов работал редактором газеты "Ленинец" на Сахалине, потом – в РАТАУ в Киеве. Перед арестом В. Шевченко работал в отделе технической информации на заводе.

А. Шевченко тоже окончил факультет журналистики КГУ. Перед арестом он работал ответственным секретарем редакции "Украинского биохимического журнала".

* * *

31 марта сотрудники КГБ во главе с подполковником Петрунем (это он применял методы физического воздействия к Стусу – Хр. 58) забра-

ли А. Шевченко из Киевской городской больницы № 3, где он находился по поводу обострения язвенной болезни двенадцатиперстной кишки. (При этом зав. гастроэнтерологическим отделением Березкин подписал справку, согласно которой А. Шевченко выписан из больницы за употребление спиртных напитков.) А. Шевченко отвезли домой и провели там обыск; обыск длился с 12 до 24 часов. Затем его доставили в КГБ УССР, где Петрунь допросил его; допрос продолжался до 1 часа 55 мин.; запроколирован он не был. После этого Шевченко вручили постановление об аресте. Его поместили в одиночную камеру.

Последовала серия ежедневных продолжительных допросов. Следователь капитан Н.И. Бойцов вел себя очень грубо. Несмотря на большое сердце и боли в желудке, медицинской помощи Шевченко не оказывали.

3 апреля, когда Шевченко вели с допроса, его внезапно втолкнули в камеру 1.5 x 0.6 без окон. Когда прапорщик вывел его из этого "мешка", он объяснил: "Это – чтоб вы подумали".

5 апреля в конце допроса у Шевченко случился сердечный приступ; он потерял сознание. Приехала "Скорая помощь": уколы в вену, нитроглицерин, запретили двигаться; диагноз – приступ стенокардии.

Шевченко подал заявление с просьбой допрашивать его в постели (его утомляло даже движение руки от миски ко рту). Тем не менее с 8 апреля его вновь начали водить на 3 этаж на допросы. В переводе из одиночной камеры и в диете ему тоже отказали.

10 апреля Шевченко в заявлении в прокуратуру УССР пожаловался на грубые методы следствия. Заявление вернул ему Бойцов: "Смотри-те! Посеешь ветер – пожнешь бурю!"

После этого Шевченко стал давать показания и подписывать предложенные Бойцовым формулировки ответов.

* * *

Зал суда был полупустым. Жен подсудимых и брата Хмары пустили в зал после того, как они были допрошены в качестве свидетелей (на четвертый и на пятый день). Приехавший 22 декабря (суд начался 15 декабря) родственник В. Шевченко был допущен в зал. Больше никого, кто пытался бы пройти в зал суда, не было.

По ст. 62 Хмаре инкриминировалось

– составление №№ 6-9 и передача на Запад №№ 6-8 "Украинского вестника" (все номера выходили до 1975 г.);

– авторство статьи "Геноцид украинцев в СССР", помещенной в одном из выпусков "Украинского вестника" и переданной радиостанцией "Свобода";

– ведение разговоров "с целью подрыва советской власти".

Свидетель Гнатышак показал, что в 1979 г. он слышал в бильярдной, как Хмара вел с кем-то (с кем конкретно, он не помнил) "антисоветский разговор".

Адвокат Степаненко заявил, что бильярдная настолько мала, что такой разговор не могли не слышать сотрудники Хмары по работе, находившиеся в бильярдной, однако ни один из них не показал в суде, что

слышал такой разговор. Тем не менее, этот эпизод вошел в приговор.

По ст. 150 Хмара обвинялся в получении незаконным путем 950 рублей (за 5 или 6 лет) : работая зубным техником в поликлинике, он делал зубы из золота, приносимого пациентами, и брал за это по 10-15 рублей.

По ст. 62 Виталию Шевченко инкриминировалось

- хранение и распространение "Украинского вестника";
- авторство работы "Чехословацкая политика глазами украинца";
- "антисоветские по содержанию" пометки на полях двух изъятых у него томов Ленина;

– хранение и распространение самиздатских книг и статей А. Амальрика, И. Дзюбы, В. Мороза и В. Черновола, "Малой истории Украины" Грушевского и рукописного дневника узника сталинских лагерей Сануса.

В. Шевченко обвинялся также в устной "антисоветской пропаганде", которую он вел в конце 50-х годов на Сахалине (отсюда – ст. 70 УК РСФСР) и в Киеве (ст. 62 УК УССР).

Свидетели – партработники г. Невельска (Сахалин) Беспалов и Воронежский, сотрудники РАТАУ Гнатенко и Еременко, инженеры киевских заводов Матвиенко и Трояк. "Антисоветская агитация" заключалась в том, что В. Шевченко говорил о плохом сохранении памятников культуры (церквей), о том, что сельское хозяйство зашло в тупик, об издержках экономической политики, об искусственном голоде 30-х годов, о насильственной коллективизации.

Ученый секретарь его последнего места работы на вопрос суда "Неужели подсудимый не вел на работе антисоветские разговоры?" ответил: "Мы его боялись, ведь он – член партии и офицер КГБ, и разговоры с ним не вели".

Александр Шевченко обвинялся в том, что

– "с конца 1960-х до апреля 1980 года с целью подрыва и ослабления Советской власти изготовлял, сохранял и распространял документы антисоветского содержания" (А. Шевченко на суде сказал: "Я никогда в жизни ни на словах, ни на деле не имел цели подрыва и ослабления Советской власти. Я никогда в жизни не изготовлял антисоветских документов, не написал ни одной антисоветской строчки. Последний акт размножения антисоветского документа совершен мною в 1975 году".);

– стихи А. Лупиноса (Хр. 57) и биографическую справку о нем "передал с целью массового распространения подсудимому Хмаре для использования в антисоветском сборнике так называемом "Украинском вестнике". Подсудимый Хмара сначала поместил эти антисоветские документы в так называемом "Украинском вестнике" № 7, а потом перенес в № 9". (А. Шевченко на суде показал, что получил стихи Лупиноса в 1971 г. в парке им. Шевченко от незнакомых девушек и в момент получения не знал, кто такой Лупинос и что его стихи антисоветского содержания. В 1973 г. он по просьбе Хмары отдал ему эти стихи, но между ними не было речи ни о их массовом распространении, ни об их использовании в "Украинском вестнике". Из № 7 Хмара снял стихи Лупиноса по требованию А. Шевченко. "Это требование я поставил, во-первых, по-

тому, что между нами не было договоренности об их использовании в "Вестнике", и, во-вторых, я не одобрил антисоветский курс изготовленного Хмарой "Вестника". С "Вестником" № 9 Хмара меня не ознакомил, поскольку не нашел у меня ожидаемой поддержки в этой его деятельности. Стихи Лупиноса с биографической справкой Хмара поместил в "Вестнике" № 9 без моего ведома, вопреки моему требованию". Василий Соловей и его жена Галина, у которых на обыске был изъят пакет с материалами "Украинского вестника", и Виктор Могильный – в Хр. 56 его фамилия названа неверно – подтвердили передачу стихов Лупиноса и биографической справки.);

– "дал согласие подсудимому Хмаре поставлять ему материалы и информацию с целью использования при изготовлении "Украинского вестника";

– "в 1973 г. передал... Хмаре информацию об увольнении отдельных сотрудников редакции "Робитничей газеты" и о производственном совещании представителей институтов и академических изданий АН УССР" (Хмара и А. Шевченко на суде показали, что А. Шевченко рассказал Хмаре об этих фактах летом 1973 г. – до того, как ему стало известно, что Хмара составляет "Украинский вестник"; это он узнал осенью 1973 г.);

– летом 1974 г. "распространил" экземпляр журнала "Украинский вестник" Могильному;

– в начале 1975 г. получил от Хмары "две фотоленки с целью изготовления фотокопий и размножения" "Украинского вестника";

– в первом полугодии 1975 г. "распространил" "Украинский вестник" В. Шевченко (А. Шевченко сказал, что он передал В. Шевченко "Украинский вестник", чтобы его забрал Хмара, когда приедет в Киев.);

– летом 1975 г. передал Хмаре несколько фотоснимков могил стрелцов "так называемой "Украинской Галицкой Армии", похороненных на Яновском кладбище г. Львова, которые Шевченко А.Е. сам сфотографировал";

– "в период с 1970 г. до 1977 г. ... проводил антисоветскую пропаганду, распространяя в устной форме клеветнические измышления, порочащие..." (А. Шевченко подтвердил, что в первой половине 70-х годов употреблял антисоветские высказывания в разговорах с пятью "лицами, которые в то время придерживались идейно шатких позиций – подсудимыми Хмарой и В. Шевченко и свидетелями Михайлецом, Трояком и Баланюком. Мои антисоветские высказывания вытекали из идейной поддержки позиции И. Дзюбы, автора трактата "Интернационализм или русификация". Скажу также, что трое свидетелей находились со мной в разорванных отношениях, а двое из них – и во враждебных. Зато из десятков людей, с которыми я сталкивался в быту, из сотен людей – авторов, ученых Киева и других городов и республик СССР, с которыми сотрудничал как руководитель редакции известного научного журнала, не нашлось человека, который слышал бы от меня идеологически шаткие высказывания. Это свидетельствует, что я не имел цели проводить антисоветскую пропаганду. Было бы, как мне кажется, неправильным брать к сведению воззрения нескольких моих врагов, с которыми я не встре-

чался уже 5 лет, и не брать во внимание свидетельства моих сослуживцев, профсоюзной организации, дирекции и сотен авторов");

– в сентябре 1975 г. передал Хмаре "документы так называемого самиздата" (Речь идет о частном письме, в котором А. Шевченко затрагивал проблемы своей личной жизни, и о трехстраничной статье о кобзарском искусстве на Украине. В. Шевченко показал, что эту статью А. Шевченко взял у него в 1969 г. и что она не была "самиздатом": ее написал музыковед для советской прессы, но она не была напечатана. А. Шевченко показал, что передача им Хмаре этой статьи была "протестом против антисоветского курса изготовленного им "Вестника" № 7. Кроме того, с осени 1973 г., когда Хмара сообщил мне, что изготавливает "Вестник", и попросил передавать, если попадет в руки что-нибудь по национальным проблемам, я ему не передал ни одного материала. Летом 1975 г. в Киеве Хмара упрекал меня в этом; давая ему эту статью, я понимал, что это будет своего рода откупом");

– в конце 1976 г. "в г. Киеве получил от Светличной Н. (в 1978 г. уехала из СССР – Хр. 51) документы антисоветского, клеветнического содержания: "Открытое письмо Вальтеру Хайновскому" В. Марченко (Хр. 42 – Хр.), "Письмо матери" Б. Шахвердяна, машинописный текст, начинающийся словами "Этот случай рассказывают в нашей", "Открытое письмо Ивану Дзюбе" Н. Мотрюка, "Открытое письмо Ивану Дзюбе" за подписью В. Стуса и "Похороны друга" И. Калинца. Эти документы подсудимый сохранял... "в своей квартире до марта 1980 г. В конце 1976 г. подсудимый Шевченко А.Е. распространил эти документы, ознакомив с их содержанием подсудимого Шевченко В.Н. в г. Киеве возле оперного театра". (А. Шевченко на суде объяснял, что "документы остались позабытыми, и судить меня за этот факт – это значит судить за то, что я уберег эти документы от распространения среди своего окружения; за то, что я скрыл их наличие у себя и не передал Украинской хельсинкской группе и Московской хельсинкской группе; за то, что я отклонил предложение Ю. Мнюха (уехал из СССР в 1977 г. – Хр. 46) передать эти документы западным корреспондентам в Москве");

– в начале 1977 г. "установил контакт с жительницей Киева Мешко О.Я. ..., имея намерение принять личное участие во враждебной деятельности" Украинской группы "Хельсинки" (А. Шевченко на суде сказал, что "не я установил контакт с Мешко..., а сама Мешко пригласила меня к себе домой и спросила, не желаю ли я войти в Хельсинкскую группу. Я сказал, что вначале должен узнать цели этой группы и характер ее деятельности. Поняв, что деятельность так называемой Украинской хельсинкской группы носит антисоветский характер, я сразу оборвал контакт");

– "Декларация" Украинской группы "Хельсинки" и "Меморандум № 1" (Хр. 43 – Хр.) "с помощью подсудимого Шевченко А.Е. были переведены Могильным В.Н. и экземпляры этих документов подсудимый Шевченко А.Е. сохранял у себя на квартире, а в первом полугодии 1977 г. уничтожил. Оригиналы этих документов подсудимый Шевченко А.Е. в этот период передал Мешко О.Я.";

– хранил "антисоветское стихотворение" Могильного "Лякано нас Сталиным" (А. Шевченко показал, что это стихотворение автор подарил ему в конце 1976 г. и он никого с ним не знакомил.).

Трояк показал, что найденный у него на обыске номер "Украинского вестника" он получил от В. Шевченко, а работу Дзюбы "Интернационализм или русификация" – от Хмары. Он также показал, что А. Шевченко в разговорах с ним "вел антисоветскую агитацию и пропаганду" и втягивал его "в это дело".

Баланюк (учитель украинского языка из Винницы, познакомился с Александром Шевченко у букинистического магазина в Киеве в 1975 г., последний раз они встречались в 1976 г.) показал, что А. Шевченко высказывал "националистические и шовинистические взгляды". На вопрос А. Шевченко, что такое национализм и шовинизм, Баланюк ответить затруднился. Вопрос А. Шевченко о том, зачем в 1975 г., еще до их знакомства, Баланюка вызывали в КГБ, был снят судьей.

Будный (шофер из Львова) показал, что пленку с переснятым № 9 "Украинского вестника" ему дал Наконечный. Что было на пленке, Будный не знал.

Наконечный (продавец художественных изделий из Львова) показал, что А. Шевченко "насилно" давал ему читать работы Дзюбы, а также передал ему через Людмилу Николаевну Романюк пакет для передачи Хмаре.

Могильный показал, что А. Шевченко и он получили от Оксаны Мешко "Меморандум № 1", который Могильный перевел, а А. Шевченко отредактировал, после чего А. Шевченко повез его в Москву П. Григоренко.

Михайлец показал, что А. Шевченко выступал за отделение Украины от СССР, вел антисоветскую пропаганду, приносил ему на сохранение антисоветские документы, не признавал советских праздников, не ходил на демонстрации и хотел "использовать" его, Михайлеца "в своих целях".

Лидия Шевченко показала, что Михайлец прислал ей анонимное письмо, в котором сообщил, что муж ей изменяет. Это письмо А. Шевченко отснял на фотопленку, которая была изъята у него и фигурировала в материалах дела. Лидия Шевченко показала, что Михайлец домогался ее, шантажируя тем, что "погубит" ее мужа.

Суд снял показания Михайлеца как предвзятые.

Прокурор потребовал для Хмары 7 лет лагерей строгого режима, 5 лет ссылки и конфискации имущества (по ст. 150), для В. Шевченко и А. Шевченко – 6 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки.

Адвокаты, не оспаривая существа обвинения, обращали внимание суда на смягчающие обстоятельства. Так, Липкус отметил хорошую характеристику с места работы А. Шевченко и его "трудное семейное положение", что, по его мнению, способствовало занятию "антисоветской деятельностью".

В последнем слове Хмара сказал, что пытался бороться за справедливость легальным путем, но это оказалось невозможным. Тогда он стал на путь нелегальной борьбы, но в 1975 г. понял, что и этот путь – непра-

вильный и бесполезный и с тех пор ничем не занимался. Кроме того, он отрицал приписываемое ему участие в разговоре в бильярдной.

В. Шевченко сказал в последнем слове, что наказывают не его: он честно работал на свободе и честно будет работать в лагере — наказывают троих его детей.

Из последнего слова А. Шевченко:

Последнее слово — это тот драматический момент, когда, положив руку на сердце, нужно говорить от *своей* души и давать искреннюю оценку *своим* поступкам перед судом. Поэтому я не буду нарушать этот порядок, не буду подменять *своего* последнего слова зачитыванием проекта совместного заявления для прессы, как я это намеревался сделать раньше.

Мы надеемся, что нам дадут возможность собраться вместе в присутствии представителя Комитета госбезопасности и доработать совместное заявление для прессы, в котором мы осудили бы свою прошлую антисоветскую деятельность и тем самым в какой-то степени обезвредили бы ее последствия. Все мы, однако, понимаем, что этот вопрос будет решаться не судом и не сегодня.

Я коснусь одного эпизода моего дела, относительно которого я не успел дать мотивировку на судебном заседании.

Да, я действительно, по собственной инициативе, до 1977 г. собирал добровольные пожертвования для бедных детей из семей осужденных по ст. 62 УК УССР и делал такие пожертвования сам. Может возникнуть вопрос: почему я помогал детям именно из таких семей?

Я помогал бы и другим детям. Дети не отвечают за поступки родителей. Они невинные от природы. Но среди известных мне в Киеве людей не было бандитов, преступников и хулиганов. За исключением "свидетеля" Трояка, который сидел в тюрьме пять лет за то, что избил милиционера, а теперь рядится в тогу общественного обвинителя!

...

Отмечу кстати, что своим детям Ярославе Шевченко и Мечиславе Шевченко — я оставил сберегательную книжку на сумму один рубль.

Я уже объяснял суду, что в последние три года перед арестом я не совершил ни одного активного враждебного действия и наоборот занимался активной общественной деятельностью на партийных позициях. Документы лагерной почты, полученные мной в конце 1976 г. от Надежды Светличной, хранились у меня не с целью использования в антисоветской пропаганде, и по этому поводу я уже давал подробные объяснения. Поэтому мои противозаконные действия прошлых лет встают передо мной, как "дела давно минувших дней, преданья старины глубокой".

...

Так или иначе, факт неоспоримый: я совершил в 70-е годы ряд противозаконных действий, которые заключаются в хранении и рас-

пространении антисоветских документов в устной и письменной форме, в моей причастности к распространению антисоветского пасквиля "Украинский вестник". Я этот факт признаю, искренне в этом раскаиваюсь, решительно осуждаю эти свои действия и целиком согласен с суровой оценкой этих действий, данной государственным обвинителем.

Вместе с тем я утверждал и утверждаю, что никогда – ни на словах, ни на деле – я не имел цели подрывать или ослаблять советскую власть. И если я причинил вред советской власти – а это, наверное, так и есть – то я это сделал несознательно, не преднамеренно и глубоко жалею об этом. Для меня действовать против советской власти означало бы то же самое, что поднять руку на родного отца, который защищал советскую власть на передовых фронтах трех войн – гражданской, финской и Великой Отечественной.

...

Суд приговорил Хмару к тому, что потребовал прокурор, В. Шевченко "учитывая личность обвиняемого" – к 7 годам лагерей строгого режима и 4 годам ссылки, А. Шевченко – к 5 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки.

(Первый обыск по этому делу был 19 марта у Будного, затем 29 марта – у Наконечного и 31 марта – у Хмары, В. Шевченко, А. Шевченко, Соловья и Могильного.)

Арест Мешко

25 августа О.Я. Мешко выпустили из психбольницы (Хр. 57).

14 октября Мешко снова арестовали. Ей предъявлено обвинение по ст. 62 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР). Ей разрешают передавать в следственный изолятор КГБ сердечные лекарства, мед, орехи. Недавно она перенесла экссудативный плеврит.

* * *

В октябре по делу О. Мешко (дело № 13) были проведены обыски у жены Василия Лисового (Хр. 57) Веры Лисовой и жены Николая Горбала (Хр. 56) Анны Марченко (она – тетка политссыльного Валерия Марченко – Хр. 57). У А. Марченко забрали на обыске 5000 рублей.

21 октября и 1 ноября А. Марченко допрашивал в Киевском УКГБ капитан Береза. Ее спрашивали о знакомстве с Мешко, вела ли Мешко с ней антисоветские разговоры, передавала ли ей что-нибудь. Кончили угрозами: арестуем, а ребенка воспитаем советским человеком.

В ноябре Любовь Козельскую (несколько лет добивается выезда в любую из западных стран) увезли с работы в Киевское УКГБ. Там ее уговаривали отказаться от намерения уехать, расспрашивали об А. Марченко.

2 декабря А. Марченко вернули деньги, изъятые на обыске (она послала жалобу прокурору). Сотрудники КГБ проводили ее до сберкассы, чтобы она при них положила деньги на сберкнижку.

Мешко — одна из основателей и последний, фактически, член Украинской группы "Хельсинки" (Хр. 43).

Арест Владимира Сичко

4 декабря 1979 г. Львовский областной суд осудил Петра Сичко и его сына Василия (Хр. 55).

17 декабря 1979 г. младший сын Петра студент 3 курса механико-математического факультета Киевского университета Владимир Сичко (1960 г.р.), получив разрешение военной кафедры, на 1 день поехал во Львов попрощаться с отцом и братом.

После этого его не допустили к сессии, а в марте 1980 г. декан Завало подписал приказ об отчислении Владимира из университета "за неуспеваемость" (Хр. 56). Узнав об этом, возмущившиеся однокурсники Владимира послали телеграмму Брежневу, однако почта передала эту телеграмму в деканат. Завало сказал студентам, что Владимира Сичко исключили не за неуспеваемость, а за то, что его отец и брат — националисты и сидят в тюрьме.

Владимир Сичко поступил на шоферские курсы, но его и тут не допустили к сдаче экзаменов.

21 сентября Владимир Сичко, протестуя против учиненного над ним беззакония, отказался от советского гражданства и от службы в Советской Армии. В заявлении об этом он просил выпустить его в США для получения там высшего образования.

6 декабря прокуратура Долинского р-на Ивано-Франковской обл. арестовала Владимира Сичко по ст. 72 УК УССР ("Уклонение от очередного призыва на действительную военную службу").

Аресты Зинченко и Алтуняна

22 августа в Харькове прошли обыски у Г. Алтуняна, Е. Анцупова, Ю. Дзюбы, А. Здороваго и А. Зинченко (Хр. 57).

После обыска Анатолия Зинченко арестовали.

10 сентября сотрудники Харьковского УКГБ провели обыск по его делу у врача-консультанта Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Анатолия Корягина.

22 сентября следователь Московского УКГБ И.Я. Зотов допросил по делу Зинченко старого отказника М.З. Новикова. Хотя Новиков сказал, что он с Зинченко не знаком, Зотов задал запланированные вопросы.

24 сентября по делу Зинченко допросили Анцупова (Хр. 57). Анцупов согласился с предположением следователя, что копия его, Анцупова, письма академику Гвишиани, изъятая на обыске у А. Романовой (за несколько дней до этого ее обыскали в Харькове на вокзале), могла быть передана последней Алтуняном. (12 декабря в заявлениях проку-

рору Харьковской обл. и начальнику Харьковского УКГБ Анцупов отказался от этой части своих показаний.) Анцупов заявил, что распространял и будет распространять свое письмо как можно шире, в том числе — за границей.

Осенью Анцупова еще несколько раз допрашивали по делу Зинченко. Он отказывался давать показания, хотя ему предъявили обширные показания Зинченко против него.

16 декабря сотрудники КГБ арестовали Генриха Алтуяна (Хр. 57). На обыске при аресте были изъяты пленки с записями Высоцкого и Окуджавы.

В тот же день майор В.А. Сидельник провел обыск у бывшего политзаключенного Владислава Недоборы (Хр. 13).

Р а з н о е

9 декабря народный суд Московского р-на Киева приговорил жену Юрия Бадзьо (суд — Хр. 55) Светлану Кириченко (Хр. 54) за отказ от дачи показаний на суде над Стусом (Хр. 58) к 3 месяцам исправительных работ с вычетом 20% зарплаты. До суда Кириченко не работала. Сейчас она, филолог по образованию, работает на картонажной фабрике.

* * *

Жену Стуса Валентину Попелюх предупредили, что придут описывать имущество в счет судебных издержек (2300 рублей).

* * *

В декабре суд признал Анну Михайленко (арест — Хр. 56) невменяемой и направил ее на принудительное лечение в психбольницу общего типа. Ее отправили в Харьков.

СОБЫТИЯ В ЭСТОНИИ

Юри Кукк (арест — Хр. 56) в течение пяти месяцев находился на психиатрической экспертизе в Таллине и в Москве. 17 июля, находясь в Таллинской тюрьме, он объявил голодовку, которую держал в течение семнадцати дней.

23 августа в Таллинской тюрьме объявил бессрочную голодовку Март Никлус (Хр. 57).

В декабре родственники Кукка и Никлуса обратились в Международный Красный Крест с открытым письмом, в котором призывают оказать помощь, "чтобы спасти жизни двух политзаключенных — эстонцев М. Никлуса и Ю. Кукка". В письме указано, что "состояние их здоровья угрожает жизни из-за антисанитарных условий, постоянного психологического давления на них, голодовок протеста и недостаточной медицинской помощи".

В Таллине по делу Никлуса провели обыски у Хуберта Якобса (Хр. 53, 56), Энгеля Ратаса (Хр. 54), Юри Адамса и Рейн Наржакене.

20 октября в Пярну арестовали Тийта Мадиссона (Хр. 57) и Вельо Калепа.

4 декабря в Тарту арестовали Виктора Нийтсоо (Хр. 53, 54, 56).

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ

В основном – по материалам "Хроники ЛКЦ" № 46 (25 декабря 1980 г.).

Суд над Янулисом и Бузасом

С 24 по 26 ноября выездная сессия Верховного суда Литовской ССР рассматривала в г. Кайшядорисе дело Повиласа Бузаса (арестован 30 января – Хр. 56) и Анастасиса Янулиса (арестован 29 января – Хр. 56), обвинявшихся по ст. 68 УК Лит. ССР (= ст. 70 УК РСФСР). Обвинитель – ст. помощник прокурора Лит. ССР Ю. Бакученис (Хр. 50, 51, 54).

Оба подсудимых – пенсионеры. Они обвинялись в размножении и распространении "Хроники ЛКЦ", "Аушры", "Рупинтоелис" и "Лиетувос архивас"; Бузас, кроме того, – в организации типографии.

В зал суда, кроме "спецпублики", пустили только сестру Бузаса.

Бузас объяснил, что взялся за размножение подпольной литературы его толкнуло ущемление прав верующих: уничтожения крестов, обязательный труд в религиозные праздники, нехватка религиозной литературы, преследования верующих-учащихся в школах. Он заявил, что "Хроника ЛКЦ" пишет правду, но некоторые политические вопросы бывают заострены. Бузас признал себя виновным.

Янулис виновным себя не признал, отказался отвечать, от кого получал и кому передавал нелегальную литературу, так как это несовместимо с его христианской совестью. По его мнению, распространявшиеся им издания писали только правду, не были клеветническими, и поэтому преступления он не совершал. На вопрос судьи, чем думает заняться в будущем, Янулис ответил, что, отбыв полученный срок, он опять будет вести борьбу; может быть, другим способом, но все же будет бороться, если только позволит здоровье. Он утверждал, что "Хроника ЛКЦ" помогает бороться против преследований верующих, поэтому она очень нужна. У католиков Литвы – это единственное средство самозащиты.

Прокурор потребовал для Янулиса максимального наказания – 7 лет лагерей и 5 лет ссылки, для Бузаса – 3 года лагерей и 2 года ссылки.

В последнем слове Янулис утверждал, что в "подпольной литературе" публикуется не клевета, а проверенные факты. Он привел много лично ему известных фактов преследования верующих, актов вандализма, против которых выступает "Хроника ЛКЦ". Это и заставило его заняться тяжелым делом – распространением "подпольной литературы". Закончил он словами Игнатия Лойолы: "Давать и не считать, бороться и не

смотреть на ранения, трудиться и не искать отдыха, жертвовать собою и не ждать вознаграждения; вознаграждением пусть будет полное выполнение Твоей Святой Божественной воли”.

Бузас в последнем слове сказал, что в настоящее время в Литве нет свободы веры и печати. Он просил снисхождения.

Суд приговорил Янулиса к 3,5 годам и Бузаса – к 1,5 годам лагерей строгого режима.

Суд над Навицкайте и Виткаускайте

24 и 25 ноября Верховный суд Литовской ССР под председательством Репши рассматривал дело Геновайте Навицкайте (1947 г.р.; арестована 17 апреля – Хр. 56) и Оны Виткаускайте (1935 г.р.; арестована 18 апреля), обвинявшихся по ст. 199-1 УК Лит. ССР (= ст. 190-1 УК РСФСР). Обвинитель – прокурор Кириенко, от защитников подсудимые отказались.

О предстоящем суде не было сообщено даже ближайшим родственникам. Узнали о нем от вызываемых в суд свидетелей. Кроме “спецпублички”, в зал пустили только ближайших родственников. Броне Виткаускайте, сестру подсудимой, не отпустили с работы.

Подсудимые обвинялись в размножении и распространении “Хроники ЛКЦ”. Они не отрицали этого, но виновными себя не признали, поскольку считают “Хронику ЛКЦ” не клеветническим, а правозащитным изданием.

Все свидетели о подсудимых говорили только положительно.

Прокурор просил для Навицкайте – 2,5, для Виткаускайте – 2 года лагерей.

В приговоре сказано: “Суд полностью доказал виновность, но, учитывая хорошие характеристики с мест работы, наказание смягчить”.

Навицкайте получила 2 года, Виткаускайте – 1,5 года лагерей общего режима.

После оглашения приговора находящиеся в зале свидетели и родственники передали осужденным цветы.

* * *

В лагере (г. Паневежис, учр. ОЧ-12/5) обе работают в швейном цехе.

* * *

1 декабря священник Зенонас Навицкас, брат Геновайте, обратился к судье Репше:

Вы, судья, осудив двух невинных женщин, посмеявшись защищать права верующих, внесли свою лепту в дело разрушения морали нашего народа.

...

Если Вы не боитесь суда Божьего, то не забывайте про суд народный и суд истории.

* * *

Католический комитет защиты прав верующих выпустил Документ № 41, в котором указывается на нарушение норм советского права в ходе судов над Янулисом и Бузасом, Навицкайте и Виткаускайте. В заключение сделан вывод:

Верховный суд осудил совершенно невиновных людей и еще раз продемонстрировал, что советская власть не в силах бороться с Католической Церковью идеологическими средствами.

Суд над Абрутисом

27 и 28 ноября Верховный суд Литовской ССР рассматривал дело Витаутаса Абрутиса (1952 г.р.; арестован 20 мая – Хр. 57), обвинявшегося по ст. 199-1 УК Лит. ССР (=ст. 190-1 УК РСФСР).

Приговор – 2,5 года лагерей общего режима.

Суд над Скуодисом, Ешмантасом и Печелюнасом

С 15 по 22 декабря Верховный суд Литовской ССР под председательством Игнотаса рассматривал дело Витаутаса Скуодиса (1929 г.р.; арестован 9 января – Хр.56), Гинтаутаса Ешмантаса (1930 г.р.; арестован 30 января – Хр. 57) и Повиласа Печелюнаса (1926 г.р.; арест – Хр. 56), обвинявшихся по ст. 68 УК Лит. ССР (= ст. 70 УК РСФСР). Обвинитель – Бакученис, от защитников подсудимые отказались.

Скуодис дал отвод суду, мотивировав его тем, что судьи, будучи членами компартии, не могут быть в данном деле объективными. Отвод был отклонен.

Ешмантас просил не приглашать на суд как свидетеля его сына – не заставлять сына давать показания против отца. Ходатайство было отклонено.

Скуодису инкриминировалось написание и размножение книги "Духовный геноцид в Литве" (Хр. 55, 56), издание и распространение журнала "Перспективос", участие в издании журнала "Альма Матер", заявление президенту Картеру и государствам, подписавшим Хельсинкский акт (Хр. 56).

Ешмантас обвинялся в написании стихов и статей антисоветского содержания; большая часть их помещена в "Перспективос".

Печелюнасу инкриминировалось написание нескольких статей, в которых он "клеветал на советский строй"; в одной из них он одобрял самосожжение Каланты (Хр. 26, 27). Эти статьи он печатал на машинке, найденной у его невесты Кершюте (Хр. 55-57); они опубликованы в "Перспективос". Печелюнасу инкриминировалось также редактирование журнала "Альма Матер".

Обвиняемые не признали себя виновными. Они отказались давать объяснения по инкриминируемым им фактам, так как считают, что печать имеет право быть свободной.

Скуодис сказал, что его книга "Духовный геноцид в Литве" – не пропаганда, а научный труд, к тому же еще не оконченный. Она написана, в основном, по материалам, опубликованным в советской прессе.

Ешмантас заявил, что следователи Урбонас и Каджис его показания на предварительном следствии записали неправильно, поэтому он от них отказывается.

Печелюнас признал, что является автором вводной статьи к "Альма Матер". Он сказал, что самиздатскую литературу находил в почтовом ящике и хранил только для себя, перепечатывал он ее не с целью размножения, а чтобы приобрести навык печатания на машинке.

Прокурор просил для Скуодиса 6 лет лагерей и 5 лет ссылки, для Ешмантаса – 4 и 5, для Печелюнаса, учитывая тяжелое состояние его здоровья, – 3 и 5.

В защитительной речи, продолжавшейся 6 часов, Скуодис сказал, что не совершил преступления перед государством. Его конфликт – конфликт с компартией, ставящей себя выше государства. Не считая себя гражданином СССР, он 1 октября написал заявление, в котором просил, чтобы его защищал адвокат из США. Эта просьба осталась без ответа. Скуодис подчеркнул, что ему не была предоставлена возможность консультироваться у адвоката; после вручения ему обвинительного заключения у него отобрали основные материалы, предназначенные для защиты, а 11 декабря отобрали черновик защитительной речи. Он отметил, что выдвигание экономических и политических вопросов не может рассматриваться как преступление – Конституция СССР дает каждому гражданину право критиковать и предлагать. Скуодис потребовал своего освобождения.

В последнем слове, продолжавшемся 2 часа, Скуодис заявил, что обвинение его в буржуазном национализме является клеветническим. Он отметил разницу между патриотизмом и национализмом. Затем Скуодис рассказал о своей работе в Комитете защиты природы. Полемизируя с прокурором, утверждавшим, что взгляды подсудимого сформировались под влиянием зарубежных радиопередач, Скуодис изложил исторические события и некоторые факты своей биографии, которые определили его мировоззрение. Он сказал, что именно глубокое изучение философии возвратило его в лоно Католической церкви. Скуодис ходатайствовал о приобщении к делу его письма Брежневу, изъятого КГБ во время обыска. В письме изложены его взгляды и то, как он очутился в данном положении (ходатайство было отклонено). Во всей "нелегальной литературе" выдвигаются идеи об улучшении общественного положения, – сказал Скуодис, – она критикует, но не стремится подрывать основы строя.

Ешмантас в защитительной речи сказал, что выдвинутые против него обвинения не доказаны. Он заявил, что за убеждения судить не должны.

Его последним словом, – сказал Ешмантас, – следует считать его со-

чинение "Мысли на полях". Он прочел свои стихи, обращенные к друзьям.

В защитительной речи Печелюнас отметил несостоятельность и недоказанность обвинения и недоказанность авторства найденных у него статей. Он потребовал оправдательного приговора.

В последнем слове Печелюнас упомянул о тяжелом состоянии своего здоровья; но, — сказал он, — что бы ни случилось, я готов терпеливо нести свою ношу.

Суд приговорил Скуодиса к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки, Ешмантаса, соответственно, к 6 и 5 годам, Печелюнаса — к 3 и 5 годам.

* * *

Сотрудники КГБ фотографировали друзей подсудимых, дежуривших в вестибюле суда. Заметив сосредоточенное лицо, они требовали: "Прекратите молиться! Молиться нельзя! По лицу вижу, что молитесь!"

Во время судебного процесса свидетель Кершоте вручила подсудимым по цветку, после чего получила 7 суток ареста.

Суд над Станелите

16 декабря выездная сессия Верховного суда Литовской ССР рассмотрела в г. Кельме дело Ядвиги Станелите (1933 г.р.; арестована 11 июля — Хр. 57), обвинявшейся по ст. 199-3 УК Лит. ССР ("Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок").

В зал, кроме "спецпублики", пустили сестру подсудимой и члена Литовской группы "Хельсинки" М. Юрвичюса (Хр. 56).

Свидетели (председатель сельсовета и автоинспектор) показали, что 26 августа 1979 г. Станелите руководила шествием паломников из Тигувеная в Шилуву и тем помешала движению транспорта.

Водитель пассажирского автобуса из Паневежиса Чершка сообщил, что шествие движения не задержало, а задержала его автоинспекция, тщательно и долго проверявшая все машины. Тем не менее, его автобус в пункт назначения прибыл вовремя.

Станелите объяснила, что шествие она организовала потому, что ей дороги старые традиции народа. На обвинение, что это шествие оскорбило чувства неверующих, она ответила, что атеисты часто оскорбляют чувства верующих через телепередачи, радио, литературу и др., но за это их не судят.

В последнем слове Станелите сказала, что свобода дорога ей, но вера дороже.

Суд приговорил Станелите к 3 годам лагерей общего режима..

Машина, на которой увозили осужденную из суда, была засыпана цветами.

Р а з н о е

24 августа жителю Паневежиса А. Пракайтису, направлявшемуся на своей машине в Шилуву, было приказано пересесть в милицейскую машину. Он отказался, после чего его пересадили насильно. При этом его избили (врач на три дня освободил его от работы). После допроса его отпустили. 3 сентября суд оштрафовал его "за неподчинение милиции".

* * *

14 октября в Каунасе провели обыск у Ады Урбонайте. Изъяли 5 мешков литературы. После обыска Урбонайте допросили.

* * *

22 октября член Литовской группы "Хельсинки" св. Б. Лауринавичюс отправил прокурору Литовской ССР заявление по поводу статьи в газете "Тиеса" от 27 сентября; в этой статье, написал он, много завдомой лжи в его адрес.

* * *

25 октября исполнилось 550 лет со дня смерти одного из крупнейших исторических деятелей средневековой Литвы великого князя Витаутаса. В этот день в г. Тракае (в середине века — резиденция великих князей Литовских) собрались желавшие отметить эту годовщину.

Милиция и люди в штатском останавливали машины, следовавшие в Тракай, многих высаживали. Так, помешали прибыть в Тракай членам Католического комитета защиты прав верующих священ. Кейна, Сваринскому и Кауняцкасу, а также священ. Гражулису. Настоятелю Тракайского костела власти рекомендовали запретить в этот день костел, а самому скрыться.

Прибывшие собрались в костеле, построенном Витаутасом в 1409 г. Священник Ялинскас произнес проповедь, в которой рассказал о значении князя Витаутаса. После мессы собравшиеся отправились к замку для продолжения празднования. Однако они туда не смогли попасть, т.к. мост к замку был разобран — "ремонт". Празднование состоялось на берегу озера.

Сотрудниками КГБ был задержан и подвергнут допросу Йонас Саукайтис. У него отобрали магнитофонную кассету.

Священники, принявшие участие в праздновании юбилея, были письменно предупреждены уполномоченным Совета по делам религий Аниленисом о том, что они нарушили "Положение о религиозных объединениях" — без разрешения властей участвовали в богослужении.

В литовских средствах массовой информации 550-летие со дня смерти великого князя Витаутаса не нашло отражения.

Во время суда над Ю. Саснаускасом и А. Терляцкасом (Хр. 58) туда пришла Шакалене. Вскоре от врача Нюнко, которая выдала Шакалене на этот день больничный лист по уходу за ребенком, потребовали его аннулировать. Нюнко отказалась это сделать, после чего вынуждена была уйти с работы. Шакалене – жена Шакалиса (Хр. 57).

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ

Католики в Литве

Вилкавишкис.

18 июля Кялмялене пыталась отправить поздравительную телеграмму члену Католического комитета защиты прав верующих свящ. Белавичусу. Начальник почты потребовал вычеркнуть из текста телеграммы некоторые слова. Особенно его пугало слово "ККЭПВ". На расспросы начальника Кялмялене не отвечала. Убедившись, что телеграмму не отправят, она попросила ее вернуть. Начальник отказался, заявив, что "она еще потребуется".

Каунас.

Верующие направили жалобу прокурору Лит. ССР на действия властей, по приказу которых исключен из семинарии воспитанник Алоизас Вольскис.

В ноябре один из подписавших жалобу Саулос Келпша был вызван в городскую прокуратуру, где ему пояснили:

1. Вольскис не почтил вставанием советский гимн.
2. Вольскис вызывающе вел себя на предварительном следствии по делу Янулиса и дал ложные показания.
3. Вольскис поздравлял реакционных священников.
4. Вольскис организовал в семинарии тайные кружки для собеседований.

За все это руководство семинарии, "посоветовавшись" с уполномоченным Совета по делам религий, исключила Вольскиса из семинарии.

Пренай.

24-29 ноября атеистический кружок 11 средней школы под руководством учительницы Тамошаускене организовал атеистическую неделю. В программе: выставка рисунков учащихся "Атеисты улыбаются", лекция на атеистическую тему и т.п.

21 ноября несколько родителей учащихся потребовали от директора школы Мицка снять рисунки. Директор отказался. 26 ноября 12 верующих учащихся обратились к директору с просьбой прекратить атеистическую неделю или хотя бы устроить выставку в пионерской комнате. Ди-

ректор обещал дать ответ на следующий день. 27 ноября директор, переписав фамилии пришедших учащихся, заявил, что их просьба отклонена. Однако в результате выставка была все-таки устроена в пионерской комнате.

28 ноября два сотрудника КГБ допрашивали в школе учащихся, пытаясь выявить "зачинщиков".

Документы Католического комитета защиты прав верующих

№ 36 (20 октября 1980 г.). Сообщается, что в Комитет вошли 3 новых члена: священники Леонас Калинаускас, Альгимантас Кейна и Вацловас Стакенас.

№ 37 (20 октября 1980 г.). Заявление второму секретарю ЦК КП Литвы в защиту верующего Булаха.

№ 38 (1 ноября 1980 г.). Заявление прокурору Лит. ССР, в котором изложены факты физической расправы со священниками и активными верующими и факты ограблений и осквернений костелов: в 1980 г. избиты свящ. Б. Павиланскас (28 апреля) и А. Битвинскас (12 августа), ранен свящ. В. Ужкурайтис (18 октября), убит свящ. Л. Шапока (10 октября), получил ожоги при совершенном на него нападении член Комитета свящ. Ю. Эдебскис (октябрь); ни в одном из этих случаев преступники обнаружены не были.

№ 39 (1 ноября 1980 г.). В обращении к Мадридской конференции рассказывается о положении католиков в Литве: за послевоенные годы "Новый Завет" и "Псалмы" изданы тиражом 11500 экз., "Катехизис" издавался один раз (в 1979 г.) тиражом 65000 экз.; религиозная литература иностранных издательств изымается даже у ксендзов; имеется одна семинария (3 семинарии закрыты); число священников сократилось с 1500 (до Второй мировой войны) до 735; 122 прихода не имеют настоятеля; за послевоенное время большое количество церквей закрыто и уничтожено, новые церкви строить не разрешено; церковь Св. Казимира превращена в музей атеизма, Кафедральный собор в Вильнюсе – в Картинную галерею, церковь Воскресения в Каунасе – в радиофабрику, Каунасский иезуитский костел – в спортивный зал.

№ 40 (25 ноября 1980 г.). Обращение к Генеральному прокурору СССР об избении католического священника Владислава Завальнюка (Хр. 55), ныне служащего в Латвии, и о помещении его в психбольницу.

№ 41 (1 декабря 1980 г.). О нарушениях законности на процессах Янулиса-Бузаса и Навицкайте-Виткаускайте (см. выше).

№ 42 (22 декабря 1980 г.). Сообщение прокурору Лит. ССР и Председателю ПВС Лит. ССР о том, что Католический комитет удовлетворил просьбу Скуодиса (см. выше) и принял его в члены Комитета.

А д в е н т и с т ы

СУД НАД ЗВЯГИНЫМ

17 ноября Ленинградский городской суд под председательством Малининой слушал дело адвентиста Ильи Соломоновича Звягина (1953 г.р.; арестован 17 июля), обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинитель – зам. прокурора Ленинграда Васильев, защитник – адвокат Будниченко.

Звягин обвинялся в том, что 17 июля он бросал в почтовые ящики жилых домов "Открытое письмо" № 12 ВЦ ВСАСД (Хр. 57) и "Открытое письмо гражданину из Финляндии". Он успел "распространить" 14 экземпляров, еще 157 экземпляров были найдены в его сумке при аресте.

Ни в обвинительном заключении, ни в речи прокурора не было приведено ни одной цитаты из писем.

На суде было допрошено 5 свидетелей. В ходе их допроса выяснилось, что сотрудники КГБ и милиция вскрывали почтовые ящики и изымали из них письма, а затем, позвонив в 5 квартир в разных домах, пригласили жильцов в качестве свидетелей. Лишь один из жильцов успел заглянуть в письмо и что-то прочесть, но и он не смог сколько-нибудь внятно рассказать, что в нем было написано. Остальные видели лишь названия писем.

Звягин подтвердил, что он распространял письма, но сказал, что не видит в них ничего "порочащего". Человека, давшего ему письма для распространения, Звягин не назвал. Он также отказался ответить на вопрос, верующий ли он.

Прокурор потребовал 2 года лагерей, адвокат – наказания, не связанного с лишением свободы.

Приговор – 2 года лагерей общего режима.

На суде присутствовали 6 родственников подсудимого (сначала им сказали, что в зале только 4 свободных места, но потом их пустили всех). Сослуживцы Звягина из Малого Драматического театра (он – рабочий в этом театре) звонили в суд и выясняли, смогут ли присутствовать на процессе их представители. Им ответили, что их не пустят.

Б а п т и с т ы

СУД НАД В. РЫТИКОВЫМ И ВИЛЬЧИНСКОЙ

В августе Львовский областной суд приговорил баптистов Владимира Рытикова (1959 г.р.; арестован 23 августа – Хр. 54) и Галину Вильчинскую (1958 г.р.; арестована 23 августа 1979 г. – Хр. 54) по ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР) к 3 годам лагерей каждого.

Обвиняемые закрывали дело с ворошиловградскими адвокатами Маргуном и Додоновым. 4 августа председателю президиума Ворошиловградской коллегии адвокатов позвонил неизвестный и сказал, чтобы ад-

вокатов во Львов не пускали: "Своих мы придавили, а ваши нам не нужны".

* * *

В. Рътиков отбывает наказание по адресу: 665210, Иркутская область, Тулун, учр. УК-272/8-3; Вильчинская – по адресу: Приморский край, Михайловский р-н. с. Торное, учр. 267/10-2.

АРЕСТ РУМАЧИКА

5 августа в Днепродзержинске арестовали пресвитера ЕХБ Петра Румачика (Хр. 51, 53). Это его пятый арест. Его обвиняют по ст. 138 УК УССР ("Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви"), ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР) и ст. 209 УК УССР ("Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов").

П р а в о с л а в н ы е

Регент Покровского храма г. Киева свящ. Виталий Бойко организовал из верующих молодежный хор. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Киевской области Руденко потребовал от церковной двадцатки, чтобы хор был распущен.

В августе люди в штатском пришли на репетицию и потребовали у певчих паспорта. В течение месяца они приезжали ежедневно и у поднимающихся на хоры требовали паспорта – не имеющих паспорта не пускали.

Администрация храма расторгла с о. Виталием договор.

* * *

В конце ноября помещение украинской Экзархии было оцеплено милицией. Всем находившимся в здании приказали собраться в одной комнате. Им объявили, что происходит розыск чего-то украденного; одновременно было сказано, что в здании Экзархии незаконно проживают монахини. Милиция хотела, без всякого ордера, провести в здании обыск – протест прибывшего архиепископа Макария, викария Киевского, заставил милицию покинуть помещение.

Через некоторое время представителю Экзархии было принесено извинение.

ПРАВО НА ВЫЕЗД

Десятая годовщина приговора "самолетчикам"

24 декабря, в десятую годовщину приговора "самолетчикам" (Хр. 17), в Москве, у Библиотеки им. Ленина должна была состояться молчаливая демонстрация (в заключении остались трое — И. Менделевич, А. Мурженко и Ю. Федоров). На подходе к Библиотеке работниками милиции и лицами в штатском, отказавшимися предъявить удостоверение, 14 человек были задержаны и доставлены в милицию. Там после беседы 9 человек были освобождены, а П. Абрамович (Хр. 43, 44, 47), В. Бродский, В. Кац, Л. Макар-Лиманов и Л. Тесменицкий судьей народного суда Киевского р-на Москвы были арестованы на 10 суток.

По этому поводу 58 человек подписали заявление первому секретарю МГК КПСС Гришину.

В тот же день 60 еврейских активистов направили письмо Брежневу и держали однодневную голодовку протеста.

Москва

В мае 1979 г. чемпион СССР по шахматам 1977 года международный гроссмейстер Борис Гулько и его жена чемпионка СССР по шахматам 1976 года международный мастер Анна Ахшарумова подали на выезд из СССР. 13 ноября 1980 г., не получив никакого ответа, они объявили недельную голодовку протеста и обратились к Мадридскому совещанию и к участникам Всемирной шахматной олимпиады на Мальте с просьбой помочь им покинуть СССР.

* * *

В мае 1979 г. старшего научного сотрудника Института геологии и разработки горючих ископаемых А.П. Бабенышева (Хр. 56) единогласно переизбрали по конкурсу на очередные пять лет. Ударник коммунистического труда, он был награжден значком "Победитель соцсоревнования"; почти весь 1979 г. его фотография висела на доске почета Института. Секретности не имел.

9 октября 1979 г. Бабенышев обратился в дирекцию с просьбой выдать ему справку для предоставления в ОВИР. Справку удалось получить только через месяц, но зато на следующий день зав. Лабораторией применения математических методов В.П. Бухарцев написал на имя директора доклад о досрочной перееаттестации Бабенышева "как не соответствующего занимаемой должности". "Кроме того, — писал Бухарцев, — считаю своим долгом заявить, что совершенный Бабенышевым А.П. антипатриотический поступок несовместим с присужденной ему ранее степенью кандидата геолого-минералогических наук".

19 октября срочно, без объявления в газете, без каких-либо документов, полагающихся при конкурсе, был собран Ученый совет ИГиРГИ.

Говорили только об антипатриотическом намерении Бабенышева покинуть страну. Доктор геолого-минералогических наук Р.А. Хачатрян, выступая от имени партбюро, заявил: "Мы подписали Хельсинкские соглашения, но морально мы против них". Директор Института Н.А. Еременко и его заместитель Н.А. Крылов сказали, что не могут доверять работу человеку, собирающемуся уезжать. Один из сослуживцев Бабенышева, обращаясь к членам Ученого совета, сказал, что он опасается, что когда-нибудь они будут стыдиться своего теперешнего поведения, как стыдятся сегодня участники кампаний преследования генетиков, борьбы с кибернетикой и космополитами. Эти слова были встречены громким смехом собравшихся.

Ученый совет единогласно принял решение о несоответствии Бабенышева занимаемой должности, после чего тот был переведен на работу в той же лаборатории в должности инженера с окладом 115 руб. (вместо 300 по прежней должности). Министерство нефтяной промышленности, которому подведомствен Институт, отказалось пересмотреть решение Совета и директора.

18 декабря 1979 г. Ученый совет ИГиРГИ рассмотрел "письмо видных ученых ИГиРГИ" с протестом против антипатриотического поступка Бабенышева и с предложением лишить его ученой степени (письмо подписали: М.М. Алиев – единственный в Институте академик, Бухарцев – руководитель Бабенышева, Е.А. Барс, М.М. Фейгин и В.М. Рыжик – все трое доктора наук и евреи). После прочтения письма слово было предоставлено Бабенышеву. Он сказал, что директор и члены Ученого совета плохие патриоты: во-первых, потому, что не уважают законов страны, наказывая человека за намерение воспользоваться одним из предоставленных ему прав; во-вторых, компрометируя страну в глазах ее граждан и за рубежом; в-третьих, не проявив элементарной заботы о материальных ценностях – при срочном отстранении от работы и увольнении ни один из руководителей не поинтересовался, в каком состоянии и где находятся алгоритмы и программы, составлявшиеся им в течение шести лет и широко использовавшиеся в работе нескольких лабораторий Института. Никто не побеспокоился о том, что исследования, обошедшиеся государству в 200 тысяч руб., практически уничтожены. "Значит, если бы таким нехорошим человеком оказался кладовщик на овощной базе, "патриоты" должны были бы срочно поморозить его капусту, узнав о его намерении". На это выступление зам. директора ИГиРГИ Алексин возразил: "А что касается Ваших программ, то мы еще лучше сделаем". Ученый совет единогласно решил ходатайствовать перед ВАКом о снятии с Бабенышева ученой степени.

3 декабря 1980 г. последовало решение Коллегии ВАК № 51:

За совершение антипатриотического поступка, несовместимого со званием советского ученого, лишить Бабенышева А.П. в соответствии с п. 102 Положения о присуждении ученых степеней и званий степени кандидата геолого-минералогических наук. Диплом за номером 007879 считать недействительным.

Председатель ВАК В.Г. Кириллов-Угрюмов.

* * *

В начале ноября член группы "Право на эмиграцию" (Хр. 54) Василий Барац послал в ПВС СССР извещение о том, что он начинает выпускать "Листы информации" по вопросам эмиграции, и первые пять выпусков "листов". В ноябре же вышел 6-й выпуск. В настоящее время в Группу также входят Л. Агапова, И. Лупачев и В. Троицкий (см. "Пена" в разделе "Разные сообщения").

* * *

8 декабря около 100 евреев пришли к начальнику Московского УВИРа Фадееву с коллективным заявлением. Тот отказался принять даже их представителей, сказав, что УВИР рассматривает дела инвалидов. Фадеев предложил ответить каждому в отдельности. Евреи оставили заявление и разошлись, заручившись обещанием Фадеева принять в ближайшее время всех, подписавших заявление. На следующей неделе тем, кто пришел записаться на прим, сказали, что Фадеев уехал в отпуск на полтора месяца.

* * *

11 декабря группа евреев пришла в Приемную ПВС СССР и вручила на имя Брежнева заявление (143 подписи):

11 ноября 1980 г. мы, евреи г. Москвы, обратились в Президиум Верховного Совета СССР с сообщением о ряде правовых нарушений, допущенных отдельными компетентными государственными учреждениями в вопросе эмиграции.

Мы настаиваем на авторитетном разъяснении нашего правового положения. Обещанный в течение месяца ответ мы не получили. Возможно, что сведения о сообщаемых нами нарушениях не доходят до Президиума. Надеемся получить ответ сегодня от авторитетного и ответственного лица.

Было подано также письмо в защиту Браиловского (см. "Арест Браиловского"), в котором выражалось требование освободить его из тюрьмы и дать возможность семье Браиловских выехать в Израиль. Письмо было подписано женой Браиловского и 87-ю лицами из числа собравшихся в Приемной ПВС.

Оба письма были приняты сотрудниками Приемной. Однако через час собравшимся было заявлено, что

- 1) никакого ответа на заявление по поводу эмиграции дано не будет и
- 2) всем, подписавшим письмо от 11 ноября, уже дан УВИРОм ответ. Затем собравшимся было предложено покинуть Приемную, поскольку они "мешают нормальной работе" Приемной ПВС. В ответ на это приходившими было составлено и передано в Приемную короткое заявление, выражавшее решимость законными средствами продолжать борьбу за реализацию гарантированного советскими законами права на выезд из СССР. Письмо подписали все присутствующие (около 140 человек).

В двадцатых числах декабря среди евреев-отказников была распространена следующая записка:

К сожалению, наши попытки выяснить в Президиуме Верховного Совета наше положение не увенчались успехом: 11 декабря нам ответили, что мы пользуемся всеми правами и что все пришедшие 11 ноября получили ответы из УВИРа. Поскольку на самом деле ответы не получены, следует обратиться непосредственно в УВИР. Чтобы не делать этого по одному, предлагается 23 декабря в 14.00 прийти в Московский городской УВИР (Калпачный пер., 10) и выяснить:

1) Распространяется ли Указ о сроках рассмотрения заявлений (2 месяца на наши заявления о выезде? Если нет, то какими законодательными актами должен руководствоваться УВИР? Какие сроки рассмотрения он устанавливает?

2) Должны ли отказы быть мотивированы ссылками на закон?

3) Есть ли установленные законом сроки отказов "по секретности"? Разумеется, это могут сделать не только приходившие в Президиум Верховного Совета.

23 декабря около 100 евреев пришли к УВИРу и подали письмо, по содержанию сходное с запиской. Письмо вручили сотруднику УВИРа Семенову представители С. Азарх, Л. Макар-Лиманов и Л. Тесменицкий. Через час их вызвали и заявили, что с каждым из них будут беседовать отдельно. Представители заявили, что это невозможно, т.к. внизу стоят те, кого они представляют, и ответ должен быть дан всем. Вслед за этим они составили заявление о том, что являются представителями, и собрали под ним подписи. Семенов снова заявил, что все вопросы будут обсуждаться индивидуально с каждым.

Киев

18 ноября Игорь Геращенко и Ирина Ратушинская, желающие выехать из СССР, были приглашены в милицию. В кабинете их усадили на два поставленных посредине стула. Севшие вокруг пять человек (трое – в штатском, двое – в милицеейской форме) задали Геращенко и Ратушинской вопросы: "Чем вас обидела Советская власть?, Почему это двум неевреям захотелось в Израиль?, Что вы там будете делать?, Кому вы там нужны?, Они и к евреям из Советского Союза относятся плохо, а вы у них будете как негры, Как можно настолько оторваться от нашей жизни и продаться врагам?" Вся беседа, длившаяся 20 минут, закончилась сообщением о том, что в выезде им отказано. На вопрос "Кем?" после некоторого замешательства был получен ответ: "Комиссией по выезду при паспортном отделе Ленинградского РОВД". На вопрос, каким образом им можно отказать, если они еще не подали документы (им не выдают анкеты для подачи документов), был получен ответ: "И не подадите – забудьте об этом думать".

* * *

19 декабря жену Алексея Мурженко Любовь Мурженко вызвали в Киевский ОВИР и потребовали забрать документы, т.к. ей отказано в выезде. Мурженко взять документы отказалась.

* * *

23 октября капитан милиции, сотрудник КГБ С.М. Мищенко и неизвестное лицо в штатском задержали на улице отказника Станислава Зубко (в Хр. 57 его фамилия – с ошибкой), заявив, что он похож на известного квартирного вора. Зубко предъявил паспорт, однако его увезли "для установления личности". На следующий день стало известно, что Зубко увезли в народный суд Дарницкого р-на, где он получил 15 суток ареста "за нецензурную брань на трамвайной остановке". Это третий административный арест Зубко за последние полгода (15 мая ему добавили в спецприемнике еще 15 суток).

* * *

5 ноября супруги Владимир и Бронислава Левинштейн в 11 часов вечера возвращались домой. Недалеко от дома на них налетел неизвестный мужчина, из его рук упала и разбилась стеклянная банка. Тут же три милиционера затолкали супругов Левинштейн в оказавшуюся поблизости милицейскую машину и увезли в милицию. Ночью Брониславу отпустили домой, а ее муж на следующий день получил 10 суток ареста за "мелкое хулиганство".

* * *

11-13 ноября киевские отказники держали массовую голодовку протеста против "незаконного лишения их права выбора страны проживания". Голодовку приурочили к открытию Мадридского совещания.

11 ноября Мищенко высказывал супругам Беренштейн (Хр. 57) по телефону неопределенные угрозы в связи с их участием в голодовке. 13 ноября Беренштейн был доставлен Мищенко и милиционером в милицию "в связи с поступившим заявлением о хулиганстве", после чего суд Дарницкого р-на подверг его аресту на 15 суток. Родственников Беренштена в зал суда не пустили.

10 ноября, накануне голодовки, была предпринята попытка насильственно госпитализировать Лилиану Варвак (Хр. 56, 57) в психиатрическую больницу. После этого она вынуждена была скрываться.

16 ноября мать Лилианы вместе с какой-то женщиной ворвалась в квартиру Варваков. Дома был только муж Лилианы – Леонид (Хр. 53, 56). Женщины бросились на него (он тяжело болен, и для него подобное нападение – не шутка). Приехавшая милиция потребовала у тещи Леонида объяснительную записку – на каком основании та ворвалась в чужую квартиру, а у Леонида – объяснения, где находится его жена.

Лилиана Варвак обратилась "Ко всем людям доброй воли" с призывом потребовать от советских властей "прекратить издевательства над незащищенными людьми, над маленькими детьми" и разрешить им покинуть СССР.

* * *

25 ноября Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 149 "Репрессии против евреев-отказников в Киеве":

В последнее время Киевский ОВИР в массовом порядке отказывает евреям в разрешении на эмиграцию.

...

Репрессии против евреев-отказников в Киеве приняли массовый характер.

...

В созданной властями атмосфере запугивания и произвола киевские еврей-отказники обращаются к главам государств, участникам Хельсинкского совещания, с призывом о помощи.

Мы присоединяемся к их протесту против грубого нарушения права на эмиграцию, против насилия и издевательства над людьми, виновными лишь в том, что они хотят уехать из СССР в Израиль.

Львов

В ноябре 1979 г. Александр Аксиньин и его жена Энгелина Буряковская, страдающие цилиндромой языка, обратились в ОВИР с ходатайством о выезде из СССР на Запад с целью лечения. С 1978 г. Буряковская живет на обезболивающих, у нее постоянные горловые кровотечения. Те медикаменты, которыми ее могли бы лечить на Западе, в СССР ей недоступны.

В мае 1980 г. Аксиньин и Буряковская получили отказ: "Недостаточно близкое родство". В июне они снова подали документы на выезд и снова получили отказ с той же мотивировкой. Письма на имя Брежнева и в другие советские инстанции пока не дали результатов.

Во время одного из посещений ОВИРа Энгелине сказали: "Не все ли равно Вам, где умирать?"

Осенью 1980 г. сотрудники КГБ изъяли на их квартире (без ордера на обыск) некоторые книги, изданные за рубежом, и рукописные материалы.

Буряковская окончила консерваторию по классу фортепиано. Пишет короткие рассказы, публиковавшиеся в журнале "Эхо" (Париж). Аксиньин — художник-график, получил золотую медаль на международном конкурсе в Польше.

Армения

8 декабря Рафаэль Оганян (Хр. 56) направил Брежневу повторное заявление с просьбой лишить гражданства СССР и разрешить ему с семьей — женой и тремя детьми — "просить политическое убежище в США". Он

считает себя "жертвой своей борьбы с антиобщественными явлениями", в итоге которой он оказался без работы.

У е х а л и

12 ноября в ФРГ на 1 год выехали Лев Копелев (Хр. 56) и его жена Раиса Орлова (Хр. 56). Перед отъездом Копелев заявил, что он намерен вернуться в СССР и потому за границей будет воздерживаться от каких бы то ни было публичных выступлений.

21 декабря в ФРГ на 1 год выехал Владимир Войнович (Хр. 56). При таможенном досмотре у него отобрали его книгу "Степень доверия" (М., Госполитиздат, 1973). Войнович сказал, что не уедет, пока книгу не вернут ему или провожающим его друзьям — книгу отдали провожающим.

10 октября в газете "Вечерний Ленинград" была напечатана статья "Два лица Льва Друскина", подписанная шестью членами бюро секции поэзии Ленинградской организации СП РСФСР. В статье используется изъятая у Друскина (Хр. 56, 57) на обыске рукопись дневникового характера.

...

Один Друскин публиковал в наших журналах патристические стихотворные строчки, а другой — писал "книгу", претенциозно озаглавленную "Как перед богом", на каждой странице которой — гнусные измышления о нашем государстве, о советской литературе, о многих ленинградских писателях.

...

Наше общество гуманно. Хотя действия Л. Друскина подпадают под определенные статьи уголовного кодекса, решено было, учитывая его инвалидность, не привлекать его к уголовной ответственности.

21 декабря Лев Друскин покинул СССР.

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ

Чистопольская тюрьма

Сюда переведены Н. Матусевич (в октябре; на 3 года), П. Плумпа (в октябре; 19 ноября 1981 г. у него конец срока) и С. Ковалев (17 декабря; 27 декабря 1981 г. у него конец семилетнего "лишения свободы"; ему предстоит еще трехлетняя ссылка).

Ковалев переведен за "невыполнение нормы". Его по-прежнему (Хр. 57) беспокоят боли в сердце и субфебрильная температура по вечерам.

Мордовские лагеря

3-й лагерь

В мужской политзоне (учр. ЖХ-385/3-5) сейчас около 80 человек, треть – украинцы; возраст большинства – от 50 до 80 лет.

В октябре сюда прибыл Григорий Кононов (1942 г.р.). Работал корреспондентом какой-то туркменской газеты. Осужден по ст. 68 УК Тур. ССР (= ст. 70 УК РСФСР) за свою работу "Репортаж с кляпом во рту".

В ноябре сюда доставлены Николай Крайник (см. "Суд над Крайником") и кореец Чан Кан Хо (10 лет за "шпионаж").

Сюда переведен из Казанской СПБ А. Жипре (Хр. 51).

Здесь находятся А. Паулайтис (Хр. 46, 51), К. Скрипчук (Хр. 52) и Георгий Юрков (белорус, сидит 28 лет, вытатуировал на лице "Раб КПСС" – ему делали пластическую операцию; поскольку его срок за "антисоветскую агитацию и пропаганду" кончился, он требует перевода в Белоруссию – его не переводят, т.к. следы наколки еще видны).

* * *

30 октября, в День политзаключенного СССР, Бадзьо, Назарян, Осипов и Руденко провели однодневную голодовку.

В декабре однодневную голодовку провели те же и Жипре, Кононов, Раджабов, Чан Кан Хо.

* * *

19 декабря, в день своего шестидесятилетия, Н. Руденко объявил бессрочную голодовку. В письме Брежневу от 25 декабря Раиса Руденко пишет, что причина бессрочной голодовки мужа – "незаконные и беспричинные издевательства", ее муж фактически лишен переписки (письма от друзей до него не доходят, большую часть его писем к ней и ее писем к нему конфискуют), с августа по решению лагерной комиссии он (инвалид Отечественной войны 2 группы, ранен разрывной пулей в позвоночник) вынужден работать на станке, во время свидания в ноябре он испытывал невыносимые боли в позвоночнике. В декабре Н. Руденко поместили в больницу, его готовят к операции аданомы.

* * *

Назарян провел 104 дня в ШИЗО за то, что не здоровался с начальником зоны Зиненко (в Хр. 54 – ошибка) и отказался говорить с сотрудниками КГБ из Армении. Его письма жене постоянно конфискуют.

* * *

В женской политзоне (учр. ЖХ-385/3-4) сейчас 7 человек – Татьяна Великанова (суд – Хр. 58), Оксана Попович (1928 г.р.; арестована в ок-

тябре 1974 г. – Хр. 34; срок – 8+5), "самолетчицы" Галина Силивончик (арестована в 1969 г. – Хр. 15; срок – 13 + 5) и Людмила Листвина (арестована 6 января 1979 г.; срок – 3 года) и три религиозницы (ИДЦ): Екатерина Алешина (1908 г.р., арестована в 1972 г.; срок – 10 лет), Мария Семенова (1923 г.р., арестована в 1972 г.; срок – 10 + 3) и Александра Хвоткова (1905 г.р., срок – 7 + 3).

Работают только Великанова и Листвина (шьют), Силивончик – дневальная, Попович – инвалид.

Пермские лагеря

35-й лагерь

За 10 месяцев Н. Матусевич 6 месяцев провел в ПКТ и 9 раз наказывался ШИЗО. В октябре его на 3 года отправили в Чистопольскую тюрьму.

* * *

30 октября Паруйру Айриkyану предъявили постановление о привлечении его в качестве обвиняемого по ч. 2 ст. 174 УК РСФСР ("Дача взятки"). По этому делу привлекаются также В. Свердлов (Хр. 52, 57) и вольнонаемный мастер Жилин. Предполагаемое обвинение: Жилин получал посылки и за взятки делился их содержимым. По этому делу в Москве был проведен обыск у невесты Айриkyана Елены Сиротенко и в конце августа – в Таллине, у жены Сергея Солдатова Людмилы Грюнберг. Предварительное следствие было закончено в конце ноября. Затем дело читалось прокурорами (вплоть до прокурора РСФСР). 22 декабря оно было возвращено на доследование.

Конец лагерного срока у Айриkyана в феврале 1981 г.

36-й лагерь (особый режим)

Сюда прибыл Василий Стус (суд – Хр. 58).

В ноябре Ю. Федорова положили в больницу.

36-й лагерь (строгий режим)

Сюда прибыли Виктор Некипелов (суд – Хр. 57), Антанас Терляцкас (суд – Хр. 58) и Александр Огородников (суд – Хр. 58).

Из 37 лагеря переведены Валентин Засимов (Хр. 43, 46; раньше неверно – Зосимов) и Апполоний Бердничук (Хр. 51; раньше неверно – Берничук).

Здесь находятся Михаил Монаков (арест – Хр. 53), осужденный по ст. 62 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР) на 5 лет строгого режима и Александр Нюлов (1949 г.р.; арестован в январе 1977 г.), осужденный по ст. 64 УК РСФСР на 10 лет лагеря строгого режима.

* * *

М. Мариновича снова (Хр. 53) на 6 месяцев поместили в ПКТ.

В сентябре Засимов рассказал, что письмо Н. Комаровой (жене В. Некипелова), в котором он отказывался от материальной помощи, было написано им под диктовку сотрудника КГБ.

22 декабря Засимов, Маринович, Некипелов, Нилов и Терляцкас держали суточную голодовку — требовали врача.

* * *

В ноябре кончились 8 месяцев лагерного срока у Зиновия Красивского (арест — Хр. 56). Его этапировали в ссылку. В начале декабря он прибыл на место: 626232, Тюменская обл., Ханты-Мансийский национальный округ, пос. Луговской, общежитие. Ему предстоит 5 лет ссылки.

37-й лагерь

В августе Ю. Орлова снова (Хр. 54) на 6 месяцев поместили в ПКТ. В ноябре его посадили в ШИЗО на 15 суток, потом, не выпуская в зону, добавили еще 15 суток. Причина первого ШИЗО — спор с офицером Салаховым, который запрещал Орлову во время отдыха закрывать глаза и класть голову на руки. В ШИЗО Орлов был помещен с температурой, лекарств ему не давали. У него пониженное давление, болит и часто кружится голова. Несколько раз он, стоя у станка, терял сознание. У него хронический цистит, сильные ревматические боли, болят зубы под коронками, бессонница.

(В 1979 г. Академия наук Армянской ССР втихаря лишила Орлова звания члена-корреспондента.)

* * *

После семи лет лагерей в ноябре в трехлетнюю ссылку отбыл Кузьма Дасив (1925 г.р.).

В других тюрьмах и лагерях

Заканчивается следствие по новому обвинению против Кирилла Подрабиника (Хр. 57). 21 ноября московский адвокат Ю.Б. Поздеев (Хр. 4, 8, 13, 15), с которым отец Кирилла П.А. Подрабинек заключил договор на защиту сына, получил из Ельца телеграмму о том, что закрытие дела назначено на 24 ноября. Поздеев телеграфировал следователю, что не успеет приехать (по словам Поздеева, он узнал о том, что закрытие дела назначено на 24-е, только 24-го). Следователь ответил, что надобность в приезде Поздеева отпала, т.к. Подрабиника будет защищать местный адвокат (Кирилл, поверив следователю, что Поздеев не придет, согласился на это).

П.А. Подрабинек подал жалобу. Дело по его жалобе было возвращено на следствие, чтобы закрытие дела состоялось с выбранным им адвокатом.

11 декабря Поздеев получил извещение, что закрытие дела К. Подрабиника назначено на 19 декабря. 18 декабря, сославшись на "занятость в другом деле", он сказал П.А. Подрабинеку, что отказывается от ведения дела его сына (неофициально он сообщил, что председатель президиума Московской коллегии адвокатов К. Апраксин не подписывает ему командировку в Елец). П.А. Подрабинек отказался забрать деньги и заявил Поздееву, что по закону он обязан вести дело, на которое уже заключен договор. Поздеев ответил, что вышлет ему деньги по почте.

21 декабря П.А. Подрабинек направил жалобу на Поздеева в Министерство юстиции.

По телеграмме П.А. Подрабиника закрытие дела было перенесено на 22 декабря. К. Подрабинек заключил соглашение с местным адвокатом Бобряшевой и выполнил с нею требования ст. 201 УПК РСФСР.

* * *

Серафим Евсюков (суд — Хр. 57) отбывает наказание в с. Новочунка Чунского р-на Иркутской обл.

* * *

8 октября жена В. Черновола (суд — Хр. 57) Алена Пашко получила из лагеря сообщение о том, что ее свидание с мужем состоится 4-6 октября. В ответ на просьбу перенести свидание ей сообщили, что свидание состоится 13 ноября. 3 ноября начальник лагеря Гарилов сообщил А. Пашко, что из-за болезни Черновола свидание переносится на 30 ноября (в этот день Черновол никакого недомогания не чувствовал). 5 ноября Черновола насильно забрали в больницу, положили в одну палату с больным гепатитом и продержали там до 21 ноября, в связи с чем Черновол держал пятидневную голодовку протеста. С 30 ноября по 2 декабря у Черновола было свидание с женой. Вторая комната для свиданий была закрыта, а прибывшим вместе с Пашко родственникам другого заключенного в свидании было отказано.

* * *

В ноябре зам. председателя Красноярского УКГБ Чернышев приезжал в лагерь к Решату Джемилеву (Хр. 56). Он заявил Джемилеву, что материалов для возбуждения против него нового уголовного дела вполне достаточно (в КГБ попали 11 исписанных Джемилевым тетрадей, которые он пытался передать на волю через заключенного Черенкова), и угрожал Джемилеву новым сроком, если он "не прекратит своей деятельности".

Джемилев заявил протест в связи с тем, что ему не передают писем от родных, после чего был водворен в ШИЗО.

Администрация натравливает на Джемилева заключенных. Начальник

отряда капитан Фомин заявил, что люди других национальностей мешают жить русским, живут за их счет. Сталин, по его мнению, сделал ошибку, выслав татар из Крыма, — их следовало уничтожить. Капитаны Белобородов и Бабенков говорят заключенным, что Джемилев — враг, с которым не стоит даже разговаривать.

* * *

В ноябре у М. Симчича (Хр. 56) нашли западные слайды религиозной тематики. 16 декабря ему дали 15 суток ШИЗО за "невыполнение плана".

* * *

В конце ноября Л. Волохонского (Хр. 55) возили в Пермь, где его допрашивал следователь из Ленинградского УКГБ (в КГБ поступил донос, в котором Волохонский обвиняется в контрабанде).

* * *

В ноябре Иосифа Зисельса (Хр. 57) поместили в больницу (язва желудка).

* * *

В ШИЗО у Ю. Гимбутаса (суд — Хр. 56) парализовало левую руку и ногу.

Письма и заявления политзаключенных

В. Некипелов. *Прокурору Владимирской области Цареву* (12 мая 1980 г.)

26 апреля 1980 г. следователь УКГБ П.И. Плешков сообщил мне, хотя и за рамками официального следствия, что у него будто бы имеются показания каких-то заключенных женщин, в которых говорится о том, что у московских диссидентов якобы имелась радиостанция (!), которую они увезли и испытали где-то в Литве или Латвии, и что эту операцию выполнил Иван Ковалев (?) по заданию Виктора Некипелова (?). Об этом рассказала якобы своим сокамерницам недавно арестованная М.Н. Ланда, причем факт ее рассказа подтверждают будто бы (Плешков делает упор на это) несколько человек.

...

Органы безопасности, при желании, могут использовать эти материалы как для прямой репрессии против И.С. Ковалева, так и для широкой диффамации в адрес правозащитного движения.

Заявляя решительный протест против любых возможных действий такого рода, я прошу вас принять меры к самой тщательной проверке обстоятельств получения госбезопасностью указан-

ных сведений. Прошу проверить, что это за люди и в связи с чем ими были даны ложные показания на М.Н. Ланда. Настаиваю на привлечении к ответственности лиц, виновных в фабрикации и распространении ложных сведений.

...
(Ср. с Хр. 57)

19 мая из областной прокуратуры ответили:

Прошу сообщить Некипелову В.А., что его жалоба на действия следователя Плешкова П.И. направлена на рассмотрение руководителю его учреждения.

28 мая помощник прокурора области П.И. Образцов сказал Некипелову: "Мы контролируем только ведение следствия органами госбезопасности. Их оперативная деятельность, т.е их работа, – вне нашего контроля".

В. Некипелов. *В американский Пен-клуб* (июль 1980 г.)

Дорогой г-н Бернард Маламуд!

С чувством большой радости я узнал об избрании меня в ноябре 1979 г. почетным членом американского Пен-клуба. К сожалению, узнал об этом уже в тюрьме, будучи арестованным, а теперь – осужденным на 12 лет лагерей и ссылки именно за то, за что отмечен Вами, – за независимость суждения и приверженность свободному слову. Красноречивый факт – Ваше письмо было тоже арестовано КГБ и теперь лежит в моем деле (т. 10, лист 92-94) как одно из доказательств . . . чего? . . . моих связей с "подрывными центрами империалистических стран". И это не чья-то большая выдумка – 18 февраля 1980 г. меня на полном серьезе спрашивали "Каков характер ваших связей с так называемым Пен-клубом и поставляли ли вы для него какую-нибудь информацию?"

Все это – не частный случай шпиономании, а уровень сознания и свободы творчества в стране, обманывающей мир глянцем выставок и тиражами своих книг. Поэтому писатель, решивший говорить о нашей жизни только правду, неизбежно приходит к тюрьме.

Я хотел бы, чтобы это узнали американские писатели, назвавшие меня своим собратом. Я прошу передать им мой привет и благодарность за поддержку. Я хотел бы заверить их, что и в этих условиях я останусь верен благородным принципам Пен-клуба – служить свободе и состраданию. Хотя у меня отнято теперь главное – сама возможность писать.

Я прошу извинить меня, если это письмо дойдет до Вас с большим опозданием.

В защиту политзаключенных

22 ноября мать Ю. Федорова обратилась к Брежневу с просьбой о помиловании сына ввиду угрожающего состояния его здоровья.

В тот же день А. Мурженко обратилась к Брежневу с просьбой о помиловании мужа.

1 декабря Н. Мейман и А. Сахаров обратились к Мадридской конференции с призывом спасти Ю. Орлова —

человека, которому мир обязан более глубоким и возвышенным пониманием сущности и возможностей Соглашения в Хельсинки.

12 декабря мать Н. Матусевича обратилась к Мадридской конференции и в Красный Крест. Она пишет, что после 1978 г. не имела свиданий с сыном (Хр. 54, 56), а последние 10 месяцев не получала от него писем. На ее запросы ГУИТУ высылает стандартные ответы, что Матусевич лимит писем использует.

О с в о б о ж д е н и я

В конце августа из Чистопольской тюрьмы по концу срока освобождился Майгонис Равиных.

12 сентября, по концу годичного срока, освобождился Александр Готовцев (суд — Хр. 54).

Условно освобождены "с обязательным привлечением к труду" Сергей Ермолаев (Хр. 56), Георгий Михайлов (Хр. 56), Михаил Соловов (суд — Хр. 56), Игорь Губерман (суд — Хр. 56), Владимир Бурцев (Хр. 57), Виктор Попков (суд — Хр. 56) и Роман Костерин (Хр. 52, 56).

Губерман и Костерин работают в Красноярском крае: Губерман (с ноября) — в пос. Бородино Рыбинского р-на слесарем-электриком, Костерин — в с. Емельяново. Соловов работает в г. Новотроицке Оренбургской обл. Попков и Бурцев работают в Смоленской области: Попков (с ноября) — в Рославле, Бурцев (с декабря) — в Холм-Жировском р-не, на газопроводе "Дружба".

В конце ноября по концу срока из Пермских лагерей освобождился Марис Тилгалис (Хр. 51, 52).

13 декабря в Таллине по концу срока освобождился привезенный из Пермских лагерей Калью Мяттик (суд — Хр. 38).

В декабре по концу срока освобождился Шаген Арутюнян (суд — Хр. 48). После освобождения он опубликовал следующее заявление:

Уважаемые товарищи!

Хочу от всего сердца выразить мою глубокую благодарность Московской Хельсинкской группе, всем западноевропейским прогрессивным организациям и людям, которые выступили в защиту Ереванской Хельсинкской группы, когда мы были арестованы.

Выражаю благодарность и Солженицынскому Фонду, организа-

ции "Эмнести Интернешнл" и всем тем людям, которые оказали материальную помощь моей семье. Я считаю, что такое отношение является проявлением гуманности со стороны цивилизованного мира, и надеюсь, что эти действия не прекратятся, пока в застенках тюрем томятся политзаключенные.

Шаген Арутюнян,
член "Хельсинкской группы" Армении

В декабре за недоказанностью обвинения освобождился Эдуард Кулешов (Хр. 53, 56). По-видимому, сообщение в Хр. 57 о том, что его приговорили к 2 годам, было ошибкой.

В С С Ы Л К Е

Психиатрическая экспертиза признала Юрия Храмцова (Хр. 57) вменяемым. Повторный суд приговорил его к 5 годам ссылки. Ссылку он отбывает в Казахстане: Кустанайская обл., Кустанайский р-н, пос. Александровка, Инвалидный дом. Это – психо-неврологический стационар. За пределы территории дома его обитателей не выпускают. Храмцову введены ограничения на переписку – 2 письма в месяц (как в лагере строгого режима).

* * *

9 декабря Мальву Ланда (Хр. 57) безуспешно пытался допросить приехавший из Москвы сотрудник КГБ. 25 декабря ее доставили в милицию, где у нее сняли отпечатки пальцев.

* * * * *

Мустафа Джемилев, вызванный свидетелем на суд к А. Подрабинеку (арест – Хр. 57) и ожидавший в Якутске самолета на Усть-Неру, 31 декабря был задержан и по распоряжению начальника 5 отдела МВД ЯАССР полковника Н.Ф. Сергеева отправлен назад в Зырянку. В маршрутном листе Джемилева сделана запись, что он возвращен на место ссылки в связи с откладыванием процесса "на неопределенное время", хотя дата предполагаемого начала суда (5 января) была названа судьей. Сергеев распорядился, чтобы впредь, прежде чем отпустить Джемилева, местное начальство испрашивало разрешения у него, Сергеева.

Нового разрешения на выезд в Усть-Неру Джемилев не получил.

О с в о б о ж д е н и я

В августе кончилась ссылка у Иосифа Бегуна (суд – Хр. 50). Он прописался в г. Струнино Владимирской обл.

В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ

В ноябре Виктор Давыдов (суд — Хр. 58) переведен из Казанской спецпсихбольницы в Благовещенскую СПБ (Амурская обл.).

* * *

В ноябре Николая Плахотнюка (Хр. 57) привезли в Москву — в Институт им. Сербского. На комиссии ему сказали, что "ему давно пора быть дома". Члены комиссии заверили Плахотнюка, что будут ходатайствовать перед судом о его выписке.

* * *

В декабре по решению комиссии из Института им. Сербского переданы в суд материалы о переводе Ивана Григорьевича Федоренко из Черняховской спецпсихбольницы в психбольницу общего типа по месту жительства. Федоренко (1932 г.р.) — организатор литературного музея в Краснодаре. Он был арестован 10 февраля 1977 г., после того как на съезде писателей Краснодарского края открыто критиковал тогдашнего первого секретаря крайкома КПСС Кикило. Обвиняли его по ст. 190-1 УК РСФСР. Следствие вел следователь Краснодарского УКГБ Рыдванов. Во время следствия из медицинской карты Федоренко исчезла запись о язве желудка, диагностированной у него в 1976 г. На суде Федоренко инкриминировали отдельные фразы из его писем, посланных им по почте.

О с в о б о ж д е н и я

В августе из психбольниц выпустили В. Гершуни (Хр. 57), В. Гусарова (Хр. 57) и И. Быковского (Хр. 57).

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Георгия Михайлова (см. "Освобождения" в разделе "В тюрьмах и лагерях"), возвращавшегося из отпуска на место "обязательного привлечения к труду", задержали под предлогом того, что у него нет разрешения на отпуск (разрешение было), и обыскали. Изъяли переписку с официальными инстанциями по поводу возвращения ему картин (Хр. 54) и частные письма.

* * *

8 декабря в Кривом Роге к Александру Шатравке (Хр. 51, 53, 57) приходил сотрудник КГБ узнать чей-то адрес. К концу визита он уже забыл про этот повод и ушел, так и не спросив адреса.

10 декабря брат Александра Михаил Шатравка пошел отмечаться в психдиспансер, где он состоит на учете. Там его сразу отвезли в изолятор, переодели и дали больничное место. Затем врач стала допытываться у него, зачем он ездил в Ростов. Быстро выяснилось, что братьев перепутали (в Ростов ездил незадолго до этого Александр). Допрос был продолжен в кабинете главврача, который расспрашивал Михаила о поездке в Ростов его брата. Тот ничего не мог сказать об этом. После расспросов об истории неудачной попытки братьев бежать из СССР беседа закончилась упреками в том, что оба брата не желают работать.

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

В январе Игоря Хохлушкина (Хр. 45) избили ночью на улице (Хр. 56). В августе, когда он в поезде дальнего следования возвращался из Калинин в Москву, его избили в купе двое неизвестных. В ноябре двое мужчин избили на улице его семнадцатилетнего сына.

* * *

15 июля сотрудники КГБ, назвавшиеся Громовым, Петровым и Соловьевым, предложили Юлию Кошаровскому (он в "отказе" с 1970 г.) прекратить преподавание иврита и пригрозили последствиями "от Вольвовского (его выслали из Москвы — Хр.) до Шаранского (суд — Хр. 50)".

15 сентября, когда Кошаровский отдыхал в Коктебеле, около него на пляже упал человек и разбил бутылку — Кошаровскому дали 13 суток.

27 ноября Кошаровскому снова предложили прекратить преподавание иврита и предупредили, что будут срывать занятия. После этого сотрудники КГБ несколько раз приходили к нему на занятия и присутствовали в течение всего урока.

12 декабря сотрудники КГБ пригрозили Кошаровскому, если он не прекратит преподавание иврита, привлечением по ст. 153 УК РСФСР ("Частнопредпринимательская деятельность...").

* * *

3 сентября к члену Московской группы "Хельсинки" Ивану Ковалеву в полшестого утра пришел участковый. Он заявил, что Ковалев — тунеядец и более 6 месяцев нигде не работает. Ковалев в ответ назвал место своей работы — пожарник в театре им. Маяковского.

В тот же день директор-распорядитель театра Солопов, не объясняя причин, предложил Ковалеву уволиться — Ковалев отказался. Солопов распорядился, чтобы и.о. начальника пожарной охраны С. Федоров написал ему докладную о профессиональной непригодности Ковалева — Федоров тоже отказался. Вызванная из отпуска рабстница отдела кадров также отказалась уволить Ковалева без достаточных оснований.

22 октября Ковалев написал заявление с просьбой перевести его на постоянную работу (он был зачислен 26 августа на 2 месяца).

23 октября Ковалеву предъявили приказ об его увольнении с 25 октября "в связи с истечением срока временной работы", датированный 22 октября.

* * *

В апреле в ИВЦ Главмосплодоовощпрома проходила очередная переаттестация. Незадолго до нее начальник отдела Ю.И. Хасин сказал С. Ходоровичу, что его вряд ли оставят в должности старшего инженера. Накануне аттестации Хасин сказал, что не аттестуют Б. Смушкевича (Хр. 58), а с Ходоровичем все в порядке. (На аттестации Ходоровича спрашивали, действительно ли он является распорядителем Фонда помощи политзаключенным и почему не ходит на субботники; у Смушкевича — кто его друзья, чем занимается после работы). Смушкевича не аттестовали — он уволился. (Зам. директора ИВЦ Е.П. Ледовский рассказывал, что "некто" выражал неудовольствие увольнением Смушкевича. "Одни хотят одно, другие — другое", — жаловался Ледовский. Вплоть до декабря было много попыток выяснить место работы Смушкевича: администрация ИВЦ интересовалась у сотрудников отдела, Смушкевич получил несколько повесток из военкомата, хотя он невоеннообязанный, 9 декабря к нему домой приходил участковый милиционер.)

Летом-осенью сотрудники КГБ беседовали с сослуживцами Ходоровича.

В ноябре-декабре Ходорович три раза опоздал на работу (в общей сложности минут на двадцать). Директор обратился к местному за санкцией на увольнение. Сотрудники отдела написали заявление в местком с просьбой не санкционировать увольнение, т.к. последние два опоздания произошли после того как Ходорович несколько недель тяжело болел. (Заявление не подписал только Хасин, заявив: "Я и раньше его мог уволить".)

Директор ИВЦ Л.Ф. Остроушко поодиночке побеседовал с членами месткома, и санкция была получена. 29 декабря Ходоровича уволили "за грубые нарушения трудовой дисциплины".

* * *

Студент 5 курса математико-механического факультета Ленинградского университета Леонид Овес был отчислен "по ходатайству комсомольского бюро", после того как из КГБ сообщили, что он "неискренне вел себя на следствии": Л. Овес отказался участвовать в следствии по делу своего отца, которому инкриминировалась попытка передачи секретных документов в американское консульство (в декабре он был осужден по ст. 64 УК РСФСР на 12 лет лагерей).

* * *

В сентябре сняли телефон у Р. Лерт (Хр. 52, 53); в октябре отключили телефон у члена Христианского комитета защиты прав верующих в

СССР В. Щеглова (Хр. 56, 57); в декабре выключили телефон в квартире, в которой проживает тетка, мать и дочь погибшей И. Каплун (Хр. 57).

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ

11 сентября в Москве на жену недавно освободившегося Сергея Григорьянца (Хр. 56) Тамару Григорьянц недалеко от ее дома вечером было совершено нападение. Нападавший повалил ее, пытался душить и нанес несколько ран лезвием безопасной бритвы. Ей с большим трудом удалось вырваться и убежать. Вернувшись с соседями на место преступления, Григорьянц обнаружила там лезвие бритвы и военный билет на имя Шумского.

12 сентября Григорьянц обратилась в 138 отделение милиции Москвы с заявлением, к которому приложила военный билет. Ее направили на медицинскую экспертизу, однако лезвие бритвы к делу не приобщили и на место преступления никого не направили.

После обыска у Шумского был изъят костюм со следами крови, но Григорьянц было отказано в направлении на анализ крови для идентификации следов крови на ее одежде.

Очная ставка подтвердила личность нападавшего, после чего начальник отделения милиции Титов пригласил Григорьянц на беседу с Шумским, который уговаривал ее взять заявление назад и не пытаться возбуждать уголовное дело. Титов объяснял пострадавшей, что предъявление обвинения затруднено, ибо Шумский работает юрисконсультom и в совершенном им деянии не усматривается состава преступления.

Григорьянц получила официальный отказ в возбуждении уголовного дела органами дознания. Ей сообщили, что она может подать заявление в суд о возбуждении дела в частном порядке.

* * *

В начале сентября на квартире Владимовых пропали пьеса Георгия Владимова "Шестой солдат", личные записи Натальи Владимовой и 50 рублей из 500, лежавших рядом с этими записями.

* * *

Жена В. Некипелова (суд — Хр. 57) Нина Комарова получила предупреждение "по Указу" за совместный с мужем перевод повести М. Осадчего "Бельмо" и соавторство работы "О наших обысках". Устно ей сказали, что "одного сына" она уже плохо воспитала и может "пойти вслед за мужем" (Сергей Некипелов — не ее сын).

* * *

8 декабря в Москве полковник КГБ Хохлов "беседовал" с Андреем Голицыным. Хохлов спросил Голицына о его знакомстве с Р. Медведе-

вым, Л. Агаповой, шофером В. Барановым (Хр. 53) и фотографом Сычевым (Голицын подтвердил знакомство лишь с последним). Хохлов спросил Голицына, не он ли сообщил иностранцам о ходе кампании "Выборы-77". Голицын сказал, что он здесь ни при чем. Хохлов сказал, что Голицын "слишком много" общается с иностранцами и упрекнул его знакомством с культурным атташе Бельгии Жаном Луи Миньо — "очень вредным человеком". Голицына также спрашивали, кого он знает из группы "Хельсинки". Он ответил, что не знает никого. В конце "беседы" Голицыну предложили "предупреждение" об ответственности за "заведомо ложные и клеветнические измышления". Он отказался не только подписать его, но и ознакомиться с текстом "предупреждения". Голицыну сообщили, что "пока" его действия уголовной ответственности не подлежат, но впоследствии он может быть привлечен.

В конце декабря Хохлов позвонил Голицыну и спросил, не хочет ли он что-нибудь сказать. Голицын ответил, что не хочет.

* * *

27 августа в "Известиях" была напечатана статья "Маски сорваны", в которой, в частности, говорилось, что Валентина Машкова — "матерая антисоветчица", а организация "Эмнести Интернейшнл" квалифицировалась как антисоветская.

В начале сентября Машкова в телеграмме Брежневу потребовала провести расследование и наказать клеветников (статья подписана В. Барсовым и М. Михайловым).

29 сентября Машкову вызвали в Тарусский райисполком, где зам. председателя А.А. Постников заявил: ему поручено передать, что никакого расследования по поводу статьи не будет, потому что любая публикация в "Известиях" сомнению не подлежит, т.к. это — центральная советская газета. В ответ на возражения Машковой, что в статье в качестве ее знакомых названы люди, о которых она даже никогда не слышала, Постников дословно повторил ту же фразу.

* * *

13 ноября в "Таганрогской правде" был опубликован фельетон Т.Азизовой "Плывущая по волнам" о пенсионерке Елене Григорьевне Павловой.

В фельетоне говорится, что бывшая преподавательница, музыкантша Павлова, выйдя на пенсию, стала увлекаться передачами "Немецкой волны", записывала на магнитофон передачи западного радио, переписывала в тетрадь и давала читать знакомым, а также надиктовывала на магнитофон изданные за рубежом книги. О "мерах", принятых по отношению к Павловой, ничего не сказано.

* * *

6 ноября администрация по месту работы предупредила А. Смирнова (Хр. 7, 53), чтобы он "нигде не появлялся". Ему сказали, что он может "подвести коллектив" и что начальство "вызывали в органы".

* * *

25 ноября недавно демобилизовавшийся из армии приемный сын Гинзбургов Сергей Шибаев (Хр. 53, 54, 56) поехал в Тарусу, чтобы получить паспорт. Там с ним "беседовал" начальник Тарусского отдела Калужского УКГБ Данилов. Он настаивал, чтобы Шибаев прекратил поддерживать знакомство с друзьями А. Гинзбурга (назвал он В. Тимачева и В. Лашкову), и сказал, что, если Шибаев захочет работать в Тарусе, "органы" помогут ему устроиться. Шибаев сказал, что подумает.

* * *

25 ноября в московской квартире Сахаровых с 15 до 20 часов работал телефон.

* * *

9 декабря в филиале музея А. Рублева – в Церкви Покрова на Филях – состоялось прослушивание оперы Анатолия Рыбникова, написанной по поэме А. Вознесенского "Юнона и Авось". Это своеобразная рок-опера с православными песнопениями. Исполнитель главной роли – Геннадий Трофимов, женскую партию исполняла дочь композитора. На прослушивание были приглашены иностранные корреспонденты К. Курш и Т. Кент, но после звонка "сверху" их не пустили в зал. Директора музея вызвали в "органы" и угрожали увольнением за то, что она допустила приглашение иностранцев на прослушивание. Вместо них в зале сидели 5 специально присланных сотрудников КГБ.

* * *

В октябре 1980 г. москвичи Алла Аберсон, Михаил Бахмутский, Игорь Виноградов, Лазарь Дабкин, Алексей Лоренцон, Лев Тукачинский, Григорий Розенберг и Ирина Щеголева объединились с целью создания еврейского театра. Для первой постановки был принят роман Г. Фаста "Мои прославленные братья". Премьера этого спектакля должна была состояться в канун праздника Хануки. Первая репетиция была назначена на 11 ноября, но не состоялась, т.к. сотрудники КГБ и милиция угрожали участникам задержанием, если те не разойдутся по домам. Тем не менее, на квартирах участников будущего спектакля начались репетиции. Когда до спектакля оставались считанные репетиции, сотрудники КГБ начали угрожать участникам по телефону и при личных встречах, требуя прекращения репетиций и отмены спектакля. Репетиция, которая должна была проходить на квартире Лоренцона, была сорвана работниками милиции, блокировавшими вход в квартиру и задержавшими режиссера театра О. Жица.

Несмотря на угрозы властей, 10 декабря спектакль состоялся.

День прав человека в Москве

10 декабря в 19 часов у памятника Пушкину должна была состояться традиционная молчаливая демонстрация (Хр. 43, 48, 52, 55).

К 18 часам милиция оцепила Пушкинскую площадь, перекрыла подземные переходы и выход из метро к памятнику Пушкину. Около 19 часов офицер милиции через мегафон потребовал от людей, собравшихся на углу ул. Горького у "Известий", освободить территорию в связи с "проведением ремонтных работ". В 19 часов по меньшей мере 20-30 человек, стоявших у самого оцепления, сняли головные уборы. Цепь милиционеров, дружинников и лиц в штатском начала теснить демонстрантов, требуя освободить площадку. Пытавшегося возразить В.Г. Брикена отволокли к одной из оперативных машин. Кроме него были задержаны сын Юрия Гримма (Хр. 58) Клайд, Л. Макар-Лиманов, К. Попов, О. Соловьев (Хр. 52-54, 57). Через полтора часа, после установления личности задержанных и кратких бесед, смысл которых состоял в том, чтобы выяснить, случайно ли человек оказался на площади, всех отпустили.

В этот день в 16.30 Е. Алексеева и И. Ковалев были задержаны при выходе из дома А. Сахарова двумя сотрудниками в штатском и отконвоированы назад в квартиру, где находились под домашним арестом до 20.30.

Кроме них под домашним арестом в этот день находились Марина и Борис Румшиские (их доставили с работы домой на машине; до 21 часа у них был отключен телефон), Ю. Величкин, Е. Арманд, И. Кристи, В. Сереброва, С. Сорокина, М. Петренко, Е. Гайдамачук (в коммунальной квартире, где она живет, целый день был отключен телефон) и В. Томачинский (см. "Письма и заявления").

9 декабря домой к Н. Мейману приходил "штатский" и предупредил его, что 10-го из дома выходить не следует.

Весь день 9-го декабря у подъезда дома, где живет Г. Павловский, находилась милиция. Вечером 10-го они обманом вошли в квартиру и забрали в отделение гостя Павловского.

10 декабря на работе были задержаны Е. Шаповал, Н. Лисовская, Б. Смушкевич и Т. Плетнева; с Плетневой "беседовали" о предстоящей демонстрации, о ее поведении на допросе по делу Осиповой, а также о ее отношениях в Л. Волохонским.

В тот же день были доставлены с работы в милицию и отпущены через несколько часов С. Ходорович и В. Тимачев. Е. Сморгуну доставили в милицию, когда она вышла утром из дома, чтобы идти на работу; вечером ее с трудом отпустили забрать ребенка из детского сада.

17 декабря Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 151 "Разгон мирной демонстрации 10 декабря на площади Пушкина в Москве":

...

10 декабря 1980 г. власти наглядно показали, что граждане СССР лишены права на мирные демонстрации, права, которым бес-

препятственно пользуются граждане других государств – членов ООН, права, предусмотренного Всеобщей Декларацией и формально провозглашенного советской Конституцией.

Разгон неофициальных семинаров

12 ноября в 12 часов должно было состояться очередное заседание Московского общественного гуманитарно-юридического семинара (Хр. 55). Около 18.30 в квартиру, где должен был состояться семинар, явились семь человек. Не предъявив документов, они отвезли в отделение милиции и продержали до 21.30 хозяина квартиры В.Ю. Максименко и двух уже прибывших членов семинара. Из-за этого заседание семинара пришлось провести на другой квартире.

* * *

23 ноября на квартире В. Браиловского должен был состояться еженедельный воскресный научный семинар (организованный в 1973 г. А. Воронелем и М. Азбелем, он с 1976 г. проводится на квартире В. Браиловского). За полчаса до начала семинара, в 11.30, у дверей квартиры Браиловских появились два сотрудника КГБ и милиционер. Из всех участников семинара только проф. С. Альбер, пришедший минут за 40 до его начала, успел попасть в квартиру. Кандидата физ.-мат. наук В. Магарика сотрудники КГБ, взяв за локти, насильно свели с 6-го этажа от дверей Браиловских, пообещав по дороге "в близком будущем 15 суток". В 11.40 четыре "сотрудника" и два милиционера встали у подъезда, чтоб не пропускать участников семинара. На требования предъявить документы, эти сотрудники отвечали, что они – дружинники, но документов не показывали. На вопрос, почему не пускают в квартиру Браиловских, были даны ответы: "Дезинфекция квартиры", "Квартира не в порядке", "Нечего вам там делать", "В квартире никого нет". Сотрудник КГБ Виктор Алябьев сказал участникам семинара, что В. Браиловскому помимо трех лет по ст. 190-1 дадут еще 8-10 за "изнасилование малолетней". Видя, что участники семинара не расходятся, сотрудники КГБ стали угрожать, что "вызовут автобус и всех отвезут в лес", затем пытались имитировать вызов машины. Простояв более получаса под проливным дождем у подъезда, участники семинара направились на квартиру А. Иоффе, где провели заседание семинара.

Через несколько дней Иоффе позвонили из КГБ и предупредили, чтобы больше у него семинар не проводился.

30 ноября уже в 11.00 подъезд дома Браиловских был перекрыт группой из 10 сотрудников КГБ и двух людей в милицеейской форме. Недалеко от подъезда стояла черная "Волга", в которой находились 2 сотрудника; один из них вел непрерывные переговоры по радиотелефону. Уже на подходе к дому стояли сотрудники КГБ и фиксировали участников семинара, делая пометки в блокнотах. К началу семинара у подъезда собралось около 20 его участников и несколько иностранных корреспон-

дентов. Один из них пытался сфотографировать группу участников семинара, но сотрудник КГБ тут же выхватил фотоаппарат и засветил пленку. Затем этому корреспонденту был сделан выговор за "некорректное поведение", за то, что "вмешивается не в свои дела". Один из сотрудников КГБ пригрозил "лишением аккредитации". После этого всех корреспондентов отгеснили от подъезда и вынудили уехать. Милиционеры и сотрудники КГБ (всего около 20 человек) документов не предъявляли. Когда им указали на незаконность их действий, они заявили, что законы они знают, "а семинара вашего больше не будет". На требование позвать начальника следовал ответ: "Все мы здесь начальники". Руководитель группы сотрудников КГБ заявил: "Наукой надо заниматься на работе", а затем многозначительно добавил: "Знаем мы, чем вы там занимаетесь". Как и в прошлый раз, отличился Алябьев: "Больше не будет вашего юридического (!) семинара! Сваливайте отсюда!" Поскольку никто не расходился, руководитель сотрудников заявил: "Ну что ж, сейчас вызовем машину и всех вас развезем по разным местам". Поднялась суета, разговоры по рации, имитирующие вызов машины. На вопрос "На каком основании вы нас хотите задержать?" кто-то из сотрудников КГБ "пошутил": "Приказ нам пришел из Израиля – всех по домам развести". Постояв у подъезда до 12.30, участники семинара разошлись.

В тот же день двое сотрудников КГБ и милиционер в отсутствие Ирины Браиловской и ее сына Леонида пытались войти в квартиру, требуя у матери Ирины паспорт. Они долго не давали возможности закрыть дверь.

7 и 14 декабря у подъезда дома Браиловских, как и прежде, к 12,00 собирались участники семинара. Однако никого из них не пустили в дом. 14 декабря были также заблокированы квартиры Иоффе и Ю. Гольфанда. У каждой квартиры стояло по милиционеру и 6-7 сотрудников КГБ. "Охрана" квартир длилась 2-3 часа.

П е н а

Группа "Право на эмиграцию" (Хр. 54) наметила на 28 октября пресс-конференцию. Пресс-конференция должна была состояться на квартире члена группы Василия Бараца, но была сорвана милицией, дружинниками и КГБ.

29 октября Барац заявил, что в срыве пресс-конференции виноват член Группы Владимир Шепелев и что он – провокатор КГБ.

5 ноября В. Шепелев заявил о выходе из Группы. В ноябре о выходе из Группы в связи с "отсутствием контакта и изменениями в деятельности Группы" заявил М. Новиков.

* * *

10 ноября по совету Бараца Владимир Бродский "для проверки" соблиз В. Кувакину о мифическом предполагающемся выпуске листовок

и попросил его позвонить для консультации по поводу текста листовок его знакомому по имени "Дима".

14 ноября у Бродского и Димы были проведены обыски – искали листовки. Затем их допросили.

15 ноября капитан КГБ Рогачев провел обыск в квартире Кувакина. Изъяты рукопись ленинградского историка Федорова "Обращение к ученым СССР и всего мира" и письмо от Сквирского (Хр. 53).

19 ноября Кувакин и В. Шепелев выступили с совместным заявлением:

В последние недели супруги Барац и В. Бродский (тот самый, который в свое время безосновательно обвинил в сотрудничестве с КГБ секретаря Московской секции организации "Международная Амнистия" Владимира Альбрехта) выступили с "разоблачительными" заявлениями, обвиняя нас в сотрудничестве с органами госбезопасности. В частности, такого рода заявления были сделаны представителям западной прессы.

Сейчас, когда в Мадриде проводится совещание по вопросам выполнения Хельсинкских соглашений, когда в результате массивного удара властей по демократическому движению ряды правозащитников поредели, мы считаем необходимым заявить, что безответственные заявления В. и Г. Барац, В. Бродского вольно или невольно способствуют действиям КГБ по дезорганизации и компрометации правозащитного движения.

22 ноября Барац послал в ПВС СССР заявление, в котором сообщил о проведенной по его инициативе "проверке" и о своем выводе из нее: Кувакин – провокатор КГБ.

29 ноября Кувакин опубликовал "Заявление для печати":

... шпиономания начитавшихся детективных романов Бродского и Барац представляет серьезную опасность для демократического движения изнутри.

... каждый из нас... обязан проявлять здравую осторожность и бдительность.

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ

20 подписей. *Польша, Гданьск, Верфь им. Ленина, пану Леху Валенсе* (11 сентября 1980 г.)

Поздравляем Вас и всех поляков с началом демократических реформ, в которых нуждается весь социалистический лагерь.

Литва – Эстония.

В. Томачинский. *Генеральному секретарю ООН* (10 декабря 1980 г.)

...

Сегодня, 10 декабря 1980 г., я с семи часов утра нахожусь под превентивным арестом – это подарок мне от советского государства по случаю Дня декларации прав человека. Завтра мы узнаем (и узнаем не все), сколько еще граждан СССР содержалось сегодня под арестом по случаю Дня прав человека.

Смысл этих арестов советское государство видит в том, чтобы изолировать граждански-активных лиц от общества и предотвратить возможное обсуждение проблемы прав человека в день, когда к этой проблеме естественно возрастает внимание.

...

Один только маленький факт превентивного ареста по случаю дня Декларации прав человека, может быть, красочнее представляет картину внутрисоветского попрания человеческих прав, нежели подробное перечисление тысяч других фактов...

...

В. Томачинский. *Председателю КГБ, члену Политбюро ЦК КПСС Ю.В. Андропову* (31 декабря 1980 г.)

...

С 1975 г., когда я впервые был вызван в КГБ на предмет вовлечения меня в число осведомителей, начался этап моего перехода на активную гражданскую позицию... Не прояви КГБ такой настойчивости в преследовании меня за отказ сотрудничать – и я до сих пор оставался бы известным лишь узкому кругу своих клиентов мастером по ремонту автомобилей.

Репутацию гражданского деятеля и "известного правозащитника", как объявила недавно одна западная радиостанция, мне создало Ваше ведомство.

После демонстрации протеста по делу Юрия Орлова, проведенной мной 18 мая 1978 г., я хорошо ощутил период государственного благоразумия, когда вплоть до 14 марта с.г. КГБ оставил меня в полном покое. Сегодня Вы знаете, что за эти два года я не совершил ничего "подрывного" – поскольку я по натуре не подрывник, а консерватор и созидатель.

14 марта, устроив подробный десятичасовой обыск в моей квартире, конфисковав у меня часть личной библиотеки, рукописи, бумагу, государство опять вытолкнуло меня на поверхность гражданской борьбы за права человека. Привлечение меня в качестве свидетеля к следствию по делу о журнале "Понски" не только не дало ничего положительного самому следствию, но превратило меня в хорошо осведомленного информатора о ходе следствия и в источник серьезных неприятностей как для следователя Бурцева, так и для Мосгорсуда, которому такой свидетель, как я, был не только не нужен, но и вреден – ибо мои показания об идеологической экспертизе по делу № 50611/14-79 произвели на всех впечатление разорвавшейся бомбы.

Программа, проведенная мной 8 ноября с.г., была реакцией на события осени, когда на моих глазах и в отношении меня или близких мне людей различные гос. учреждения – прокуратура, суд, КГБ, органы сов. власти – попирали советские законы и конституцию в невиданных мной ранее масштабах.

Наконец, последняя глупость 10 декабря, когда я не собирался участвовать ни в каких демонстрациях, показывает, что меня уже зачислили в “особо опасные” – ибо отрядом в несколько десятков сотрудников сил безопасности был в этот день удостоен, кажется, только один я.

Налицо чистейший случай выращивания “политического оппозиционера” самим КГБ.

Если принять во внимание, что в 1976-78 гг. я много раз просил разрешить мне покинуть СССР и МВД официально ответило мне, что оно не возражает против моего выезда, а Ваш Комитет еще в 1975г. предупредил меня, что выпустит из страны только “своим человеком”, то можно сделать вывод, что КГБ намеренно держит меня под своей опекой, чтобы, выдержав, как хорошее вино, *сделать* матерого антисоветчика, которым можно будет и отчитаться и оправдать дальнейшее усиление аппарата.

Ведь, говоря откровенно, в современном советском обществе нет дееспособных противников существующего режима.

Все это вызывает во мне беспокойство за собственную судьбу. Сознать свое положение любовно выращиваемой жертвы не очень приятно, а как только подынешь взор от собственной персоны к большому и сложному миру, так видишь, что случай – не частный.

Скрытая оппозиция создается деятельностью Вашего ведомства *на самом деле*, а русская стихия бунта и разрушения не испарилась из толщи масс. Кризис материальных ресурсов и производства – сильный катализатор народного остервенения.

В связи со всем изложенным я хотел бы:

I. – довести до сведения Политбюро некоторые соображения о путях предотвращения надвигающейся национальной катастрофы, которая, по моей оценке, перерастет во всемирную...

II. – если первое невозможно, рекомендую Вам предписать мне покинуть пределы СССР, ибо при существующей здесь до сих пор практике общения государства со своими подданными мое нахождение внутри Большой Зоны объективно наносит вред государственным интересам.

Письма А.Д. Сахарова

Вице-президенту АН СССР Е.П. Велихову (12 августа 1980 г.)

Глубокоуважаемый Евгений Павлович!

Я обращаюсь к Вам с личной просьбой, имеющей для меня большое значение. Я не хочу поэтому писать Вам сейчас об общем во-

просе моего незаконного "вывоза" в Горький и связанных с этим проблемами, хотя среди них есть весьма существенные не только для меня, но и для престижа Академии, а сразу перейду к делу.

Я прошу Вас содействовать в получении разрешения на выезд из СССР невесты нашего сына Елизаветы Константиновны Алексеевой согласно ее заявлению от ноября 1979 года (документы ее находятся в ОВИР Моск. обл.).

...

Я рассчитываю, что Вы правильно меня поймете в том, что при отсутствии поддержки Академии наук СССР я буду вынужден это письмо передать гласности; необходимость этого вызвана трагической ситуацией, в которой находятся мои близкие и я.

...

Трудности Лизы Алексеевой начались сразу же, как только она оказалась связанной с нашей семьей. Она не была допущена к госэкзаменам под ложным предлогом и таким образом не смогла завершить высшее образование; с работы, на которой она была на хорошем счету, ее уволили по распоряжению властей. Главные же трудности возникли при попытке добиться выезда — препятствия возникали на каждом этапе. При попытке Алексея послать ей вызов как невесте советское консульство в США отказалось завизировать вызов (обычное формальное действие), заявив, "что они в этом не заинтересованы". Примерно то же самое заявили в МИД в Москве представителям американского консульства с использованием ложного аргумента, что Алексей якобы вызвал в США свою бывшую жену. Таким образом, власти наглядно продемонстрировали свое особое отношение к этому делу. Трудности Лизы связаны также с позицией ее родителей, убежденных, что все эмигранты становятся агентами ЦРУ. Они готовы всеми силами противодействовать отъезду, обрекая свою совершеннолетнюю дочь на страдания и отчаяние. Их позиция соответствующим образом "подогревается" и направляется. У нас есть тому доказательства. Лишь в ноябре 1979 года после множества препятствий и задержек Алексеева смогла послать свои документы в ОВИР Моск. обл. К ее документам приложена моя и моей жены телеграмма, согласно которой мы готовы принять на себя материальные претензии ее родителей, если у них таковые будут. С тех пор прошло 9 месяцев, но ответа до сих пор нет.

...

*Начальнику теоретического отдела ФИАН акад. В.Л. Гинзбургу
(14 сентября 1980 г.)*

Глубокоуважаемый Виталий Лазаревич!

Поездки моих коллег, сотрудников ФИАН, дающие мне возможность обсудить при личном общении животрепещущие научные вопросы, не отрывать от научной жизни теоретдела, — всегда ценны и радостны для меня. Мне был бы, в частности, очень важен и прия-

тен приезд Ефима Самойловича Фрадкина и Андрея Дмитриевича Линде, о котором Вы пишете. Но сейчас я вынужден просить Вас воздержаться от их командирования. Первая причина – неясность с разрешением на поездку в Горький В.Я. Файнберга и Д.А. Киржница (в особенности важную, в силу близости их научных интересов к моим). Для поездок выделены только четыре сотрудника ФИАН, что вообще выглядит более чем странным. Принципиально недопустимо, чтобы в решении такого вопроса принимали участие какие-либо "инстанции", вообще кто-либо, кроме непосредственно заинтересованных лиц. Я считаю совершенно незаконным объявленный мне 22 января "режим". Но даже этот режим запрещает контакты со мной только для иностранцев и "преступных элементов". Я никак не могу согласиться с тем, что В.Я. Файнберг и Д.А. Киржниц (и остальные – кроме четырех – сотрудники ФИАН) являются "преступными элементами", и я уверен, что Вы также разделяете это мнение.

Вторая причина – в следующем. 12 августа я послал письмо в Президиум Академии наук Е.П. Велихову с просьбой содействовать в получении разрешения на выезд из СССР невесты нашего сына Е.К. Алексеевой. В письме я объясняю, почему этот вопрос приобрел для меня такое важное значение, а также рассказываю, как в это дело была вовлечена партийная организация ФИАН. Ответа из Президиума Академии я до сих пор (14.09) не получил. Фактически Алексеева оказалась в положении заложника, что я никак не могу допустить. Поэтому я вынужден, пока Алексеева не будет выпущена из СССР и пока с сотрудников Теоротдела, кроме четырех, не будет снят запрет на поездки, воздержаться от каких-либо контактов с советскими научными учреждениями, в частности, с Академией наук и с ФИАНом.

P.S. Нетривиальность моего положения возможно вынудит меня опубликовать это письмо.

Открытое письмо президенту Академии наук СССР А.П. Александрову (20 октября 1980 г.)

Уважаемый Анатолий Петрович!

Непосредственным поводом этого письма явилось содержание Вашей беседы о моем деле с президентом Нью-Йоркской Академии наук доктором Дж. Лейбовицем. Эта беседа состоялась 15 апреля, но только сейчас ее запись стала мне доступной. Независимо от этого я считаю важным изложить свою позицию по принципиальным вопросам, дать оценку действиям органов власти в моем деле, ответить на некоторые публичные обвинения, а также дать оценку позиции, занятой моими коллегами в СССР, в частности, Академией наук и ее руководителями.

...

В 1980 г. я в Горьком и Вы, президент Академии наук СССР, беседуете с президентом Нью-Йоркской Академии наук, специально

прилетевшим из США, чтобы встретиться с Вами. Что же Вы ему ответили? К сожалению, Вы говорили в духе позорного заявления со- рока академиков 1973 года, которое тогда положило основу моей травли в печати, но только с еще большим цинизмом и неуважени- ем к здравому смыслу собеседника, Вашего и моего коллеги по на- уке.

Да, я в лучших условиях, чем те мои друзья, которые осуждены на многолетние сроки или ждут суда. Среди них много наших с Вами коллег, назову лишь некоторых – биолог Ковалев, физик-теоретик Орлов, математики Великанова и Лавут, молодой уче- ный-кибернетик Шаранский, медики Некипелов и Терновский, ма- тематик-кибернетик Болонкин (только последнего я не знаю лич- но). Все они не нарушали законов страны, не прибегали и не призы- вали к насилию, словом и пером пытаясь осуществить свои идеалы – как и я, и нас нельзя отделить. Я считаю, что было бы естествен- но, если б Академия наук защищала репрессированных ученых, а не допускала в лице ее президента клеветы в их адрес. Но мое дело от- личается тем, что в нем власти отбросили даже ту жалкую имита- цию законности, которую они изобразили при преследовании ина- комыслящих в последние годы, и это недопустимо – как преце- дент и как рецидив. Ни одно из официальных учреждений, призван- ных осуществлять закон, не взяло на себя ответственности за акт моей депортации. Вы знаете так же хорошо, как и я, что по обще- принятым юридическим нормам *только суд* может установить ви- новность человека, определить ему меру наказания и обязательно – его срок. Мое же дело во всех этих трех аспектах – вопиющее беззаконие, поэтому мое требование открытого суда – глубоко серьезно и принципиально. Я не прошу о милости – я требую спра- ведливости. Вы говорите, что я могу заниматься в Горьком наукой. Да, я работаю, но не представляю Академии наук, способствующей организации для меня шарашки на одного, говорить об этом как о чуде. Да, у меня есть крыша над головой (в Горьком гово- рят, что эта квартира – бывшая явка КГБ), а жена привозит из Москвы мясо, масло, творог и сыр, которых нет в Горьком. Нару- шение закона, которое Вы пытаетесь этим оправдать, от этого не меньше. Совершенно беззаконным (ссылным согласно Исправи- тельно-Трудовому Законодательству такого не устанавливают) яв- ляется режим, который установили для меня – кто? КГБ, МВД, Прокуратура? Я этого не знаю, и Вы тоже не сможете ответить на этот вопрос. У моей двери круглосуточно стоит милиционер, лю- бой посетитель попадает в милицию и имеет крупные неприятности. Я узнаю лишь через много времени о таких попытках близких мне людей, врача и друга, восьмидесятилетней тети, об остальных могу никогда не узнать. Но помимо милиционера и втайне от него – че- рез окно – в квартиру попадают сотрудники КГБ, нарушая право неприкосновенности жилища и создавая тем потенциальную опас- ность для меня. Вы не ответили на телеграмму моей жены об этом в июле этого года, я считаю это недопустимым. Для меня установ-

лена персональная глушилка – фирма не жалеет затрат – еще до того, как в СССР возобновили глушение, круглосуточно бесстыдная наглая слежка – агенты следуют по пятам всюду, заглядывают в окно, забегают впереди меня на почту, чтобы я не мог позвонить.

В беседе с доктором Лейбовицем Вы намекаете на нарушение мной государственной тайны и при этом голословно обвиняете моих друзей, утверждая, что кто-то пытался вывезти какие-то секреты, полученные им прямо от меня или через друзей. Станным образом отождествляя себя и Академию наук с органами сыска, Вы говорите, что "мы задержали этого человека". Но юридические факты отличаются от демагогии и обывательских разговоров конкретностью. Тут ее не было – и быть не могло. В таких серьезных вещах голословное утверждение имеет и другое значение – клевета. Вы с удивительным юридическим легкомыслием заявляете, что за мои призывы к иностранным правительствам меня можно осудить на пять лет заключения – почему на пять? Ст. 190-1 УК РСФСР – срок три года, ст. 70 – срок 7 лет, ст. 64 – до 15 лет или смертная казнь Вы также заметили, что меня можно было и убить, как Кеннеди или Кинга. Я не член иностранных парламентов и никогда никого не призываю. Но я считаю себя обязанным высказать свое мнение по острым вопросам и осуждать те действия СССР, которые прямо противоречат принятым им на себя международным обязательствам и международным нормам.

...

12 августа 1980 года я обратился к вице-президенту Академии наук СССР академику Е.П. Велихову и в его лице к Президиуму АН и к Вам лично с просьбой помочь в деле, которое стало особенно важным для меня. История его такова. Неоднократные угрозы в адрес детей и внуков (начиная с "визита" террористов Черного Сентября в 1973 году), притеснения и провокации вынудили нас уговорить их эмигрировать. Это решение было непростым и до сих пор воспринимается трагически. У сына осталась в СССР невеста Елизавета Алексеева, вот уже три года она не может выехать к любимому человеку, подвергается шантажу и угрозам КГБ. Ко мне в Горький ее, члена нашей семьи, не пускают. Опасаясь за ее жизнь, моя жена вынуждена большую часть времени проводить в Москве. Фактически Лиза Алексеева стала заложником. Я просил ходатайствовать о получении ею разрешения на выезд. В течение двух месяцев вице-президент вообще не отвечал мне на это письмо и на неоднократные телеграммы. Лишь 14 октября вечером пришла телеграмма, что им "предпринимаются меры по выяснению возможности выполнения Вашей просьбы". Совершенно непонятно, почему это так сложно, если человек никогда не имел отношения ни к каким государственным секретам. У меня создается впечатление, что эта телеграмма – не более как уловка КГБ с целью оттяжки времени. Сам факт заложничества, связанный со мной, для меня совершенно непереносим, я вынужден и в этом деле обратиться за поддержкой к моим коллегам за рубежом.

Вы говорили доктору Лейбовицу о приезде ко мне моих коллег из ФИАН как о доказательстве того, что у меня есть возможности для научной работы. Но как бы ни были важны для меня эти визиты в условиях изоляции от общения с кем-либо, при недостатке литературы и т.п., совершенно недопустима полная их зависимость от контроля КГБ, выбирающего нужные ему моменты приезда ко мне ученых и состав участников. Так, первый приезд фиановцев был приурочен к приезду доктора Лейбовица, чтобы Вы могли о нем упомянуть при встрече с ним, а второй — к приезду секретаря Национальной Академии США с той же демонстративной целью. Я работаю в ФИАНе с 1969 года, а до этого с 1945 по 1950 год, и должен иметь право на основании своего желания, а не по контролю КГБ, выбирать, с кем я буду говорить о науке.

Я писал о недопустимости контроля КГБ академику Гинзбургу в письме от 14 сентября и просил воздержаться от командирования сотрудников ФИАН. В силу обеих этих причин — позиции Академии наук и недопустимых условий контактов с ФИАН — я прерываю свои официальные научные контакты с советскими научными учреждениями, в частности, с Академией наук и ФИАН, и настоящим извещаю Вас об этом.

Перед Общим собранием АН СССР в марте 1980 года я обратился в Президиум АН СССР с просьбой обеспечить мой приезд для участия в Общем собрании, что является моим правом и обязанностью согласно Уставу. Я получил ответ "Ваше участие в Общем собрании не предусматривается". Смысл этих слов был наглядно продемонстрирован действиями гебистов, с пистолетами в руках не пустивших меня в вагон поезда Горький — Москва вечером 4-го марта накануне Общего собрания, когда я провожал на вокзал свою тещу и хотел занести ее чемоданы. Таким образом, Президиум АН допустил возможность вмешательства КГБ в дела Академии, формально оставив меня членом АН, но лишив одного из основных прав академика.

Посылая Вам это открытое письмо, я надеюсь, что Вы аргументированно ответите мне так же открыто по всем поднятым в нем вопросам, особо же по следующим из них:

— готово ли руководство АН СССР в соответствии с пожеланиями мировой научной общественности активно защищать мои нарушенные права и права других репрессированных ученых?

— готово ли руководство АН СССР потребовать моего немедленного возвращения в Москву и определения открытым судом моей виновности или невиновности в нарушении закона, и в случае установления вины — меры и срока наказания?

— готово ли руководство АН СССР решительно, и на деле, а не на словах, защищать меня от шантажа в отношении члена моей семьи Е. Алексеевой, способствуя ее выезду из СССР?

Я вновь обращаю Ваше внимание на то, что позиция Академии наук и ее руководства не только в моем деле, но и в делах других репрессированных ученых не соответствует традиционному понима-

нию солидарности ученых. Сейчас ученые несут на себе большую долю ответственности за судьбы мира, и это обязывает их к независимости от кастово-бюрократических институтов, и, тем более, от партийной полиции, называется ли она ФБР или КГБ. Я все еще надеюсь, что Академия наук СССР проявит такую независимость.

25 ноября эти письма были переданы иностранным корреспондентам. До этого Сахаров, надеясь получить ответ, огласке их не предавал.

После суда над Сокирко

В середине октября "куратор" В. Сокирко (суд – Хр. 58) попросил его встретиться с корреспондентом АПН. 24 октября эта встреча состоялась. В конце ее Сокирко подписал "Заявление для печати", однако уже на следующий день он начал сожалеть об этом и по телефону отказался от него (поэтому "Хроника" не публикует его).

12 ноября С.В. Каллистратова написала "Открытое письмо Сокирко В.В. (К. Буржуадемов)", в котором она ставит перед Сокирко в связи с его "Заявлением для печати" 8 вопросов.

15 ноября Сокирко отправил в АПН письменный отказ от "Заявления для печати" и, взамен него, "Заявление для западных читателей".

16 ноября И. Ковалев и еще 2 человека пришли к Сокирко и показали ему "Открытое письмо" Каллистратовой. Ковалев сказал Сокирко, что, по словам одного из его знакомых, в одной из западных радиопередач излагалась позиция Сокирко, похожая на его "Заявление для печати", и что Каллистратова хотела бы узнать отношение Сокирко к своему "Открытому письму"; после этого она решит, публиковать ли его в Самиздате. Сокирко ответил, что он может ответить Каллистратовой только частным письмом. (В одной из самиздатских публикаций Ковалев выразил сожаление "по поводу того, что он, хотя и объяснил Сокирко цель своего визита, но, уходя, не переспросил его снова, поняв отсутствие возражений со стороны Сокирко относительно публикации письма Каллистратовой как его молчаливое согласие на такую публикацию".) Сокирко также сказал гостям, что он послал в АПН отказ от "Заявления для печати" и "Заявление для западных читателей", но не может передать это последнее заявление в Самиздат.

7 декабря Каллистратова отправила свое "Открытое письмо" в АПН. В Самиздате были напечатаны "Заявление для печати" Сокирко и "Открытое письмо" Каллистратовой.

12 декабря Г. Павловский написал "Открытое письмо С.В. Каллистратовой". Автор ставит и обсуждает вопрос "Нужно ли уметь капитулировать?"

13 декабря Сокирко написал Каллистратовой частное письмо, являющееся ответом на ее "Открытое письмо".

22 декабря Л. Ткаченко, жена Сокирко, написала "Открытый ответ на "Открытое письмо Каллистратовой С.В." В приложениях к своему "Открытому ответу" Ткаченко поместила "Заявление для западных читате-

лей" Сокирко, "Открытое письмо" Каллистратовой и ту часть ответного письма Сокирко, в которой он отвечает на вопросы Каллистратовой (поэтому "Хроника" считает возможным опубликовать их).

Прочитав письмо Ткаченко, Каллистратова в частной беседе заявила, что не желает больше принимать участия в этой бесплодной дискуссии и сожалеет, что "ввязалась в эту историю".

* * *

Заявление для западных читателей
от гражданина СССР Сокирко Виктора Владимировича,
бывшего члена редакции журнала "Поиски" и составителя самиздатских сборников "В защиту экономических свобод" (под псевдонимом К. Буржуадемов), арестованного 23.1.1980 г., освобожденного 4.9.1980 г. и осужденного Мосгорсудом к трем годам лишения свободы условно.

Главная цель моего сообщения: подтвердить перед зарубежными читателями, что мои заявления (в суде 29.9.80 г. и недавнее — 24.10.80 г.), переданные на Запад через АПН, сделаны мною вполне осознанно.

К сожалению, специфика давних традиций однопартийности советской печати вынуждает пользоваться не своими словами, и оборотами, прибегать к умалчиванию и недоговоркам в передаваемых через АПН заявлениях, что может привести и приводит западного читателя (особенно, если он знаком с моими самиздатскими работами) к мысли о том, что эти заявления составлены лишь под давлением. Такое мнение уже сложилось относительно первого заявления. Второе должно было исправить этот эффект, но думаю, что получится обратное. Я совсем не намерен винить корреспондента АПН, который помогал мне составить заявление от 24.10.1980 г., — он действовал очень мягко и буквально очаровал меня, но мой нулевой опыт общения с печатью и инерция тюремных воспоминаний привели к тому, что и второе заявление не похоже на свободную речь. Поэтому я надеюсь, что это последнее заявление, передаваемое читателям уже через западного корреспондента, окончательно прояснит и закроет для них "вопрос о Сокирко".

* * *

Дело в том, что я действительно не считаю себя "жертвой советского режима", а, напротив, благодарен нашим властям за свое освобождение.

В суде я утверждал, что невиновен в клевете на советский строй, но при этом просил не оправдания, а лишь снисхождения, потому что знал, что, хотя по действующему законодательству распространение любых взглядов не наказуемо, по мнению очень многих моих соотечественников (уверен, что их подавляющее большинство) я за многолетнее осуждение своих буржуазно-коммунистических

взглядов достоин даже большего наказания, чем предусмотрел закон по предъявленной мне статье. (Фразу "Стрелять таких надо!" я слышал много раз и от разных людей.) В народном сознании понятия "Родина", "советская власть" или "советское государство" слиты воедино. В самой жизни я вижу, как верен старый гегелевский тезис: "Каждый народ достоин того правительства, которое им управляет". Думаю, что в этом — основная трагедия части советских диссидентов.

Так случилось и со мной. Как видно из моих самиздатских работ, охваченный острой тревогой за будущее страны, за низкую эффективность экономики, за падение трудовой активности при росте потребительства, за растрату природных богатств и бесхозяйственность, за топтание перед назревшими реформами, за опасное стремление к излишнему внешнему влиянию и т.д. и т.п., я искренне считал свою самиздатскую деятельность исполнением гражданского долга и потому в запальчивости игнорировал предупреждения следственных органов. А вот в тюрьме, куда меня посадили именем народа, я с горечью согласился, что мои взгляды и действия противоречат взглядам и желаниям нашего народа, а моя деятельность в этом смысле может быть названа антинародной или антиобщественной. В различии этих оценок нет неправды, а лишь противоречие между Будущим и Настоящим. До ареста отказ от "Хроники текущих событий" и самиздата звучал для меня предательством будущей Родины (об этом я писал в письме "К аресту Т.М. Великановой"), а после ареста мне пришлось думать о том, как остаться в мире с сегодняшней Родиной. До ареста я мог думать, что народ и государство все же пойдут на прямой диалог, все же будут учитывать и мои советы; после ареста стало ясно, что в их глазах я только предатель и преступник. Поэтому я и заявлял, что приму любой приговор советского суда с пониманием как приговор народа.

Я не отказался от своих убеждений (суд этого и не требовал, да никто и не может изменить своих убеждений по требованию), не отказался ни от своей тревоги за будущее, ни от стремления сделать для него все, что в моих силах. Но теперь самиздатская деятельность для меня закрыта — я сам это понял и решил это еще до суда, ибо ее возобновление почти автоматически повлечет за собой новую тюрьму или эмиграцию, т.е. фактическое исчезновение. Ни того, ни другого я не хочу. Мне остается теперь только жить обычно работающим советским человеком и лишь вспоминать, что часть своей жизни я отдал безбоязненному обдумыванию и обсуждению судеб страны в самиздате, зная, что написанное мною в эти годы, если оно имеет смысл и значение, уже живет независимой от меня жизнью. Надеюсь, что будущее выдвинет новые, более приемлемые для советских людей (и властей) формы свободной идейной жизни и разовьет все ценное, что сделано нами.

Я убежден, что такое возвращение из тюрьмы к обычной жизни лучше исчезновения. Хотя, конечно, это лишь мое мнение.

Моим коллегам по журналу "Поиски" В. Абрамкину и Ю. Гримму выпало иное: путь в лагерь. Я разделяю восхищение их твердостью и высокими нравственными качествами, сочувствую горю их родных и им самим в нелегкой участи, но вместе с тем и сожалею, что они не искали взаимопонимания со следственными и судебными властями (ср. следующее место из письма В. Абрамкина, опубликованного в Хр. 58: "Заключение специалистов", с которым я ознакомился при закрытии дела, давало повод к робкой надежде на диалог, пусть с крайне урезанными правами для нас и по навязанным ими бесчестным правилам, но все же диалог. ... Я честно подавал ходатайство за ходатайством, я соглашался ждать философов и историков в качестве ли специалистов, экспертов, в каком угодно, кого угодно, ждать хоть месяц, хоть год сидя под стражей без суда. ...я использовал *все* возможности добиться диалога. И не моя вина в том, что он не состоялся". — Хр.) и не вышли из тюрьмы. А ведь в конце 1979 г. они, как мне кажется, начинали поиски выхода из противостояния с властями, соглашаясь с другими членами редакции журнала о необходимости его приостановки (т.е. фактически о самороспуске редакции). Аресты помешали этому поиску. На собственном примере знаю, что в тюрьме такой выход находить много труднее, что он сопряжен там с прямыми нравственными потерями, компромиссами с совестью. Но и отказываться от таких поисков, идти на максимально суровый приговор, на рост горя и ожесточения — тоже плохо, а для меня лично было бы изменой своим либеральным принципам. Убежден: выйдя из тюрьмы и никому не навредив, я поступил честно и последовательно в основном — в поисках взаимопонимания и сосуществования диссидентов и властей.

* * *

Наконец, я должен объяснить и самое трудное: хотя я сторонник свободного распространения информации и идей и был благодарен за публикацию на Западе моей первой книжки и статей, а потом — за проявление сочувствия и помощь семье во время моего заключения, но к своему невольному участию в усиливающейся на Западе пропагандистской кампании против "советского тоталитаризма", т.е. в идеологической войне, я отношусь отрицательно.

В свих предыдущих заявлениях через АПН я протестовал против использования моих работ и имени во враждебных стране и советскому государству целях и приводил пример этому: в апреле этого года парижская газета "Русская мысль" в статье о моем аресте соединила мою биографию с такими выражениями как "палачи с Лубянки", "многолетний террор большевиков", т.е. типичными антисоветскими штампами, пригодными лишь для посева ненависти. У человека либеральных взглядов это вызывает возмущение, тем более у меня. Теперь, побывав в советской тюрьме, я это знаю определенно: даже в самых трудных условиях — среди уголовни-

ков, или в карцерном сыром подвале, или на 15-м дне голодовки — я испытывал к следователям и надзирателям, приведшим меня к этому, самые разные чувства, включая и возмущение и озлобление, но никогда не терял при этом ни понимания необходимости их работы, ни даже человеческих симпатий ко многим из них.

Но дело не только в антисоветских штампах.

Я люблю западную цивилизацию, убежден, что и к осуществлению коммунистических идеалов моя страна может реально подыматься только через самостоятельно выбранный западный путь развития. И сознавать, что развитие может быть прервано всеразрушительной войной (причем против нас будет, видимо, Китай в союзе с Западом) и что сам можешь оказаться причастным к ее идеологическим истокам, просто непереносимо.

Я боюсь втягивания западных государств во внутреннеполитическую борьбу в нашей стране, боюсь перерастания внутренних конфликтов между диссидентами и властями в международную напряженность. Поэтому я всегда крайне настороженно относился к западной помощи. Поэтому на суде признал свою политическую вину за возможное использование моего имени и работ противниками нашей страны за рубежом. Поэтому сейчас с Вашей помощью я обращаюсь к средствам массовой информации: забудьте обо мне, избавьте меня от комплекса вины за рост неприязни между советским и западными народами и государствами. Я не нуждаюсь ни в чьей помощи, особенно сейчас, после освобождения. Пусть лучше ваши силы будут больше направлены на поиски взаимопонимания между нашими странами.

В заключение хочу поблагодарить Вас за проявленную возможность полностью высказаться и подтвердить, что данное интервью — для меня первое и последнее, что оно вызвано не совсем удачными заявлениями, переданными через АПН, что больше моих выступлений в печати не будет, потому что я твердо собираюсь выполнять принятые на себя обязательства.

Открытое письмо Сокирко В.В. (К. Буржуадемову)

24 октября 1980 г. Вы передали Агентству печати "Новости" Ваше заявление для печати по поводу состоявшегося над Вами суда. Мне неизвестно, как распорядилось АПН Вашим заявлением. В советской печати оно до сих пор не появилось, но Вами оно подписано и передано.

Я не хочу вступать с Вами в какой-либо спор, не хочу оправдывать или, наоборот, упрекать Вас. Но, зная Вас как человека, способного логически мыслить, хочу поставить перед Вами несколько вопросов, возникающих при чтении Вашего заявления для печати:

1. Если Вы в течение почти двух лет искренне считали свое участие в редактировании журнала "Поиски" и публикацию в нем своих статей "исполнением своего гражданского долга", то почему

только во время более чем шестимесячного пребывания в тюрьме Вы нашли "достаточно времени для анализа своих поступков . осознания причины происшедшего"?

2. Если заключение в тюрьму (дома осталось четверо детей) где, как теперь стало известно, Вы некоторое время находились в подвальном карцере и 15 дней держали голодовку, Вы не считаете давлением на Вас, то что тогда явилось бы "давлением"?

3. На основании каких данных Вы утверждаете, что по мнению "абсолютного большинства" Ваших сограждан материалы, публикуемые в журнале "Поиски", приносят ущерб советскому народу, если ни один из этих материалов не был опубликован в советской печати, а следовательно, народ не мог не только выразить, но и составить мнение по этим вопросам?

4. Вы считаете, что Ваш арест "был закономерен". Считаете ли также закономерным арест соредкторов журнала "Поиски" Валерия Абрамкина и Юрия Гримма?

5. Суд вынес приговор, которым Вы признаны виновным по ст. 190-1 УК РСФСР, т.е. в составлении и распространении *заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй*. Иными словами, Вы осуждены за *клевету*. За этот приговор Вы благодарите советское правосудие. Означает ли это, что Вы *признаете* себя, а также других соредкторов журнала "Поиски" и авторов этого журнала *клеветниками*?

6. Вы заявляете, что осознали свою *политическую* вину перед народом и государством. Признаете ли Вы свою *юридическую* вину, т.е. состав уголовного преступления в Ваших действиях? Считаете ли Вы себя политическим или уголовным преступником? Как Вы относитесь к официальным заявлениям ряда ответственных советских руководителей о том, что у нас нет политических преступников и политических заключенных?

7. Вы заявляете, что никогда и никого не просили за рубежом о своей защите. Считаете ли Вы, что кто-либо из находящихся в советской тюрьме (в частности, Вы, или Абрамкин, или Гримм) имеют практическую, реальную возможность обратиться с какой-либо просьбой к любому лицу или организации за рубежом?

И последний, второстепенный вопрос: Читали ли Вы когда-нибудь издающуюся в Париже газету "Русская мысль" и какой информацией Вы пользуетесь, именуя эту газету "органом НТС"?

Если мое открытое письмо не будет опубликовано в открытой печати (что вполне вероятно) и если Вы будете лишены возможности ответить через газету (что также вероятно), то я буду рада получить от Вас письменный ответ по моему домашнему адресу: Москва, 121069, ул. Воровского 18, кв. 17.

Из "Открытого письма С.В. Каллистратовой" Г. Павловского:

...
...как получилось, что первым произведением К. Буржуадемова, задевшим – и больно задевшим – за живое многих из нас, стало его заявление в АПН?

...
Виктор Сокирко, под псевдонимом и без, десять лет кряду твердил нам о *компромиссе*, о негодности Противостояния в качестве политического инструмента для решения общих, национальных задач. О необходимости упорно искать предпосылки такого компромисса и понятия для такого языка, которым граждане могли бы разговаривать друг с другом...

...
Физически ощущая глухоту, надвигавшуюся с двух сторон, особенно ту, что ближе – диссидентскую, самиздатскую глухоту, он ... лихорадочно писал последние статьи перед арестом, что составили хребет восьмого номера "Поисков" – статьи о компромиссе, о диалоге со сталинистами, о солидарном отвращении политической и экономической разрухи...

...
И тем не менее – Виктор Сокирко платит не за выход на волю. Он платит цену своих сомнений. Сегодня этой ценой оказывается капитуляция. Это высокая цена за право на неуверенность. Но завтра, быть может, она не покажется такой высокой. ...

Позвольте мне считать безумие Сокирко нравственно равноценным аристократизму Абрамкина. Оба этих достойных человека с равной самоотдачей свидетельствуют о судьбе движения... Поступкам этих людей можно верить на слово – каждому на его собственное, свое. ...

Из письма С.В. Каллистратовой:

Уважаемая Софья Васильевна!

Отвечаю на Ваше письмо от 7.12.1980 г. сначала по его пунктам:

1. Известно, что в тюрьме действительно много времени "для анализа своих поступков". Однако таким анализом я занимался и до ареста. У К. Буржуадемова всегда была точка зрения, совмещающая членство в редколлегии "Поисков" с принципиальной лояльностью к советской власти. В этом легко убедиться по моим прежним статьям.

2. Без сомнения, заключение в тюрьму является давлением и я этого никогда не отрицал. В заявлении 24.10.1980 г. я возражал лишь против того, что занятая мною позиция и заявление в суде были вызваны *только* давлением и угрозами. Признание своей политической вины за возможное использование моей ситуации противниками советской власти сделано мною по убеждению.

3. Я никогда и нигде не говорил, что материалы журнала "Поиски" приносят ущерб советскому народу. Но по опыту личного общения с многими советскими людьми, обсуждая с ними свои убеждения, знаю, что мои статьи (говорю лишь о них) они сочли бы преступлением (по принципу "Стрелять за такую писанину надо"). От понимания этого положения взгляды измениться не могут (я остаюсь инакомыслящим), но и питать иллюзии о народной поддержке я не могу.

4. В тюрьме я пришел к выводу, что "мой арест был закономерен" в смысле "неизбежным" (а совсем не в том смысле, что он был юридически законным). Думаю, что и арест В. Абрамкина был неизбежным, а вот почему арестовали Ю. Гримма вместо разрешения эмигрировать (как П.М. Егидесу), не понимаю до сих пор.

5. Я никогда не признавал ни себя, ни других редакторов и авторов журнала "Поиски" клеветниками, что подтверждается записью суда в приговоре: "С заявлением Сокирко, что помещенные в журнале "Поиски" и в сборниках "В защиту экономических свобод" и исследованные в судебном заседании материалы заведомо ложными не являются, судебная коллегия не может согласиться..." Благодарил же судебные и следственные власти я не за приговор, признавший меня преступником, а за фактическое освобождение от наказания.

6. Да, я отрицал состав уголовного преступления в своих действиях, но понимал практическую неизбежность своего осуждения ввиду резко отрицательного отношения к моим действиям властей и большинства советских людей, просил у суда не оправдания, а лишь снисхождения и смягчения наказания.

В глубине души я не считал себя ни политическим, ни уголовным преступником, но суд признал меня виновным в клевете на советский строй, что УК РСФСР считает уголовным преступлением. К официальным заявлениям советских руководителей, что у нас нет политических преступников и политзаключенных, я никак не отношусь, потому что не читал таких заявлений. Если такие и вправду делались, то это лишь формальная точка зрения, ибо по закону даже такая чисто политическая статья, как "антисоветская пропаганда" (ст. 70), входит именно в Уголовный кодекс.

7. Общеизвестно, что лица, находящиеся в следственном изоляторе на предварительном заключении, имеют право сношения с внешним миром лишь через следователя, поэтому, конечно, обращаться с жалобами за рубеж они практически не могут — только неофициальным путем, что очень трудно. Что касается меня, то свое сдержанное отношение к помощи из-за рубежа я высказывал еще до ареста. Конечно, я благодарен за помощь и поддержку, оказывавшуюся моей семье во время моего заключения, но не хочу, чтобы моя ситуация тем или иным образом использовалась против наших властей, обостряла внешнеполитические отношения.

8. Наконец, я сожалею, что в заявлении 24 октября 1980 г. назвал парижскую газету "Русская мысль" органом НТС – по настоянию и убеждению корреспондента АПН. Наверное, с его стороны это была недобросовестность, с моей же – огорчительная доверчивость.

...

Из "Открытого ответа на "Открытое письмо" Каллистратовой С.В.:

Дорогая Софья Васильевна!

Вам известно, что мой муж Виктор Сокирко дал обязательство властям не выступать в самиздате. Вы поставили его перед выбором: открыто защитить себя и сестр в тюрьму или молчанием как бы согласиться с Вашим обвинением и опозоренным "уйти в частную жизнь".

Он согласен уйти в частную жизнь, но не согласен терять доброе имя. Семь тюремных месяцев ему долбили: "Признайте себя клеветником и вернитесь к семье, а нет – написанного Вами на три 70-е статьи хватит". В конце концов власти пошли на компромисс: согласились обойтись без показаний на других и без признания деятельности своей и его товарищей по "Поискам" клеветнической, а Витя согласился на заявление, в котором были чужие и неправильные слова.

...

Прежде чем касаться самих ответов на Ваше письмо, напомним историю наших последних встреч.

1. Накануне суда, 28.9.80 г., Витя приезжал к Вам советоваться. Вы говорили тогда, что надо перестать сидеть между двумя стульями, что невозможно не признать на суде себя клеветником и надеяться на свободу. И даже советовали не рисковать, а попросту признать себя виновным, а потом заняться "шахматами", например. Витя с Вами не согласился, но Ваши советы я восприняла как тревогу за него. Помните ли Вы этот разговор?

В октябре я показала Вам свою запись Витиногo суда. Вы прочли ее без оценок, но, судя по "Открытому письму", постарались прочно забыть ее. Сейчас я делаю часть этой записи открытой (см. приложение 1) и тем лишаю Вас возможности ее игнорировать. Я привожу все существенное, что Витя говорил на суде, не исключая и плохие, запрограммированные моменты.

Прочитайте еще раз и скажите: опозорил ли Витя "Поиски" и сборники "В защиту экономических свобод" своей откровенной и лояльной защитой? Согласился ли признать их клеветническими? Предал ли он главную идею "Поисков" – идею взаимопонимания – или он отстаивал ее на суде, как и на воле, всеми силами? Предал ли он своих товарищей – В. Абрамкина и Ю. Гримма или вместе с ними защищал главную идею "Поисков"?

2. Теперь я напомню Вам, что про обстоятельства, связанные со злополучным Витиным заявлением для АПН (только для заграницы), Вы узнали от нас на другой день после его подписания. Узнали, что Витя считает его самой крупной своей ошибкой, что уже отказался от него по телефону и с отчаянья готов встретиться с иностранным корреспондентом, чтобы свободно и полностью объяснить западным читателям свою позицию. Отказавшись помочь встрече – и за себя, и за своих друзей, Вы успокаивали меня, уверяя, что АПН-ское заявление, конечно, неприятно, но все же в рамках допустимого, что никто, кроме очевидных экстремистов, Витю осуждать не будет, а риск тюрьмы за такое интервью чрезвычайно велик. Вы вернули мне текст предполагаемого интервью, а АПН-ское заявление попросили оставить для того, чтобы сравнить с официальной публикацией, если АПН на нее решится.

Сожалая о Вашем отказе (оказалось, что действительное понимание Витей своей ситуации не нужно ни АПН, ни Вам), мы не могли не быть благодарны Вам за обережение. 15 ноября он послал в АПН письменный отказ от заявления с приложением взамен текста несостоявшегося интервью. Об этом Вам стало известно через пару дней и потому о Витиной позиции Вы обязаны были судить по этому документу. Тем не менее, Вы его игнорировали, объяснив "Оно еще хуже!", что привело Витю просто в ужас: выходит, что для Вас заявление, написанное под "обаятельным нажимом" АПН-овца, лучше, чем свободное изложение своей позиции.

Сейчас я своей волей открываю Витино "Интервью для западных читателей" (см. приложение 2), чтобы никто не имел возможности игнорировать его, изображая из Сокирко клеветника и отступника.

3. 16 ноября к нам домой пришли трое Ваших друзей. Они пришли ночью, когда я спала, и ночью же ушли и, как мне потом рассказывал сын, были очень похожи на трибунал, когда на кухне за чаем припирали растерянного отца вопросами. Они официально сообщили, что содержание АПН-ского заявления уже передается по западному радио, а затем показали Вите Ваше Открытое письмо, попросив выразить свое отношение. Конечно, они не говорили возможности предотвращения Вашего письма и не спрашивали разрешения на распечатку Витиного заявления. Письмо с подкотлым заявлением было совершившимся фактом.

Впрочем, Витя говорил, что чувствовал, как от него ждут раскаяния и просьбы о помиловании. Он не сделал ни того, ни другого, заявив, что о своем выходе из тюрьмы не жалеет. ...

...Ваши друзья копию Вашего письма не оставили, пообещав прислать вскорости. Это обещание они не выполнили, информация о передаче западным радио АПН-ского заявления не подтвердилась, а результат ночного разговора был представлен Вам (по Вашему утверждению) как согласие Вити на обнародование АПН-ского заявления и Вашего письма.

...

4. В начале декабря мы узнали, что блок из Вашего письма и Витинового заявления ходит по рукам. 10 декабря мы получили, наконец, Ваше письмо (после моего напоминания по телефону). 15 декабря я отвезла Вам Витин ответ. Я волновалась при встрече предельно, т.к. ждала чуда, вроде "не Вами это сделано". А получила тягостный, как Вы сказали, разговор. Вы сразу начали порывисто отвергать пункты Витинового ответа. Похоже, Вам очень хотелось вернуть это письмо, забыть его. В нашей просьбе сделать публичные объяснения по хорошо известным Вам обстоятельствам и Витиным ответам Вы отказали.

И потому я решаюсь сделать открытой часть Витинового письма (см. приложение 3) – вместе с Вашими вопросами, конечно, – чтобы лишить Вас возможности делать вид, что ответы на них "логически" невозможны.

Документы Московской группы "Хельсинки"

№ 120 (29 января 1980 г.). *Преследования свободного московского журнала "Поиски" продолжаются (Хр. 56).*

№ 132 (26 мая 1980 г.). *О повторных арестах и осуждениях правозащитников, отбывающих или отбывших наказание.*

№ 138 (20 августа 1980 г.).

...

Сейчас на Западе раздаются голоса за бойкот Мадридского совещания в связи с вторжением советских войск в Афганистан.

Мы считаем такой бойкот неправильным. Мадридское совещание может и должно стать форумом, который способен снова привлечь общественное внимание к проблемам прав человека, неразрывно связанным с общемировой безопасностью.

...

№ 139 (27 августа 1980 г.). *О кассационном суде над В. Некипеловым (25 августа Верховный суд РСФСР оставил приговор Владимирского областного суда – Хр. 57 – без изменения).*

№ 140 (29 августа 1980 г.). *Суды над Татьяной Великановой и священником Глебом Якуниным (Хр. 58).*

№ 141 (23 сентября 1980 г.). *О суде над Огородниковым (Хр. 58).*

№ 142 (25 сентября 1980 г.). *О повторном осуждении Размика Маркосяна (Хр. 58).*

№ 143 (26 сентября 1980 г.). *Суд над Иосифом Дядькиным и Сергеем Горбачевым (Хр. 58).*

№ 144 (2 октября 1980 г.). *Суд над Вячеславом Бахминым (Хр. 58).*

- № 145 (10 октября 1980 г.). *Суд над Валерием Абрамкиным* (Хр. 58).
- № 146 (30 октября 1980 г.). *30 октября – День политзаключенных СССР*.
- № 147 (13 ноября 1980 г.). *Суд над Юрием Гриммом* (Хр. 58).
- № 148 (13 ноября 1980 г.). *Новое осуждение угрожает Паруйру Айрикяну* (см. "В тюрьмах и лагерях" в наст. вып.).
- № 149 (25 ноября 1980 г.). *Репрессии против евреев-отказников в Киеве* (см. "Право на выезд" в Хр. 56, 57 и наст. вып.).
- № 150 (12 декабря 1980 г.). *Осуждение Вазифа Мейланова* (см. наст. вып.).
- № 151 (17 декабря 1980 г.). *Разгон мирной демонстрации 10 декабря на пл. Пушкина в Москве* (см. "День прав человека в Москве" в наст. вып.).

НОВОСТИ САМИЗДАТА

Геннадий Перьков. *Осторожно сталинизм!* (1980 г.)

Автор заявляет об успехах партии в развитии народного хозяйства, но считает, что "партия действует в нарушение законов общественного развития". В конце статьи он пишет:

Нежелание однопартийного правительства расстаться со сталинскими методами руководства пугает всех честных людей и убивает в них всякую надежду на то, что им когда-нибудь придется заговорить во всеуслышание без страха быть за это наказанными. Подрывает веру в саму идею коммунистических взаимоотношений. ...

В сталинскую эпоху инакомыслящих партия квалифицировала как врагов народа и расстреливала их. Позднее им начали уделять внимание, выражать сочувствие и уверять, что справедливость возторжествует. Спустя же некоторое время инакомыслящих стали называть отщепенцами и высылать за пределы страны, что соответствует моральному уничтожению личности. ...

КПСС, являясь производной человеческой мысли, поставила перед собой задачу подчинить себе саму мысль, чем положила начало собственного разложения. Отмирание политики "единства" КПСС сегодня стало так же очевидно, как и естественно. И тот, кто в условиях однопартийной системы держится за метод партийного "единства", тот никогда не приведет общество к коммунизму. Коммунизм – это прежде всего Свобода и Закон для всех.

На основании всего мы делаем наше главное заключение: СССР должен встать на путь перерождения из государства партийной власти в подлинно общенародное государство с обязательным представительством инакомыслящих в Советах.

И. Ковалев. *Возможная позиция* (декабрь 1980 г., 7 стр.)

Автор предлагает для обвиняемого по политической статье некую линию поведения на суде. Он предлагает участвовать в исследовании вопроса о наличии у обвиняемого умысла "подрыва или ослабления Советской власти" (если обвинение по ст. 70 УК РСФСР) или вопроса о наличии в инкриминируемых документах "заведомо ложных измышлений" (в случае ст. 190-1 УК РСФСР) и не участвовать в исследовании степени участия обвиняемого в инкриминируемых "эпизодах". Мотивировка: в первой части судебного следствия будет доказано, что инкриминируемые действия или документы не являются преступными, что суд, конечно, проигнорирует.

Поэтому я не считаю для себя возможным давать такому суду показания о степени своего участия в том, что ему угодно, столь явно демонстрируя свою солидарность с обвинением, считать преступной деятельностью и что, на самом деле, таковой не является.

В. Гершуни. *Идеологи с большой дороги* (декабрь 1980 г., 5 стр.)

...
Суды над Абрамкиным, Гриммом, Сокирко и Сорокиным, начатое недавно следствие над писателем Михаилом Лятовым (М. Яковлев — Хр.) — это единый процесс о журнале "Поиски", ... первый беспрецедентный "многосерийный" суд над свободной журналистикой.

И. Русин. *Польша — это катастрофа* (1980 г., 7 стр.)

...
... события в Польше — залог грядущей катастрофы социалистической бюрократии.

Б.И. Каневский, В.А. Сендеров. *Интеллектуальный геноцид (экзамены для евреев: МГУ, МФТИ, МИФИ)*, изд. 2, доп. (1980 г., 21 стр.)

Авторы (Хр. 56) рассказывают несколько "историй поступления на мех-мат" МГУ и приводят статистику поступления в МФТИ и в МИФИ выпускников пяти московских школ (из 107 неевреев приняты 75, из 61 еврея — 7, причем трое из семи — родственники ученых, работающих в соответствующем вузе).

Через толь (155 стр.)

Из предисловия:

Настоящий сборник, составленный из различных материалов самиздата, ставит своей целью прояснить понятие социализма в теоретическом и историческом аспектах.

Сборник содержит статью В. Ронкина и С. Хахаева (в 1965 г. за участие в тайном марксистском кружке "Колокол" Ленинградский городской суд приговорил каждого из них к 7 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки) "Прошлое и будущее социализма" (23 стр.; раньше эта статья была напечатана в 8 выпуске журнала "Поиски" – Хр. 56), статью Ивана Белова "О роли разделения творческого и рутинного труда в истории" (25 стр.), эссе "Како веруешь?" (6 стр.) и "К критике политической экономии" (9 стр.), подписанные "В.Н.", эссе Н. Болховского "Апология Плеханова" (3 стр.) и его же статью "Судьба революционно-социалистической интеллигенции в России" (80 стр.).

Бюллетень № 10 Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР (10 декабря 1980 г., 35 стр.)

После долгого перерыва на титульном листе, кроме Ю. Киселева и В. Фефелова, вновь указан член Инициативной группы Файзула Хусаинов (Хр. 51).

В начале бюллетеня Ю. Киселев, В. Фефелов, О. Зайцева и Ф. Хусаинов поздравляют советских инвалидов с решением ООН – объявить 1981 год Международным годом инвалидов.

В бюллетене – документы Инициативной группы № 18 "Сквозь замочную скважину..." (о преследованиях Фефелова – Хр. 57) и № 19 "Что мы хотим", статьи "В день прав человека" и "Минута молчания на Пушкинской площади", международная и внутрисоюзная переписка Инициативной группы (по ходатайству Инициативной группы И. Утавлинов получил квартиру), определение Брестского областного суда по иску В. Прокопчука (Хр. 52) к Каменецкому РОНО и Брестской областной больнице (кассационное рассмотрение) и жалоба Прокопчука на это определение, а также приложение – "Преследования членов Инициативной группы продолжаются" (см. наст. вып.).

Информационный бюллетень Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях № 24 (20 сентября 1980 г.)

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

Фуат Аблямитов на допросе (Хр. 57) показал, что часть изъятых у него на обыске материалов он получил от А. Шустера (Хр. 49).

Дело Горбала

Из последнего слова на суде (Хр. 56):

...

В свое время вы судили меня за одно стихотворение, за недописанную еще поэму, которую вы изъяли у меня из письменного сто-

ла. За это меня осудили на 7 лет тюрьмы, лагеря и ссылки. Это были нелегкие годы моей жизни и только я знаю сколько здоровья мне это стоило. Но уверяю вас, что я благодарен судьбе, которая повела меня невольничьими дорогами Мордовии, Урала и Сибири. В неволе я встретился с прекрасными людьми, встретил настоящих друзей.

...Вся моя теперешняя деятельность в Киеве заключалась лишь в одном – что я в столице Украины всегда и со всеми говорил по-украински. Но и это расценивалось как вызов. И вы меня судите за "попытку изнасилования". Вот сегодня в помещении суда я был свидетелем такой сцены: в арестантскую комнату к кому-то из арестованных зашел адвокат, удивился и спросил у охраны: "А что это сегодня здесь так много дружинников и милиции нагнали?" И милиционер ему ответил: "А, какого-то националиста судят" Слышите – НАЦИОНАЛИСТА. Не из-за этой ли характеристики мне не разрешают уехать из этой страны? И снова я среди униженных, оскорбленных, обездоленных. Сегодня я официально объявляю себя членом Украинской правозащитной Хельсинкской группы.

...

С первых дней, когда я получил вызов на эмиграцию в США, я подвергался провокациям со стороны властей, которые не со мной одним, а и с другими, находящимися в таком же положении, спешат расправиться. Правда, среди известных мне случаев я, может быть, первый, кому фабрикуют дело по такому гадкому обвинению. В какой-то мере власти давно практикуют компрометирование моральной стороны тех людей, которые находятся в оппозиции к ним.

...

Из письма:

...

Когда 23 октября я возвращался с работы, я на Крещатике встретил уже знакомую Наймытенко. Она сказала, что после работы ходила по магазинам. "Узнав", что я направляюсь прямо к ее подруге, она решила воспользоваться моей компанией и заехать к ней. Уже по дороге, в трамвае, вспомнила, что должна что-то взять для нее. А сама живет тут же рядом, у остановки, нужно забежать на минутку. Мы вышли напротив Политехнического института. В деле эта остановка называется "Полевая". Мы прошли маленькой, плохо освещенной тропкой метров 50 и оказались перед железнодорожной насыпью. Я спросил: "А где же Ваше общежитие – там, за насыпью?" "Нет, мы уже пришли". "А куда мы идем?" "А так, гуляем". Это меня насторожило, тем более, что минуту до этого она просила, чтобы я дал ей почитать стихи, если они у меня с собой. Я сказал, что у меня нет их с собой, тогда она попросила записать ее телефон и, если что-нибудь случится, чтобы я имел ее в виду. После этого я уже не сомневался, что она сексот, хочет втереться в дове-

рие и что-то выведать, но не мог и подумать, что мне осталось быть на воле всего несколько минут. Вдруг она зажигает папиросу, кладет мне руки на плечи, говорит: "Обними меня". Это было сказано так некстати, так грубо, что я сказал: "Слушайте, я боюсь Вас". И это все, что я успел сказать. Из-за насыпи послышался топот ног. "Девушка, это Вы звали на помощь?" Два человека скрутили мне руки, повалили и поволокли по земле. Бьют по лицу кулаками, топчут ногами грудь. Я заметил, что поодаль стояло еще двое или трое, один из них с овчаркой. А девица с одним из верзил побежала вызывать милицейскую машину, которая, видно, уже ждала на углу улицы, поскольку приехала без промедления.

...

17 января этого года знаменательно в двух отношениях: надо мной в этот день начался суд, а Павла Стокательного выпроводили к жене (Хр. 56 – Хр.). Несомненно, это совпадение не случайно, поскольку только Павел мог и был готов привлечь внимание к этому судилищу. А так спокойная расправа была гарантирована.

...

Дело Черновола

Из кассационной жалобы (80 стр.) В. Черновола (суд – Хр. 57) :

Стержнем приговора по моему делу является преднамеренный, заранее запланированный оговор меня гр. Блохиной, выставленной в роли "потерпевшей". Остальные доказательства по делу составляют разрозненные и искусственно созданные улики, самого факта "преступления" не подтверждающие.

В связи с тем, что суд так смело построил версию "попытки изнасилования" почти *исключительно* на показаниях самой "потерпевшей", а детали этой "попытки" – исключительно на сообщениях Блохиной, большое, даже определяющее значение при кассационном рассмотрении моего дела имеет изучение четкости и последовательности *всех* показаний Блохиной в сравнении с моими показаниями, а также изучение с точки зрения возможного оговора личности "потерпевшей".

В ходе следствия и суда я ни разу не менял своих показаний как о подлинных политических причинах моего незаконного ареста, так и о мельчайших деталях происшествия, не путался, не ссылался на "плохую память", "нервное состояние" и т.п. В моих показаниях вы не найдете даже малейших противоречий, что косвенно подтверждает их истинность.

Другое дело – показания "потерпевшей". Я обращал внимание суда, что она не только о событиях в ночь на 9-е апреля, но даже о своей личности сообщает путанно и противоречиво (см. том 2, лист дела 9 и замечание № 6 на протокол суда). Возникает даже обосно-

важное сомнение, не является ли фикцией само существование человека с таким именем.

О месте своей работы и проживания Блохина сообщает самые разноречивые сведения.

Очень показательно, что в деле не было и в суде не предъявлялся ни один оригинальный документ Блохиной, даже паспорт. Мое ходатайство, поддержанное адвокатом, об ознакомлении с трудовой книжкой Блохиной было судом отвергнуто без серьезной мотивации.

Столь же разноречивые сведения сообщает Блохина о причинах появления в Мирном, о жизни в нем до знакомства с Черноволом и о том, что произошло 8 апреля и в ночь с восьмого на девятое.

Наверное, не только наличие свидетелей Докшина и Ивачева вынудило Блохину и прокурора в ходе суда менять концепцию. Слишком уж нелепым и разоблачающим саму Блохину представлялось то обстоятельство, что при чуть ли не враждебном отношении ко мне и моим убеждениям Блохина все же сидит со мной в ресторане, идет к Ивачеву, а после 3-х часов ночи идет в мужскую комнату гостиницы, где сидит со мной целый час, потом снова ко мне возвращается и т.п.

...

Для чего делались такие крутые повороты в показаниях "потерпевшей", понятно. Ведь надо было как-то объяснить тот трудно объяснимый факт, что Блохина до 5 часов утра упорно не желала со мной расставаться, пока, наконец, не создала подходящие для провокации условия. Но сам факт такой радикальной перемены показания в связи с новым вариантом сценария разве не говорит вам, судьям, что Блохина постыжно и обо всем говорит не так, как было в действительности, а так, как нужно для фабрикации обвинения?

...

Что же в действительности происходило в этот драматический для моей судьбы момент в гостинице "Вилкой" приполярного города Мирного?

Как я показывал последовательно и неоднократно, начиная со дня "происшествия" — в заявлениях в прокуратуру, а затем в суде, — Блохина вернулась в мою комнату через 10-15 минут. Не упоминая ни о каком пальто, она в темной комнате шепотом пригласила меня к себе. Сказала, что одна, что соседка так и не пришла (интересно все же, куда ее "справили"? — В.Ч.). Попросила взять с собой недопитое вино и идти не вместе с ней, а чуть попозже, "чтобы нас вместе не видели". Смысл такого приглашения, кажется, комментировать не надо, он однозначен. Особенно, если учесть, что уже перед этим в моей комнате разговор принял впервые за вечер интимный характер, хотя реализовать запланированное

Блохиной мешало присутствие шофера Докшина, хоть и спящего, но все же свидетеля иного типа, чем вовлеченные в заговор дежурная и милиционеры.

... И я пошел. Пошел в западню, пошел навстречу запланированному КГБ гадкому обвинению и попытке моральной дискредитации меня как активного участника правозащитного движения в СССР.

Сейчас, в тюремной камере, в бессонные голодные ночи (голодовку я объявил с момента ареста) я часто возвращаюсь мыслями в ту ночь и спрашиваю себя, почему я это сделал? Ведь осознавал же я, что командирован в Мирный совсем не для добычи тракторных запчастей. Выступая свидетелем, моя жена Алена Пашко подтвердила в суде получение от меня телеграммы следующего содержания: "Еду странную командировку Мирный кому-то для чего-то это нужно" (т. 2, л.д. 112, замеч. 106 на протокол). (Кстати, ее ответную телеграмму с просьбой быть осторожным, беречься — мне не вручили, хотя она была послана за три дня до моего отъезда из Нюрбы в Мирный. Факт, говорящий сам за себя. Как и то, что за месяц до моего ареста у жены отключили телефон, мне полностью перестали предоставлять междугородние разговоры, все письма от от жены и др. лиц за 1-1,5 месяца до моего ареста ко мне не попали... Ясно, что, готовя "операцию", обрубали мои связи с внешним миром.) Ведь ожидал же я возможных провокаций, говорил об этом. Это подтверждали в суде даже Ивачев и мой начальник Шнапер.

...

Всё предусматривал, только вот в милой, понимающей меня землячке Тане, поднимающей тосты за свободную Украину, почему-то не разглядел кагебистского провокатора, хотя сейчас задним умом понимаю, что мог бы разглядеть...

И все же я не имел права идти в чужой номер гостиницы, оставаться наедине с женщиной, догадываясь, для чего она меня приглашает (тогда я имел в виду, конечно, не провокацию). Не имел права и из моральных соображений, и из чувства ответственности, осознавая, что, в силу своего общественного положения, полностью я сам себе не принадлежу.

Но я пошел...

Когда я вошел, Блохина ждала меня у двери и закрыла дверь на ключ. Свет не включала. В комнате было не очень темно из-за уличных фонарей. Подошла к кровати справа, как оказалось чужой, сбросила туфли, взобралась на кровать, даже полуприлегла, прислонившись к спинке кровати. Я сел возле кровати на стул. Разговаривали о разном, никаких политических дискуссий, конечно, не было. Договаривались поддерживать знакомство в будущем. Выпить вина предложила сама Блохина, она же наливала. Выпили немного вина. Я пересел к ней на край кровати. Обнимались, целовались. Дело явно шло к интимной близости, конечно, без какого-

либо насилия. Не было не только придуманных позже шумов, но даже разговор нормальным голосом перешел в шепот. В это время и раздался стук в дверь, совсем не громкий. Слово "Милиция!" я услышал не из-за двери, а от самой Блохиной (значит, знала, кого ждала!). Причем произнесла она его с явным облегчением. (Похоже, агентка еще не вполне освоила роль постельной провокаторки и не хотела заходить слишком далеко, хотя для обвинения это было и желательно. А, может, поспешили со стуком.) Поняв, что произошло, я быстро пересел на противоположную кровать. Когда я наклонялся к Блохиной, у меня расстегнулся замок на одном из ботинок и частично сполз носок, немного выбилась рубашка. Вот и все "непорядки" с одеждой, которые могли увидеть у меня вошедшие ("увидели" же они куда больше). Блохина же еще раньше сняла джинсы, а при стуке в дверь сделала резкое движение руками у груди: то ли рвала кофту, то ли себя царапала (в полутьме различить было трудно). Потом в колготках и длинной кофте (милиционеры даже приняли ее за халат) устремилась открывать дверь. От стука до захода милиции прошло не более 1-2 мин. Кстати, на стук вопросом "Кто?" ответил я, а не Блохина, как ложно утверждает приговор. В комнату вошли три милиционера (капитан и два низших чина), за ними Азаренко. Милиционеры, ничего не говоря, устремились ко мне. Я спросил, чем вызвано их появление. Ответила не милиция, а Азаренко: "Я услышала шум, девушка плачет и вызвала милицию". Я спросил: "Какой шум?" и обратился к Блохиной: "Ты разве плакала?" (Этот момент на удивление правильно воспроизвела в суде Азаренко: "Ты же не плакала", – т. 2, л.д. 108). Блохина молчала, закрыв лицо руками (или имитируя плач, или скрывая то, что оно не заплаканное, а скорее довольное). Еще я сказал: "Это же провокация". При мне Блохина милиционерам ничего не рассказывала и на насилие не жаловалась. Поэтому даже формальных оснований для моего задержания не было. Однако появились еще два милиционера – и меня увели.

Черновол перечисляет многочисленные противоречия и несуразности в показаниях Блохиной о ночи с 8 на 9 апреля, показания "свидетелей защиты" (жильцов гостиницы), не приглашенных в суд, и противоречивые показания "свидетелей обвинения" (дежурной гостиницы Азаренко, капитана милиции Ковальчука), нарушения при изъятии вещественных доказательств и проведении экспертиз.

Особенно показателен в плане фабрикации протокол допроса Блохиной, будто бы проведенного следователем Ивановым 10 апреля 1980 г. с 9 ч. 15 мин. до 10 ч. 15 мин. утра. Знакомясь с материалами дела, я обратил внимание, что ответы Блохиной составлены с очевидным учетом материалов следствия, которых к утру 10 апреля еще не существовало (например, моего заявления в прокуратуру от 13 апреля, где я излагал действительные обстоятельства происшествия и др.). Кроме того, этот протокол выгодно от-

личался от остальных протоколов допросов Блохиной 9 и 10 апреля и очной ставки вечером 10 апреля, где Блохина давала показания неполно и противоречиво. Здесь же рисовалась картина "преступления" со всеми подробностями и готовыми формулировками, без каких-либо изменений перенесенная затем в обвинительное заключение и в приговор. И терминологией и даже стилистикой протокол резко отличается (в выгодную для обвинения сторону) от других допросов Блохиной Ивановым, в том числе и датированных позже. Я обратил также внимание, что за 1 час допрос такого характера и объема (протокол составляет 12 страниц убористой печати на машинке – см. т. 1, л.д. 42-47) провести невозможно, для этого следователю потребовался бы как минимум целый рабочий день. Наконец, обнаружилось еще одно пикантное обстоятельство. В то же самое время, когда Иванов будто бы допрашивал Блохину, он, в действительности, допрашивал других лиц, что отразилось в материалах дела. Так с 9.30 утра до 10 утра 10 апреля Иванов допрашивал свидетеля Трофимову (т. 1, л.д. 68-69), с 10.00 до 10.15 – свидетеля Афанасьеву (т. 1, л.д. 72-73). Этим подделка разоблачена окончательно.

...

Очень показательно, что из протокола суда старательно убрали все упоминания об этой фабрикации, хотя и я, и адвокат говорили о ней в суде несколько раз.

...

Следствие не только умышленно не провело ряд следственных действий, которые могли бы помешать обвинению (не допрошены лица, жившие с Блохиной в одной комнате, таинственный сосед из комнаты № 29 Лукьянов, оставшийся с Блохиной в комнате № 28 милиционер; не приобщен документ о заболевании руки у обвиняемого, хотя я вопрос об этом ставил, и др.), но и *скрыло* уже проведенные следственные действия, поняв, что они не в пользу обвинения. Яркий пример – скрытие постановления об изъятии у меня образцов ногтей для биологической экспертизы, приобщенного к делу по моему настоянию вместе с самими образцами только судом (т. 2, л.д. 63.65). Напомню, что оперативное проведение такой экспертизы 9 или 10 апреля полностью перечеркнуло бы нелепое обвинение о нанесении мной Блохиной каких-то "телесных повреждений".

Чрезвычайно существенным нарушением уголовно-процессуального закона (ст. 264 УПК) является значительная неполнота и заведомая фабрикация протокола судебного заседания. Я обнаружил неоднократные случаи записи в протокол не того, что "потерпевшая" или свидетели действительно говорили в суде, а того, что им помогли сказать на предварительном следствии и что стояло в обвинительном заключении. Четко проявилась тенденция при помощи протокола сделать показания постоянно путавшихся лжесвидетелей и "потерпевшей" единообразными и поэтому доказательными. В

данном случае проявилась не только тенденциозность, но и элементарная непорядочность судившего меня судьи Слепцова.

...

Незадолго до первого выезда в Мирный было опубликовано мое заявление о вступлении в Украинскую Хельсинкскую группу с призывом последовать моему примеру...

Черновол перечисляет доказательства "подстроенности" его командировки в Мирный.

24 июля судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Якутской АССР в составе председательствующего А.В. Адрианова и членов суда К.П. Седых и П.П. Федорова оставила приговор Мирнинского городского суда без изменения.

Примечания к Хр. № 60

стр. 66, 67, 68

По поводу имени Печелюнаса:

В предыдущих выпусках "Хроники" допущены ошибки в написании этого имени.

Правильно – Повилас Печелюнас.

стр. 81

По поводу имени Жипре:

– Альгимантас (согл. Хр. 32, 50, 51).

– Альгирдас (согл. Хр. 34, 47; ИБ № 15 Раб. комиссии по психиатрии).

В Хр. 34 указано, что в Хр. 32 ошибка и правильно Альгирдас; в ИБ № 15 приводится справка о Жипре, имеющаяся в следственном деле А. Подрабинека.

Правильно, по всей вероятности, – Альгирдас.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдулаева Т.	7	Афанасьева	125	Болонкин А.	103
Аберсон А.	94	Ахметов Э.	7	Болоховский Н.	119
Аблямитов Ф.	7,119	Ахшарумова А.	74	Боннэр Е.	13,45,46
Абовин-Егидес П.				Борисова Е.	41
	30,113	Бабенков	85	Браиловский В.	7,36-38,76,96
Абрамкин В.	27,29,109,111-114,117,118	Бабеньшев А.	74,75	Браиловская И.	36,37,97
Абрамович П.	74	Бадзьо	63,81	Браиловский Л.	97
Абрутис В.	66	Байкова Н.	24	Брежнев Л.	52,62,67,74,77,79,81,87,93
Агапова Л.	76,93	Бакученис Ю.	64,66	Бриджес Г.	39
Адамс Ю.	64	Баланюк	57,59	Брикен В.	95
Адрианов А.	126	Баранов В.	93	Бродский И.	30
Азарх С.	77	Барац В.	97	Бродский В.	74,97,98
Азадовский К.	40	Барац В. и Г.	98	Бруснецов	54
Азаренко	124	Барс Е.	75	Будный	59,61
Азбель М.	96	Барсов В.	93	Будниченко	72
Азизова Т.	93	Бахмин Виктор	22	Бузас А.	64-66,71
Аксиньин А.	79	Бахмин Вячеслав	22-24,26	Булах	71
Алексеева Е.	7,15,95,101,102,104	Бахмутский М.	94	Буржуамедов К.	31,106,107,109,110,112
Александров А.	102	Бегичева Т.	36	Бурцев Ю.	27-34,99
Алешина Е.	82	Бегун И.	88	Буряковская Э.	79
Алексин	75	Бекиров	8,14,15	Быков	25
Айрикян П.	44,82,117	Белавичус	70	Быковский И.	89
Алиев М.	75	Белобородов	85		
Альбер С.	96	Белов И.	119	Валенса Л.	98
Альбрехт В.	98	Бердничук А.	82	Валитова И.	7
Алтунян Г.	62,63	Береза	61	Васильева В.	33
Алябьев В.	96,97	Березкин	55	Васильев	72
Амальрик А.	50,56	Беренштейн	78	Василенко Г.	53
Амиленис	69	Берман Р.	30	Варвак Л.	78
Андропов Ю.	50,59	Беспалов	56	Варвак Леонид	78,79
Анцупов Е.	62,63	Битвинскас А.	71	Великанова Т.	19,25,27,44,48,81,103,116
Антиди	8,13-15,20	Блохина Т.	121-125	Величкин Ю.	51,95
Апраксин К.	7,84	Бобряшева	84		
Аркадьев Н.	35	Богданов В.	7,12,13		
Арманд Е.	47,95	Боголюбов Г.	38-40		
Артамонов Б.	32	Богораз Л.	17		
Арутюнян Ш.	87,88	Бойко В.	73		
		Бойцов Н.	55		
		Бойцова Л.	7		

Велихов Е.	100,102, 104	Григорьянц Т. и С.	92	Ешмантас Г.	66-68
Виноградов И.	94	Григоренко П.	23,59	Жеребко	24
Винтова М.	53	Гримм Ю.	7,27,95, 109,111,113,114, 117,118	Жабин	22
Вильчинская Г.	72, 73	Гримм К.	95	Жданов	7,9,18,20
Витаутас	69	Гришин	74	Жиц О.	94
Виткаускайте О.	66,71	Григорьева Т.	41	Жилин	82
Виткаускайте Б.	65	Громов	90	Жипре А.	81,126
Владимов Г.	49,92	Грюнбрег Л.	82	Жмачкин	39
Владимова Н.	92	Губинский	7	Жуков Ю.	40
Вознесенский А.	94	Губерман И.	87	Завальнюк В.	71
Войнович В.	80	Гулько Б.	74	Зайцева О.	32,47, 119
Воннегут К.	22	Гумилев Н.	40	Закс Ю.	40
Волошин М.	30	Гуревич А.	36	Засимов А.	82,83
Волохонский Л.	95	Гусаров В.	89	Звягин И.	72
Вольвовский	90	Давыдов В.	89	Здебскис Ю.	71
Вольскис	70	Данилов	94	Здоровый А.	62
Воробьев	36	Даниэль Ю.	46	Зиненко	81
Воронежский	56	Дворянский	10	Зисельс И.	85
Высоцкий	15,63	Джеляев М.	51	Змейкина	33
Вуль Л.	6	Джемилев Р.	16,20, 84,85	Зубко С.	78
Гаврилов	84	Джемилев М.	7,10, 88	Иванов	124,125
Гайдамачук Е.	29,95	Дзюба И.	56-59,62	Ивачев	122,123
Ганцев	33	Девячень	25	Игнотас	66
Гаркавенко	7	Дедюлин	8,20	Иоффе А.	96,97
Гвишиани	62	Додонов	72	Кабицкий	53
Геращенко И.	77	Докшин	122,123	Кац В.	74
Герус Т.	13	Дорош В.	54	Каджис	67
Гершуни В.	29,89, 118	Достоевский Ф.	33	Каланта	66
Гинзбург В.	101,105	Драбкин Л.	94	Калеп В.	64
Гинзбург А.	94	Друскин Л.	80	Калинец И.	58
Гинзбург И.	44-46	Евстигнеева	27	Калинаускас Л.	69
Гимбутас Ю.	85	Евсюков С.	84	Каллистратова С.	31,44,47,49,106,107, 112,114
Гнатенко	56	Елистратовы Б. и В.	24	Каневский Б.	118
Гнатышак	55	Еременко А.	38-40, 56	Капаев	23,24
Гольфанд Ю.	47,97	Ермолаев С.	87	Капоян	40
Голицын А.	92,93	Ерофеев	30	Каплун И.	92
Горбаневская Н.	23	Ефройкин	8-11,18, 20	Картер Дж.	66
Горбаль Н.	61,119			Каунацкас	69
Гордьюк	53			Кашик А.	8,9
Гражулис	69			Кейн	69
Гривнина И.	22-24, 46				

Кейна А.	71	Қрылов В.	30	Магарик В.	96
Кеннеди Дж.	104	Крылов Н.	75	Мадиссон Т.	64
Кент Т.	94	Крючков-Дворец-		Мазур Д.	54
Кершоте	66,68	кий Е.	54	Майкова	29
Кикило	89	Кувакин В.	28,41-	Макарий, архи-	
Кинг М.	104		43,97,98	епископ	73
Киржниц Д.	102	Кудрявцев И.	22,34,	Макар-Лиманов Л.	
Кириенко	65		34,35		74,77,95
Кириченко С.	63	Кузнецов Э.	45,46	Максименко В.	96
Кириллов-		Кукк Ю.	63	Маламуд Б.	86
Угрюмов В.	75	Кулешов Э.	80	Малаховская Н.	36
Киселев Ю.	7,32,33,	Курш К.	94	Мальцева Н.	36
	119	Кялмялене	70	Малинина	72
Клементович Е.	30	Лавут А.	7-20,46,	Мандельштам Н.	40
Клюев А.	40		48,49,103	Мандельштам О.	30,
Ковалев И.	13,19,31,	Лавут Т.	46,47		36,50
	44,45,47,48,50,51,	Ладоскин	41	Маринович М.	83
	85,90,91,95,103,106,	Лазарева Н.	36	Маргун	72
	118	Ланда М.	27,85,86,	Марченко А.	17
Ковалев С.	80		88	Марченко Анна	61
Коваль Б.	44,46	Лашкова В.	41,94	Марченко В.	58,61
Ковальский	8,14,15,	Лауринавичос Б.	69	Матвиенко	56
	20	Левинштейн В. и Б.		Матусевич Н.	80,
Ковальчук	124		78		82,87
Кожаринов	8,20	Левченко А.	23	Машкова В.	93
Козельская Л.	61	Ледовский Е.	91	Медведев Р.	92
Козловский Е.	30	Лейбовиц Дж.	102,	Мейланов В.	21,117
Колчин В.	46,47,50		104,105	Мейман Н.	44,45,47,
Константинов Н.	7	Ленин В.	14,56		87,95
Кононов Г.	81	Лепилина С.	40	Менделевич И.	74
Комарницкий Е.	31	Лерт Р.	29,91	Мешко О.	58,59,
Комарова Н.	83,92	Линде А.	102		61,62
Комаровский Ю.	90	Лисовой В.	61	Миньо Ж.-Л.	93
Копелев Л.	80	Лисовая Вера	61	Мисчанов Ф.	51
Кормер В.	30	Лисовская Н.	41,95	Михайлов Г.	87,89
Коробейников Л.	41-	Листвина Л.	82	Михайлов М.	93
	44,46,48,49	Липкус М.	54,59	Михайленко А.	63
Корягин А.	22,62	Лойола И.	64	Михайлец	57,59
Костерин Р.	87	Лоренцсон А.	94	Мицк	70
Красивский З.	83	Лукьянов	125	Мицкевич В.	47
Красин	8,19	Лупачев И.	76	Мишанинцев	28
Крайник Н.	40,53,	Лупинос А.	56,57	Мищенко С.	78
	54,81	Любарский К.	22	Могильный В.	57-59,
Кривулин В.	36				61
Кристи И.	95			Монаков М.	82

Мотрюк Н.	58	Островская Н.	41	Пракайтис А.	69
Мостинский	8,16,20	Островский П.	41	Прокопчук	119
Мнюх Ю.	58	Остроушко Л.	91	Равиньш М.	87
Мурженко А.	74,78, 87	Павлова Е.	93	Раджабов	81
Мурженко Л.	78	Павиланскас Б.	71	Разулов Э.	7
Мясников А.	34,36	Павловский Г.	29, 95,106,112	Ратас Э.	64
Мятик К.	87	Паламарчук	30	Ратушинская И.	77
Навицкайте Г.	65, 66,71	Паулайтис	81	Резникова Е.	7,8, 18,24
Навицкас Э.	65	Пашко А.	84,123	Репша	65
Назарян	81	Перепелкин	47	Рильке Р.-М.	40
Наймыгтенко	120	Петров	90	Рогачев	98
Наконецный	59	Петренко М.	13,50, 95	Розенберг Г.	94
Наржакене Р.	64	Петрунь	54,55	Романовский	30
Недоступ А.	25	Перьков Г.	117	Романова А.	62
Некипелов В.	33,82, 83,85,86,92,103,116	Печелюнас	66-68	Романюк Л.	59
Некипелов С.	92	Плахотнюк Н.	89	Ронкин В.	119
Нешлехович В.	22	Плетнева Т.	95	Руденко Н.	81
Нехотин С.	31	Плешков П.	85,86	Руденко Р.	81
Нийтсоо В.	64	Плеханов	119	Руденко	73
Никитин Н.	43	Плумпа Н.	40,80	Румачик П.	73
Никлус М.	63,64	Плющ А.	8	Румшицкий Б.	95
Нилов А.	82,83	Подрабинек А.	17, 22-24,41-43,46,48, 88,126	Румшиская М.	23, 95
Новак Л.	30	Подрабинек К.	83, 84	Русин В.	118
Новожилов	32	Подрабинек П.	7,83, 84	Рыбников А.	94
Новиков М.	47,62,97	Поздеев Ю.	83,84	Рыдванов	89
Нюнко	70	Померанец Г.	33	Рыжик В.	75
Образцов П.	86	Пономарев Г.	22,34, 36-38	Рытиков В.	72,73
Овес Л.	91	Попелюх В.	63	Салахов	83
Овес М.	91	Попов Е.	30	Санус	56
Оганян Р.	79	Попов Д.	30	Самойлов В.	47,48, 51
Огородников А.	82	Попов К.	31,95	Сас-Жураковский М.	52,53
Окуджава Б.	63	Попов О.	34,35	Сас-Жураковский Н.	52,53
Омельченко Н.	35	Попов	41	Саукайтис	69
Орлов Ю.	48,83,87, 99,103	Попович О.	81	Саснаускас Ю.	70
Орлова Р.	80	Попков В.	87	Сахаров А.	8,11, 17,18,20,21,37,43,49, 87,94,95,100,106
Осадчий М.	92	Постников А.	93	Сваринскас	69
Осипова Т.	7,15,41- 45,47,50,51	Праздника Т.	7, 18,27-29	Светличная Н.	58,60
Осипов	81			Свердлов В.	82
Острецова	27				

Седых К.	126	Стакенас В.	71	Фаст Г.	94
Семенов	77	Станелите Я.	68	Федоров Ю.	74,82,87
Сендеров В.	118	Сталин И.	59,85	Федоров С.	90
Семенова М.	82	Степаненко	54,55	Федоров П.	126
Сергеев Н.	88	Стокательный П.		Федоренко И.	89
Серебров Ф.	22,23, 24	Стус В.	54,58,63,82	Федякина Р.	40
Сереброва В.	95	Суперфин Г.	50	Фейгин М.	75
Силивончик Г.	82	Сучков Ф.	30	Феофанов	12
Симчич М.	85	Сычев В.	93	Фефелов В.	32,33, 47,119
Симаков Н.	41	Тамошаускене	70	Филатова И.	22,23
Сидельник В.	63	Терновский Л.	7,9, 22,24,25,27,40,103	Филатова М.	22
Синявский	46	Терляцкас А.	70,82, 83	Фомин	85
Сиротенко Е.	43,44	Тертицкий	15,20	Фрадкий Е.	102
Сичко В.	62	Тесменицкий Л.	74,77	Фридман	8
Сичко П.	62	Тилгалис М.	83	Хайковский В.	58
Сквирский В.	43,98	Тимачев В.	94,95	Хасин Ю.	91
Скрипчук К.	81	Титов	31,40,92	Хачатрян Р.	75
Скуодис В.	66,67, 68,71	Ткаченко Л.	106, 107	Харитонов В.	30
Слепцов	126	Тольц В.	8,13,46,48, 49,51	Хахаев С.	119
Смола О.	48	Томачинский В.	95, 99	Хвоткова А.	82
Сморгунова Е.	95	Трофимова	125	Хмара С.	54-61
Смирнов А.	93	Трофимов Г.	94	Ходорович Т.	8,44
Смушкевич Б.	91,95	Трояк	56,57,59,60	Ходорович С.	40,45, 91,95
Соколинская И.	50	Тукачинский Л.	94	Хохлушкин И.	90
Соколинский Е.	8, 50	Туркин	28	Хохлов	92,93
Сокирко В.	7,25,27, 29,31,106,107,110, 112,114,115,118	Тюльков В.	49	Храмцов Ю.	88
Соколов	25	Угрюм-Бурчеев	17	Хромова А.	22
Солженицын А.	8, 11,14,18,19,21,40	Ужкурайтис В.	71	Цапенко	8
Солдатов С.	82	Урбонайте А.	69	Царев	85
Соловов М.	87	Урбонас	67	Цветаева М.	40
Соловьев	90	Урицкий	8,15,16,30	Чалидзе В.	12
Соловей Г.	57	Утавлинов И.	119	Чан Кан Хо	81
Соловей В.	57,61	Фадеев	76	Черенков	84
Соловьев О.	95	Файнберг В.	102	Черновол В.	56,86, 121,122,126
Солопов	90	Фамилянт	28	Чернышов	84
Сорокин В.	22,28, 29,118			Чершка	68
Сорокина С.	29,95			Чечеткин	50
Софиева И.	25			Чикины	35
				Чистиков	9,11,20

Шакалене	70	Шемъи-Заде	8,16,20	Юрков Г.	81
Шакалис	70	Шепелев В.	23,31	Юрявичус М.	68
Шапока Л.	71	Шепелев Г.	31,97,98	Якир П.	7,8,18,19
Шатовал Е.	95	Шибает С.	94	Якобс Х.	64
Шатравка М.	90	Шиханович Ю.	6,7,40	Яковлев	28,29
Шатравка А.	89,90	Шовылин	32	Якунин Г.	116
Шатуновская И.	40	Шпанер	123	Ялинскас	69
Шахвердян Б.	58	Шумский	92	Янулис А.	64,65,70,71
Швейский В.	51	Шутков	32	Ярым-Агаев Ю.	42
Шевченко А.	54-61	Шустер А.	119		
Шевченко В.	54-61	Щаранский А.	90		
Шевченко Л.	59	Щеголева И.	94		
Шевченко М.	60	Щеглов В.	92		
Шевченко Я.	60				

\$ 5.00